СИБИРЬ

1 92

С.А.НИЛУС.

"Близ есть при дверех"...

Иван КОМЛЕВ.

Куда ведут тебя, Россия?..

Николай СИРОТЕНКО.

Явки не будет. Сибирский детектив.

1 92

Журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель:
Союз писателей РСФСР
Выходит 6 раз в год
Основан в 1930 году

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА — ИВАН КОМЛЕВ. Куда ведут тебя, Россия? 3

ПРОЗА — НИКОЛАЙ СИРОТЕНКО. Явки не будет. Повесть. Окончание. 20
ЮРИЙ ЛОКТЕВ. Встреча с маршалом. Рассказ. 83

ПОЭЗИЯ — ТАТЬЯНА ЯСНИКОВА. 76

ЖИТИЯ НАРОДНЫЕ — ЮРИЙ ИГНАТКИН. Из тридцать седьмого. 92

АЗЫ ДУХОВНОСТИ — Н.Е.ПЕСТОВ. Главы из книги. 120

КОРОТКО О КНИГАХ — В.АГАЛАКОВ. Хлеб для человека. 137
О.АФАНАСЬЕВА. Свое счастье. 143
В.ЮДИН. О России великой. 146

КРИТИКА — ПАВЕЛ ЗАБЕЛИН. Когда золото темнеет. 153

КРАЙ РОДНОЙ — Иркутская летопись. 169

ИРКУТСК

ISSN 57424-0385-2 Издательство журнала "Сибирь" 1992

ИВАН КОМЛЕВ

Куда ведут тебя, Россия?

Процесс, получивший название перестройки, есть разрушение старого и сочинение на его месте нового. Что ломаем, что строим, куда идем в этом строительстве и надо ли это делать? Давайте поразмыслим над этими вопросами.

Ругатели командно-бюрократической системы (вариант: партийно-бюрократической) так и не объяснили до сих пор, что представляет из себя эта Система, и почему она довела народ богатейшей страны до нищеты. Обвиняют Коммунистическую партию и ее лидеров за отстаивание "чуждой нам" и "безнравственной" социалистической идеи, и опять же не объясняют, в чем заключается смысл этой идеи. Требуют создания правового государства и одновременно ликвидации Высшего органа страны, Верховного Совета СССР, избранного впервые демократическим путем на основе Конституции. Добились введения поста президента, и немедленно начали кампанию по отставке его. Говорят о создании сильного государства, и расчленяют его на "суверенные" части.

Тут у кого голова не закружится?

Убрали из Конституции шестую статью, провозглашавшую руководящую роль компартии, вывели Советы всех уровней из подчинения коммунистов, разругали их, коммунистов, в средствах массовой информации... Жизнь стала не лучше, а хуже. Есть, стало быть, нечто такое в Системе, что позволяет ей сохранять себя и даже еще сильнее притеснять человека и без КПСС.

Власть Советов, полная и всеобъемлющая, утверждается Основным Законом, но куда же она исчезает теперь, когда главный узурпатор, партия, отстранена от руководства? Говорят нам: исполнительная власть слабая, надо укрепить. Так ли?

Если отвлечься от Системы, то в рамках Советской власти исполнительная была и остается самовластной хозяйкой всего, что подчинено Советам. Прежде всего потому, что в распоряжении исполкомов и земля, и финансы, и жилье, и весь соцкультбыт. У выборного органа, Совета депутатов, никаких коврижек нет, разве что напутствия и пожелания трудящихся. И если у депутатов существует хоть какая-то зависимость от избирателя, то чиновник исполкома огражден и от такой малости. Чиновник всегда служил и будет служить тому, в чьих руках находятся ножки от стула, на котором он сидит. Партийная хватка ослабела, но есть иная сила, о существовании которой мы почему-то забываем.

Однако посмотрим сперва, как устроено управление исполнительными органами Советов. Верховный Совет страны издает закон, который дублируется с вариациями Верховными Советами республик и областными Советами. Этот растиражированный вариант поступает для реализации в исполнительные аппараты всех уровней. И дело бы крутилось, когда бы на этом ограничились. Но всякий исполком обязан выполнять и распоряжения вышестоящих исполнительных органов. Причем решения вышестоящего исполкома обязательны и для Совета депутатов более низкого уровня. Тут и происходит узурпация власти аппаратом, бюрократией, у выбранного народом органа. Если вспомнить и о "партийном руководстве", когда райкомы, горкомы, обкомы давали свои указания исполкому Совета, о можно представить, какая лавина противоречивых требований сваливалась на аппаратчика. До человека ли было тут? Ведь все вышестоящие говорили: "Дай", и никто не говорил: "На". И здесь впору сказать о силе, которая была и есть более мощной, более влиятельной, чем партия и Советы.

Поднимаясь по лестнице исполнительной власти вверх, мы обнаружим наверху Правительство (прежде это был Совет Министров, о нем речь). Совет Министров не был выборным органом, как и все нижестоящие исполнительные структуры Советов. Кто и как назначал министров, народу было неведомо, а знать следовало бы, потому что министры все до единого "избирались" в Верховный Совет и кроме того, что были исполнителями, становились и законодателями! Мало того, они же все поголовно становились и членами ЦК КПСС! Политическая, законодательная, экономическая власти были сконцентрированы в одних руках. Это трехглавое чудовище действовало так: глобальные вопросы решались на пленумах ЦК, о чем громогласно извещался народ, затем эти вопросы выносились на Съезд партии и затем - на Съезд верховного Совета для одобрения, где вслед за министрами поднимали руки вверх и прочие депутаты. Этот спектакль разыгрывался не часто, в результате его появлялись программы, основные направления и другие эпохальные документы. Реальные же управляющие действия между Съездами Совет Министров осуществлял с помощью Постановлений, зачастую называя их совместными с ЦК КПСС. Горько и смешно было слышать, в начавшуюся эпоху перестройки, требования отмены совместных постановлений, когда две подписи под одним документом отражали более правдиво существующую реальность.

Эти же люди (депутаты-министры-цекисты) безусловно определяли и тех, кого можно было допустить на вершину видимой пирамиды, в Политбюро ЦК, и кого посадить Генеральным Секретарем. Генеральный Секретарь обладал вполне императорскими полномочиями, но только до тех пор, пока проводил в жизнь ту линию, которую наметил ему дружный министерский коллектив.

Но кроме того, что Совет Министров издавал свои Постановления (примерно в день по штуке), которые иногда напрочь отрицали Законы или Основные направления каждый министр в своей епархии давал любые Распоряжения, какие находил нужным. А поскольку министров было без малого восемьдесят числом, и каждый мог за день отдать несколько Распоряжений,

то эти распоряжения и определяли всю действительную жизнь страны. Трагедия Советской власти заключалась в том, что министерские волеизъявления были и остаются обязательными для исполкомов Советов всех уровней. Вот в чем суть Системы: это полная и безраздельная власть Ведомств.

Мы же принимали двойной камуфляж - КПСС и Советы - за истинную власть и направляли на них свое негодование.

Ю.В.Андропов борьбу с этим драконом начал с того, что заменял личности в Системе, опираясь на документы, подготовленные его ведомством! Одно ведомство против всех остальных - вот парадокс! - и Комитету Государственной безопасности до сих пор этого не простили и терзают на страницах гласной печати.

Но меняя министров, секретарей обкомов и райкомов, крупных хозяйственных руководителей, он не мог кардинально изменить ситуацию одним махом, потому что на смену негодным руководителям приходили люди из ближайшего их окружения, уже с испорченной (Системой) нравственностью, нравственностью советских буржуа, которые неспособны были изменить свою психологию и образ жизни. Но сам процесс этот, замены руководителей, был полезен, (он всегда полезен), так как заставил всех "крутиться", страна начала работать, просыпаться от летаргического сна. Коррупционеры притаились.

Во времена Андропова был подготовлен план снижения потребления алкоголя на душу населения. За рабочую смену трудящийся производит товара на сумму от пятидесяти до двухсот рублей, но если он выпьет поллитра водки, то ничего не произведет кроме брака или аварии. Вот и получается, что человек отдает десятку за продукт, цена которому копейки, деньги идут в бюджет, а прирост товара - ноль. Этот государственный "бизнес" обходится стране убытком в один-полтора миллиарда ежедневно! Никаких займов не надо, если бы сократили потребление алкоголя хотя бы до уровня тысяча девятьсот пятьдесят шестого года. Можно не сомневаться, что останься жив, Андропов довел бы до конца эту идею, последовательно и постепенно, не загоняя людей в винные очереди и не унижая их достоинства. Реализация же Указа и антиалкогольного Постановления в восемьдесят пятом году показала и силу сопротивления Системы, и недостаточную твердость нового руководителя страны в проведении своих начинаний в жизнь. Хорошее дело было доведено Системой до абсурда и отвергнуто теми же людьми, которые совсем недавно требовали призвать пьяниц к порядку.

Еще одно экономическое действо Андропова имело бы колоссальные последствия, если бы получило продолжение: это - осенняя распродажа товаров по сниженным ценам. Систематическое понижение цен не дает возможности спекулянтам прятать товары на месяцы, а то и на годы. Это хорошо понимал Сталин и твердо держался такой линии. Но и в странах рыночной экономики прекрасно понимают сей механизм и пользуются им, правительства развитых стран поддерживают экономически тех производителей, которые вкладывают средства в поставку на рынок де-

фицитных и, следовательно, дорогих товаров, с тем, чтобы дефицит сменился избытком, и цена упала. И дело тут не в доброте правителей, а в том, что добиваясь снижения цен, государство тем самым укрепляет свою денежную единицу, делает ее весомой. У нас же сегодня поступают наоборот.

Год Черненко позволил правящему классу и теневой экономике опомниться и привести в порядок свои потрепанные ряды. Поэтому продолжение политики Андропова М.С.Горбачевым встретило скрытое, но крепнущее сопротивление, тем более, что и компромат на руководителей скоро исчерпался, и характер у нового Генерального оказался мягче, чем это было необходимо для продолжения жесткой линии. Все рычаги управления страной оставались за Системой, и Генеральному Секретарю пришлось бы оставить свой пост, если бы он со своей "командой" не ввел в действие новый вариант Конституции, который расширил круг законодателей, народных депутатов, в несколько раз и запретил избрание в этот круг действующих министров. Одна голова Системы оказалась отсеченной, Совет министров утратил возможность непосредственно участвовать в законодательном процессе, а партийный вождь занял высший государственный пост через выборы народными депутатами. Келейное смещение главы государства, как это случилось с Н.С.Хрущевым, стало невозможным.

Система, однако, осталась в неизменном виде, все нижестоящие структуры сохранились, точно так же и сохранилось ведомственное управление Советами на местах. Началась блокировка законодательных актов нового высшего органа государственной власти, искусственное создание дефицитов - мыло, зубная паста, спиртное, папиросы... Активную роль в нагнетании страстей начинает играть пресса, обретшая свободу критиковать и лгать в угоду заказчику. Надо сказать, что там, где есть демократия, пресса, сама не являясь властью, играет первостепенную роль при формировании власти. Поэтому журналисты получают гораздо более высокую плату за свой труд, чем иные слои общества и особенно по сравнению с трудящимися. То есть, у представителей прессы есть личная заинтересованность в установлении порядков по Западным образцам и в нашей стране. Отчего все события и факты отбираются и истолковываются совершенно определенным образом: все, что стоит поперек пути к возврату экономики, политики, культуры в капиталистическое лоно, подвергается обструкции. Вот почему оплеваны высокие и, казалось бы, такие незыблемые понятия как Родина, Патриотизм, Народ, Верность, Память. Вот почему дискредитируются Советская Армия и колхозное крестьянство, рабочие и инженеры, ученые и писатели - все, кто не признает себя "навозной кучей", способной лишь удобрить землю для уготованного рая, рая для предпринимателя Адама, его Евы и сыновей.

Двоевластие на вершине государственной пирамиды продолжалось до введения в стране должности Президента и формирования Кабинета Министров, взамен Совета Министров. Суть этой реорганизации заключается в том, что Президент становится главой исполнительной власти под контролем Верховного Совета. Казалось бы: Система обезглавлена и долж-

на подчиниться, наконец, избранникам народа. Но нет, мы видим, новые препятствия, еще более серьезные, возникли на пути реализации идеи народовластия, а, следовательно, и на улучшении жизни трудовой части населения.

Лидер перестройки сделал ошибку (не одну, много ошибок, но остановлюсь на одной): изменив Конституцию страны, он отдал на усмотрение властей республик то, как они будут формировать свои Советы, свои властные структуры. Система показала, насколько она живуча, насколько способна к самовоспроизводству. В законах о выборах в Верховные Советы республик не был включен пункт, запрещавший министрам баллотироваться в депутаты, но не оставлял квоты для партии (КПСС) и других общественных организаций, что заставило представителей партийной бюрократии ринуться в предвыборную борьбу во всех округах. Надо ли говорить, что чиновники Системы в подавляющем большинстве выиграли (и не всегда честно) в этой схватке за власть как в республиканских, так и в Местных Советах? У дракона отрасли новые головы.

Но теперь задачи партийно-бюрократической буржуазии кардинально изменились. Прежде, выкачивая соки своей страны, власть имущие имитировали деятельность на благо народа и отчизны. Теперь же стало необходимым узаконить личные накопления как в союзных, так и в заграничных банках, отстоять имущество и недвижимость, сохранить свое право эксплуатировать те отрасли, которые они доили прежде. Надо заметить, что руководители крупных предприятий по отношению к Местным Советам, такая же мощная сила, как и министры по отношению к Верховному Совету. У них деньги, материальные средства и поддержка сверху ведомственными распоряжениями и постановлениями. Чтобы легализовать свои капиталы и пустить их в оборот, надо было переменить в массовом сознании "точку зрения на социализм".

Задача эта не была такой уж сложной. Несмотря на то, что жили мы в эпоху "развитого социализма", что в высших учебных заведениях "изучали" марксизм-лениниз – казалось бы: нам ли, познавшим и практику, и теорию, не знать, что есть социализм? - подавляющее большинство трудящихся не могли и не могут назвать хотя бы одного-двух основополагающих принципов в экономике и, следовательно, в политике, определяющих социалистическое общество. Существовавший в стране государственный капитализм преподносился нам как "полный", "развитой" (и какой там еще?) социализм, и мы этому верили. И продолжали бы верить, если бы не два обстоятельства. С одной стороны, как уже сказано, к перестройке толкали советскую буржуазию накопленные капиталы, а с другой - ограбление трудового народа достигло такой степени, что не замечать его стало невозможно. Все меньшая доля труда оплачивалась в виде зарплаты, и все меньшая доля государственного бюджета поступала в общественные фонды потребления, тощал и кошелек, из которого обеспечивалось обновление оборудованием предприятий и сельского хозяйства. Как говорили классики марксизма, назрела революционная ситуация. Но по разному: сверху - острее, внизу же недовольство еще не достигало критической черты, и потому пер

естройку начали верхи - борьбой за власть, за влияние на сознание масс. Одни ставили своей задачей подвинуть народ к активной работе, к творчеству, другие - усилить недовольство населения, подтолкнуть его к конфронтации с конституционно избранными структурами. Товары припрятывались на складах, затем их стали задерживать в контейнерах на железнодорожных путях, достигая одновременно и другой цели: сбой на транспорте вел к непоставкам сырья и продукции на предприятия и, как следствие, к снижению производства всех товаров. Те же товары, которые производились, стали переправлять за границу.

Приведу один пример, взятый из газет: в Турции оказалось одних только цветных телевизоров два миллиона (!) в то время как официально туда не было продано ни одного. Никакая контрабандная группа не смогла бы переправить такое количество дефицита за рубеж, если бы ее не поддерживала влиятельная сила на самом высоком уровне.

Вообще говоря, это универсальная схема свержения законного правительства, которую используют во всех странах: дестабилизируется экономика, (параллельно идет критика руководства страны за неспособность "накормить народ"), создаются условия для роста преступности (у нас под видом гуманизации мест заключения огромное число преступников было выпущено на свободу), организуются столкновения на национальной почве (обязательно с человеческими жертвами), средствами массовой информации блокируются армия и органы охраны государства.

Можно только удивляться, насколько прочным было наше государство, насколько терпелив народ, если все эти многократно испытанные средства не привели к стопроцентному успеху и понадобилось еще расколоть Союз на отдельные части посредством объявления суверенитетов, чтобы часть трудового населения поверила, что Октябрьская революция - это ошибка, и что другой дороги, кроме возврата к капитализму, нет.

М.С.Горбачев проиграл, как сказано выше, когда допустил "свободные" выборы в Верховные и Местные Советы республик, когда эти органы оказались занятыми людьми Системы. Дальнейшее развитие процессов в стране предопределено этим фактом.

Один из первых шагов Российского Верховного Совета (кстати вспомнить, что РСФСР, в отличие от других республик, не имела до марта 1990 года своего Высшего законодательного органа, а только Правительство, то есть, ведомственное управление страной, о чем уже говорилось как о хребте Системы, в самой большой республике было представлено без камуфляжа), один из первых шагов Верховного Совета РСФСР показал, куда поведут Россию: в республике был ликвидирован Народный контроль! Если перед тем Верховный Совет СССР и его Правительство создало условия для создания спекулятивных кооперативов, поставив производственную кооперацию в заведомо неприемлемые условия, то теперь спекулянтам и теневикам полностью развязали руки. Этот шаг показал одновременно: кто поведет Россию.

Упоминание о ста сорока миллиардах, возможно, будет чревато серьезными последствиями для журнала, ко времени опубликования статьи "радикальные" изменения могут достичь уровня "деспотизма демократии", но обойти их в разговоре о путях-дорогах перестройки невозможно. Рядовому гражданину страны Советов трудно понять, почему обмен (продажа) ста сорока миллиардов рублей на семь с половиной миллиардов долларов незаконна (если даже отмахнуться от того факта, что с обеих сторон в сделку вступали лица не имеющие ни самих денег, ни права представлять те организации, за которые они расписались, попросту говоря, мошенники), когда на Западе это, мол, просто бизнес. Рубль наш деревянный" и неконвертируемый, если за него хоть что-то дают - уже хорошо, а дают доллары - и того лучше. Хоть шерсти клок... А с другой стороны - зачем могли понадобиться наши бумажки, да еще в таком немыслимом количестве, кому-то "за бугром"? Выдумки это все и происки КГБ против демократов - таков был тон большинства публикаций в печати.

Увы, как признал в одном интервью по ТВ академик Шаталин, нашим экономистам в тысячу раз дальше до профессионализма, чем хоккеистам или футболистам. А что говорить в таком случае о простых гражданах, которых зовут в рыночную экономику, убеждая, что там-то они себя покажут? Сложнейшие взаимосвязи между производством, трудом, зарплатой, общественными фондами, наличием товаров, их стоимостью и ценой, запасами сырья и т.п. выражаются, в конечном итоге, в деньгах. Сегодня мы знаем, что в виде зарплаты мы получаем лишь часть от стоимости произведенного продукта, часть должны бы получать через общественные фонды потребления - жилье, медицинскую помощь, образование и т.д.; еще часть идет государству - на армию, на финансирование экономических программ. Замечу попутно, что в странах с рыночной экономикой поступления в государственный бюджет идут принципиально иначе: через налоги, в том числе и налоги с продаж, поэтому там работник вначале получает большую часть стоимости произведенного им продукта, а затем уж сам расплачивается с государством и вносит деньги в фонды общественного потребления, в пенсионный фонд, на страхование жизни. То есть, сравнивать зарплату, пусть даже через потребительскую "корзину", как это делают у нас, агитируя за рынок, просто некорректно. Преимущество здесь одно: рассчитываясь сам, человек знает, куда и сколько идет его денег, как распоряжаются ими правители.

Итак, получив зарплату, мы приходим в магазин или на базар и здесь определяется, чего стоит наш рубль. Чем меньше товаров, тем дешевле рубль, при пустых полках он обращается в ненужную бумагу. Однако во взаиморасчетах между государствами рубль совсем недавно котировался выше доллара (официальный курс был: 60 копеек за доллар), после снижения курса втрое (доллар - одному рублю восьмидесяти копейкам) рубль все равно остается весомой денежной единицей. Почему? Приведу пример. Вооружение солдата нашей армии и любой иной - сопоставимо, в какой-то иноземной армии,

возможно, воин экипирован и лучше. Но если вспомнить, что за спиной у нашего военного ракетно-ядерное оружие, то мы поймем, что наш солдат обладает гораздо большей боевой силой, чем представитель страны ядерного оружия не имеющей. То же самое с рублем: во внутреннем обращении ценность его определяется лишь товарами выставленными на продажу, во внешних отношениях надежность рубля подкрепляется всей недвижимостью страны, сырьем и даже богатствами недр. Неконвертируемость рубля для рядовых граждан нашей страны - мера вынужденная поскольку, как я уже сказал, денежные единицы "у нас" и "у них" наполнены разным содержанием, разной мерой оплаченного труда. Как вода перетекает в сообщающихся сосудах из более высоко стоящего в более низкий, так и товары неизбежно уплывут (и это мы теперь видим на практике) из страны, где они дешевле, в те страны, где их можно продать подороже. С деньгами - та же история, рубль дешевый в СССР стремится "за бугор" путями нелегальными, по курсу "черного рынка", действующего теперь на всей территории страны, чтобы вернуться потом по курсу официальному обратно. По соглашениям, существующим между государствами, вся наличность, выше договоренной суммы, может быть возвращена в родное отечество, и Правительство обязано оплатить свои бумажные деньги золотом по существующему курсу, или выдать на них сырье или товары. На этом "бизнесе" можно делать (и делают) сказочные состояния.

Тут и обнаруживается суть происходящих в СССР экономических процессов: за границу официально и неофициально вывозится все: от нефтепродуктов до утильсырья; вывозятся и "деревянные" рубли. Наживаются на этом единицы (точнее тысячи), нищают все, кто трудится, чей труд в денежном выражении один из самых дешевых в мире. Идет бурное расхищение страны по всем статьям.

Способствовала ли этому сделка о ста сорока миллиардах - судите сами.

Не случайно радикально настроенные депутаты Советов всех уровней выдвинули в повестку дня в первую очередь свободу передвижения через границу, свободу торговли, требование возврата частной собственности (тут ставят точку, а надо бы продолжить: на средства производства), что позволило бы сразу же и скупать предприятия, права купли-продажи земли (под видом заботы о развитии фермерства) и других свобод, которые позволили бы нашим и зарубежным дельцам увеличить свои капиталы накануне приватизации.

В принципе, казалось бы, не должно быть возражений против допущения в стране всех видов собственности: пусть победит та, которая в большей степени отвечает интересам народа и страны, - в равном споре. Но в том-то и дело, что радикальный переход на новые формы экономики, за который бьются демократы, создает предпосылки для того, чтобы возобладала частная собственность. Для того, чтобы ввести новые формы организации хозяйствования, необходимо прежде создать структуры, которые бы обеспечивали правовой режим работы частных предприятий, иную налоговую инспекцию, иной контроль за их дея-

тельностью, ну, хотя бы, ввести в правило декларации о доходах, чтобы государство могло пополнять свой бюджет, и чтобы мафия не жирела. Такой регулируемый вход в рынок, под контролем Правительства и предлагал бывший Председатель Совета Министров Н.И.Рыжков. Но пока предлагал, а делал то, что требовали радикалы, ему позволено было занимать председательское кресло, как только уперся, стал настаивать на своем, так его тут же отправили на пенсию. Третий год мы живем в мире беззакония, в обстановке разгула наживы, что и позволит новоявленным ротшильдам стать полновластными хозяевами страны в процессе приватизации. Никакого соревнования разных форм собственности не будет, если окончательно победят "левые".

Сегодня хороший грамотный "консерватор" ценнее тысячи предпринимателей.

Мне жаль честных и наивных тружеников, которыее подались в фермеры, поддавшись призывам демократов "возродить крестьянство", "вернуть земле хозяина" и т.д. Сколько помнит наша история, российская деревня всегда требовала "землю и волю". Землю давали не однажды, воли не давали никогда. Нет ее у фермера и теперь. У него нет ни техники, ни строительных материалов, ни денег, ни кредитов. Есть только свобода трудиться до изнеможения на своем клочке и умереть.

То же самое будет и с предпринимателями, которые захотят честно конкурировать с иностранными капиталистами и с родными советскими, вышедшими из мафии, бизнесменами. Мораль и бизнес несовместимы. Бизнес это, в конечном итоге, присвоение чужого труда, его результатов. Никакой нравственности тут быть не может, бизнесмены могут разве что договориться между собой о правилах "игры", в которой проигравшими всегда оказываются честные труженики. Изначальный капитал всегда приобретается противозаконными способами. Это не только Маркс выявил, это я уже слышал от молодых предпринимателей, которые сами пришли к такому выводу. Правда, они надеются, разбогатев, стать честными капиталистами, наивно полагая превзойти в деловых качествах соперников. Наивно потому, что время предпринимателей одиночек давно миновало, всякий начинающий может выстоять лишь тогда, когда впишется в структуру мощного концерна и будет "играть" на него. Я помню время, не такое уж отдаленное, когда называлось число одиннадцать миллионов - столько фермерских хозяйств было в Америке. По данным 1989 года этих хозяйств осталось 2,8 миллиона. И это несмотря на всестороннюю, продуманную программу правительства страны в поддержку фермеров.

Более того, наивно думать, что отдельное государство, даже такое огромное и богатое как наше, может войти в мировой рынок и проводить свою линию. Такие спруты как Международный валютный фонд (МВФ), Транснациональные корпорации (ТНК), Международный банк развития (МБР) и другие полностью контролируют экономическую жизнь планеты, они определяют, давать ли Союзу ССР кредиты, какое государство сколько будет давать, и на каких условиях. Причем главным условием является изменение общественного строя в СССР, и эти изменения были узаконены Вер-

ховными Советами СССР и всех республик признанием права на частную собственность и решением о проведении разгосударствления и приватизации. И деваться некуда, потому что "... наши Минфин, Госбанк и Внешэкономбанк не хранят настоящие деньги - твердую валюту "в натуре" на своих счетах в России, а о б я з а н ы (выделено мной, И.К.) хранить ее в сейфах зарубежных банков (что и делается - см.расчетный баланс Госбанка СССР для служебного пользования)..." (А.Кузьмич(1), "Как нас грабят ценами", опубликовано в газетах "Земля" и "Русский вестник"). Еще одна цитата из этой же статьи: "... к 2000 году в мире ожидается продовольственный и энергетический кризис (см.док. ООН N A/43/19 от 26 мая 1988 года)...

Мафия считает, что необходимо насытить потребительский рынок стран Запада и отдельных стран Востока (всего около 2 млрд.населения) за счет искусственного сокращения потребления жителей Восточной Европы, СССР, Китая, Индии, Африки и Латинской Америки. Почему столь ответственная задача возлагается на интермафию? - Потому что по данным Комитета ООН по борьбе с преступностью 2/3 валового национального продукта всех стран мира, взятых вместе, принадлежит интернациональным "спрутам" (док.ООН N 57 от 16 февраля 1990 г.)"

Если в сороковых годах в мире было несколько государств управляемых диктаторами уголовниками со товарищи, то в наше время преступники правят всем миром, но через демократические правительства. Это они показали в войне с Ираком, в войне абсолютно ненужной, поскольку Ирак согласился выполнить все требования ООН и освободить Кувейт. Война - самый доходный бизнес. Если б я располагал данными, то подсчитал бы, сколько человек уничтожается для получения прибыли в миллиард рублей, поскольку, я думаю, существует строгая зависимость (на каждый исторический период) между доходами от бизнеса и жизнями (смертями) людей, не только в войне, но и в торговле табаком, алкоголем, наркотиками и - даже - в производстве товаров: через отравление природной среды и нарушение экологического равновесия.

На войну в Ираке коалиция истратила сто миллиардов долларов, возразят мне, какой же тут доход? Выгоды от этой войны многоплановы и отдача будет не сразу. Страны-участники берут под контроль ближневосточную нефть, устраняя или уменьшая попутно п р о т и в о с т о я н и е мусульманского мира; одновременно произведены практические испытания современного оружия и тактики ведения войны, причем войны с армией вооруженной и обученной нашими военными специалистами. Это - серьезное предупреждение, особенно в связи с распадом Варшавского договора. Наша страна должна стать, как и США, лучшим другом Израиля и, следовательно, потенциальным противником арабским и мусульманским странам. И сближение происходит. А ведь Израиль тоже оккупировал чужую землю и не выполняет резолюции ООН об освобождении палестинской территории. И - ничего. Силу против Израиля ООН применять не собирается.

Такова "справедливость" в мире бизнеса.

В дополнительных материалах к "делу о ста сорока миллиардах", комиссия Верховного Совета РСФСР сообщила о том, что Председатель Совета Министров республики с ведома Председателя Верховного Совета (ныне Президента) подписал документы о предоставлении кредитной линии на 330 миллиардов сроком на пять лет представителю фиктивной иностранной компании. Этот факт пресса почему-то обошла молчанием. А он весьма красноречив, если вспомнить, что всем фермерам Союза кредит определен всего лишь в один миллиард, да и то они не знают, как эти деньги получить; если вспомнить, как по крохам собирал в это же время Президент страны займы по всему миру; если вспомнить, что на повестке дня парламентариев стоял вопрос о приватизации, а приватизация есть не что иное как распродажа средств производства в руки частника.

"...в апреле 1991 года римской полицией был арестован гражданин Италии Р.Коппола... его полномочия российского консула... были отменены правительством РСФСР еще в начале этого года. Свидетельствами о связях Копполы с итальянской мафией и тем более о том, что он является "одним из крестных отцов" этой мафии, посольство (итальянское; И.К.) не располагает". ("Аргументы и факты" N 23, 1991 г.)

С личностью Копполы разберется итальянская полиция, а нас, граждан России, не может не тревожить тот факт, что демократическое крыло правительства республики является таким притягательным для преступного мира, будто бы оно медом мазано.

Думаю достаточно примеров, подтверждающих мысль о том, что большинство в республиканском "парламенте" России принадлежит советской буржуазии или тем, кто у нее на службе. Они-то и ведут нас, под непрерывный и оглушительный шум радикальной прессы, к рынку. Идеология же бизнесмена и преступника настолько близки, что... Впрочем вот еще факт.

Преступность в ФРГ, одной из самых процветающих стран Запада, "в восемь раз выше на сто тысяч человек" (то есть, на душу населения), чем в СССР - так сказал В.Бакатин, когда был министром Внутренних дел. Радикальные "Аргументы и факты" не сумели опровергнуть этот прискорбный для западной демократии факт, лишь уточнили, что тяжелых преступлений - убийств, грабежей, изнасилований - там совершается "всего лишь" в два-три раза больше, чем у нас, зато в десять-пятнадцать раз больше совершается... корыстных преступлений (плюс связанные с торговлей наркотиками). Вот те раз! Нам посылки шлют (победителям от побежденных?!), а свой народ у них почему заворовался; или с жиру бесится? В том-то и дело, что бизнес стоит выше норм морали, нравственное мироощущение дельца и уголовника настолько близки, что грань между ними теряется, и человек, стремящийся разбогатеть (а золотой телец был и останется всегда тем сатаной, которому молится деловой люд в странах рыночной экономики), постоянно ходит по лезвию криминальной бритвы.

В США абсолютное число преступлений в 1989 году более чем в четыре раза превышало число преступлений в СССР, при меньшем населении, и выросло в следующем

году еще на тридцать процентов, несмотря на то, что американская полиция стократ лучше оснащена техникой, чем наша милиция, а численностью поражает воображение: в штате Вашингтом, например, один полицейский приходитея менее чем на сто пятьдесят человек.

Вот в такой "свободный" рынок и нас зовут, даже еще в более "свободный". Так что догоним мы и Америку, и Германию и перегоним - можно не сомневаться. Сегодня руководители многих государственных предприятий становятся учредителями различных ассоциаций, банков и совместных предприятий с иностранными компаниями и перечисляют на счета этих ассоциаций солидные суммы. В результате деньги государственного предприятия становятся достоянием частных предпринимателей. Как это назвать? Если бы руководитель госпредприятия перечислил деньги своего учреждения прямиком на личный счет, его надо было бы судить за хищение в особо крупных размерах, а когда он присваивает то, что принадлежит трудящимся, через ассоциацию, то это - бизнес? Неужели Верховный Совет и Правительство России не видят этого откровенного жульничества? А если видят, то почему не останавливают?

Когда оглядываешься в недалекое прошлое и сравниваешь то, что делалось в экономике тогда с тем, что творится сейчас, то вдруг обнаруживаешь е д и н с т в о д е й с т в и й, направленных на р а з в а л всех хозяйственных структур. В самом деле: уничтожение "неперспективных" деревень и запустение земли очень кстати пришлось теперь тем, кто вопит о лени и неспособности колхозного крестьянства "накормить страну", кто требует (и добился уже фактически) законов, признающих частную собственность и право отчуждения земли у коллективных пользователей и, в недалекой перспективе, право продажи ее. Земля, на которой никто не живет, обойдется дешево. Точно такая же картина в промышленности. Миллиарды вбухали в строительство новых предприятий и бросили их неоконченными - незавершенка тоже будет пущена с молотка по бросовым ценам. А что делают с действующми государственными предприятиями? Инженеры, рабочие этих предприятий сегодня получают зарплату на уровне, а то и ниже, зарплаты уборщицы и вынуждены увольняться в поисках места, где им будет гарантирован кусок хлеба. В торговлю, в горничные идут специалисты уникальных порой профессий, специалисты высочайшей квалификации, соль трудового народа, утрата которых едва ли восполнится одним десятилетием. Опять же предприятия, покинутые работниками, скуплены будут приватизаторами за бесценок.

Не перестройка у нас идет сегодня, а у с к о р е н и е.

Ускоренное у н и ч т о ж е н и е государства и наций, в нем проживающих, в первую очередь славянского корня. Смотрите: в СССР было пятнадцать республик, но только в одной из них, в России, не было ни своего законодательного органа, ни Академии наук, ни органа защиты государственности - все это находилось в ведении Союза. Такая структура Союза позволяла Сталину держать Россию в кулаке, как дубинку против любой другой республики, одновременно обирая ее и попирая, обезглавленную. Но вот в перестроечные времена в году 1990-м РСФСР заявила о суве-

ренитете, избрала народных депутатов и Верховный Совет. В федерации о своем национальном достоинстве вспомнили малые народы и также образовали свои законодательные и исполнительные органы. А что русские? Они опять остались "на бобах". Сталинская модель Союза воссоздана в рамках РСФСР. Русских защищать некому, зато от имени и якобы по поручению обездоленного люда готовят ему новое раскулачивание - через приватизацию - те, кто унаследовал дух, традиции и золотишко лиходеев, мародерствовавших на землях поверившего им народа.

Между приватизацией и разгосударствлением такая же разница как между "чужое" и "наше". Этим же различаются два изма - капитализм и социализм. Увы, это смутно себе представляют даже те, кто отстаивает, хотя бы на словах (а может, потому и смутно, что только на словах?), принципы социализма. Трудящиеся м а с с ы сегодня осознают, что когда правители предлагают нам купить (пусть за невысокую плату) квартиры, в которых мы живем, или предприятия, на которых работаем, то они пытаются продать н а ш е, как бывало цыгане торговали в деревне украденными у крестьян же лошадьми. В этом случае м а с с а стоит на вполне социалистическлих принципах: земля, фабрики и заводы должны принадлежать тем, кто на них работает. Принцип сей, кстати, не от Маркса пошел. За полтора десятка лет до того как Маркс сел за "Капитал", принципы социализма проповедовал в России например, Н.Г.Чернышевский, за что едва не поплатился головой. Не потому ли статьи Чернышевского не публиковались в Советской стране (в 1987 году лишь вышел двухтомник его сочинений), что из его работ становилось ясно: нет у нас в стране трудящихся с о б с т в е н н и к о в средств производства, как должно быть при социализме, а есть государство собственник, монопольно распоряжающийся и богатствами страны, и жизнями людей. Термин разгосударствление означает изъятие средств производства у государства, у аппарата, и передача их трудящимся. Приватизация означает передачу (продажу) средств производства в руки частные, в руки того, кто сумел к настоящему времени обзавестись капиталами. И вот парадокс: та же м а с с а, которая отвергает распродажу государственной собственности и, следовательно, против возврата капитализма, выбирает в президенты России приватизатора, ближайшими помощниками которого являются заславские, экономисты и политологи, доведшие страну до полного развала и обнищания.

Успеху Ельцина на выборах способствовала не только левая пресса, которая умеет "завести рака за камень", но и правая, казалось бы, искренне болеющая за народ. Левые, у которых, может быть, партийное молоко еще на губах не обсохло, вовсю крыли КПСС и восхваляли Запад, правые подыграли им, разоблачая нравственный облик вершителей революции октября семнадцатого, свалив без разбора в одну кучу и праведников, и нечестивых, отняв тем самым у народа, за который радели, веру и надежду. Веру отцов и дедов в то, что они прожили достойную жизнь, отстаивая право быть хозяевами в своем отечестве и утверждая с п р а в е д л и в о с т ь по своему разумению. Надежду в то, что ук-

раденная в первые годы после Октября справедливость будет, наконец, восстановлена. Дообличались до того, что подвели молодежь к мысли, что и с Гитлером не надо было воевать. Словами отца П.Флоренского скажу: "Все твердят о хамстве, однако не замечая, часто хамство - не в личном грехе, каков бы он ни был, а в бесстыдном обнажении наготы отца".

По жизни мы, славяне, рабы - да: потому, что веками на земле нашей хозяйничают то одни, то другие иноземцы, что результаты трудов наших отбираются подчистую, что и рождаемость, и смертность наша определяются не естественными законами природы, а безнравственными правителями, что и на продажу нас уже пустили, как товар. По духу своему - никогда мы рабами не были; это обстоятельство чувствуют все ненавистники наши и стремятся уничтожить "русский дух", даже если придется для этого истребить славян физически - вспомните Гитлера, который шел "освободить Россию от жидов", имея в планах за тридцать лет очистить земли на Востоке от неисправимой славянской расы. В чем же заключается славянский дух, если он не миф, и чем досадил он цивилизованным нациям?

"Я жил в странах много богаче вашей и видел людей, у которых было все, о чем только можно мечтать. Но почему-то не все они были добрыми. Так в богатстве ли дело? А в вашей стране, где "нет ничего", я наблюдал поразительные ситуации. Возможно, вас это не удивит, но вот один пример: большая семья в Выборге живет в маленькой квартире, тесной и неудобной. Но все дружат, любят (выделено мной, И.К.) друг друга. В Америке это просто невозможно: в подобной ситуации все мешали бы друг другу, ссорились, отвоевывая себе место..." Это говорит миссионер Джон Вебстер в интервью газете "Союз" (19, май 1991 г.), человек, приехавший "проповедовать вечные законы Евангелия" иноверцам. В Америке, где, по словам Вебстера он лишь однажды встретил неверующую женщину, атеистку, с заповедью Христа "возлюбить ближнего" много хуже, чем в безбожной России. Миссионер прикоснулся к тайне славянской души, а вот поймет ли ее до конца? И уж заведомо не понял и не поймет ее живущий среди русских бард, заявивший однажды, что патриотизм - примитивное биологическое чувство, которое есть и у кошки. Сказать так это все равно, что поставить знак равенства между любовью и сексом.

Да, то что определяет славянскую душу, прописано, очевидно, в генах (не здесь ли объяснение того, чем не угодила генетика Сталину и его подручным?). Если большинство наций, по крайней мере на Западе, превыше всего ставит жизнь индивида - как основу сохранения целого - ячейки общества, государства и даже народа, рассеянного по всему миру, то славяне в основу бытия положили противоположный принцип: сохранение племени своего есть лучшая гарантия защиты каждого его члена, гарантия продления рода в поколениях. Отсюда - готовность защищать Родину до самопожертвования, отсюда и любовь к ближнему, которая лежала в основе душевного строя славян и до принятия христианства. Иноземец и, может быть, вчерашний враг, оказывался тотчас другом и братом, едва он изъявлял жела-

ние жить в мире и согласии со славянином. И я не могу принять утверждения, что лишь с принятием христианства Русь "получила душу". Скорее наоборот: христианство на Руси перестало быть чуждым вероисповеданием лишь тогда, когда впитало в себя "русский дух", обретя с о б о р н о с т ь. Но это тема для иных размышлений. Здесь замечу только, что отказ от веры отцов и дедов, от опыта нажитого своим народом, ни к чему хорошему не приводил, и мне кажется не случайным , что именно после крещения Руси была она впервые порабощена иноземцами, как не случаен тот раздрай, что терзает нашу землю после отказа от христианской веры, ставшей в православии за тысячелетие "русским духом".

Индивидуализм ость основа стяжательства. Стяжание разрушает любовь между людьми, о чем невольно свидетельствует американский миссионер Вебстер. Жрецы золотого тельца и наемные сирены затмили нашему народу разум обещаниями экономического благоденствия, получили из наших рук власть и право быть поводырями к новому раю Западного образца - к рынку, к торжищу, где брокеры-разорители (брокер происходит от английского глагола означающего: ломать, разорять, разрознивать и т.п.) обменяют богатства земли нашей на побрякушки цивилизованного мира. Но, главное, чего добивается Запад и доморощенные бизнесмены, чтобы мы отказались от духа единства, который составляет стержень славянской души, утрата которого будет предопределять исчезновение патриотизма, любви к Родине и всех тех о с о б о с т е й, которые делают славянина славянином. В этом смысле я говорил, что идет не перестройка, а ускоренное уничтожение нации. Причем наступленеие на славянство организовано на сей раз по всем странам и по всем линиям - идеологической, политической, экономической.

Нам уготованы: всеобщая алкоголизация и деградация, нашествие наркотиков, отлучение от образования и медицинского обслуживания, беспрецедентная безработица, многократный рост преступности и, как следствие, социальный взрыв, в подавлении которого примут участие либо нераспущенный блок НАТО, либо объединенные силы ООН, как в Ираке.

Нам уготовано р а б с т в о д у х о в н о е (возможно в сытости), ассимиляция среди "малых" и "цивилизованных" наций и забвение. История показывает, что Русь нравственного порабощения не приемлет даже под угрозой полного уничтожения, и потому человечество стоит на пороге самой тяжелой трагедии.

Хотелось мне закончить свои размышления на оптимистической ноте, да не нахожу оснований для оптимизма. Разве что вот это: дай БОГ, чтобы я ошибся.

26 июня 1991 г.

1. А.Кузьмич - Цикунов Анатолий Кузьмич, кандидат юридических наук, автор статей: "Рынок России в свете нового законодательства"; "Хлебная карточка или петля на шее", "Почему совфинансы не поют романсы", "Как нас грабят ценами", "Международные "игры" и тайна России" (опубликованы в газете "Земля", NN 5,1,6,9,20 за 1991 г.) "Цикунов Анатолий Кузьмич родился 27 ноября 1933 года в Смоленске... Во время командировки в Нижневартовск утром 20 мая 1991 года был найден в гостиничном номере мертвым. Смерть подозрительная. Сидит в кресле, на столе сердечный препарат. Очень похоже на демонстрацию с готовым диагнозом". ("Земля", №№ 26, 1, 1991 г.).

Повод для размышления

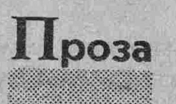
Так будет называться новый раздел в нашем журнале. В нем решено публиковать фрагменты или небольшие по объему работы видных философов, писателей, ученых, публицистов. Для того, чтобы дать читателю возможность сделать самостоятельный вывод и ни в коей мере ни к чему не подталкивать его, тексты не будут сопровождаться редакционными комментариями. За исключением предельно кратких аннотаций чисто справочного характера.

Лев Шестов

Под этим псевдоноимом публиковал свои труды выдающийся русский философ Лев Исаакович Шварцман (1866-1938), покинувший Родину в 1920 году. Мы предлагаем Вашему вниманию главку из его, получившей мировое признание, работы "Апофеоз беспочвенности: Опыт идеологического мышления". (Л., Издательство Ленинградского университета, 1991)

Из будущих суждений о современной Европе: "Странную картину представляла нам Европа XIX, XX века. Христианство после Лютера выродилось в мораль, перерезавшую все нити, соединявшие человека с Богом. Вместе с рационализированием религии и вся жизнь приобрела плоско рациональный характер. Рыцарство заменилось постоянной армией, насильно вербовавшейся по принципу общей воинской повинности и существовавшей главным образом для парадов и придворных надобностей. А химия, искавшая философского камня, сменилась химией, изыскавшей наилучшие способы дешевого изготовления дешевых продуктов; астрология, гадавшая по звездам о судьбах человека, сменилась астрономией, предсказывающей солнечные затмения и появление на небе комет. Даже одежда людей этого периода странно обесцветилась: не только мужчины, но и женщины почти все носили одинаковое и одноцветное платье. Замечательнее всего, что эта эпоха не только не замечала своей незначительности - но гордилась собой. Людям того времени казалось, что никогда еще челове-

чество не вносило так много в общую сокровищницу всемирного духовного богатства. Теперь, разумеется, мы улыбаемся их наивности, но если бы явился тогда кто-либо, кто позволил бы себе пренебрежительно отозваться об основах современной культуры, его немедленно объявили бы безнравственным или бы посадили в сумасшедший дом: страшное наказание, очень обычное в то грубое время, - теперь нам даже трудно себе представить, что оно влекло за собой. Но в те времена прослыть безнравственным или попасть в сумасшедший дом было страшнее, чем умереть. Один из известных поэтов XIX Александр Пушкин, писал: "Не дай мне Бог сойти с ума, нет, лучше посох и сума". И вообще в те времена люди принуждены были всегда лгать и лицемерить, так что нередко самые светлые умы, прозревавшие ошибки своей эпохи, притворялись верующими в науку и мораль, чтобы только избежать суда общественного мнения".

Николай Сиротенко

Явки не будет

Повесть

XIII

Светлое росное утро бодрило прохладой. Яровой медленно шел по тротуару, направляясь к центру города. Идти в милицию совсем не хотелось, да и не время было еще. Постепенно разминалось тело, дышалось все легче, будто с каждым выдохом из груди улетучивалась и часть ночного алкоголя. Голова все же была тяжелой, неповоротливо-ленивой и бездумной.

Пожалуй впервые за дни на воле он с безразличием смотрел на прохожих, неуклюже уступая середину тротуара встречным парочкам и даже замедляя выдох, чтобы ненароком не пыхнуть перегаром кому-нибудь в лицо. Завтракая, он "выдул" целую кружку наваристого, почти черного терпко-горького чая, но и такая доза не очень поправила самочувствие и, кажется, не перебила хмельной запах.

Миновав уже знакомый проулок, каким позавчера вечером "провожал" Степана с его прокуроршей, Денис подошел к газетному киоску, без интереса окинул взглядом витрину, достал из кармана пиджака железный рубль и сунул в щель окошка:

- Газету, пожалуйста, и... "Науку и жизнь". И еще эти - "Знание - сила", оба.

На вопросительный взгляд продавца отреагировал сразу: - Счас доплачу. - И подал три рубля.

Журналы, как и газету, свернул в общую трубку. теперь будет чем заняться в милиции. Наука и жизнь... Хм! Лучше уж - наука жизни. Прочитал бы от корочки до корочки - и вся недолга. Как правила содержания заключенных: это можно, то запрещено, сюда нельзя, туда не положено... А еще тьма неписаных законов сверху и снизу. На воле то же: инструкции, положения, уставы, гражданский, уголовный... моральный ко-

декс... строителя коммунизма. Ну и ну! Отвергать учение церкви и проповедовать заповеди: не убей, не кради, не прелюбодействуй... И вообще: какой всезнайка взял на себя роль Всевышнего?

У очередного перекрестка Денис пропустил медлительно-чадящий переполненный автобус, перешел на другую сторону улицы по только что политому асфальту и свернул налево.

Здесь прохожих было погуще. Выглядело все торопливо-деловитым, как на муравьиной тропе. Справа попеременно и в унисон хлопали двери хлебного и продовольственного магазинов. Шустрые женщины, медлительно-важные старушки, степенные старики, подростки роились на ступеньках с сумками и сетками, будто пчелы после ненастных дней, торопясь ухватить сразу и нектар, и пыльцу.

Возле еще закрытого промтоварного магазина, занимавшего весь первый этаж длинного жилого дома, Денис невольно замедлил шаги. В глазах вспыхнули искорки интереса. В блеске широкого витринного стекла взгляд выхватил бело-голубой, со спичечный коробок, прямоугольничек геркона-датчика охранной сигнализации. Дальше - еще, еще. Тут же мысленно восстановилась вся "путанка" возможной схемы с тонкими проводами блокировки дверей и окон, с разводкой к звонкам и световой тревожной сигнализации, с проводом на центральный пульт городской дежурной охраны...

Сколько же их, горемычных искателей добычи, обитающих в зонах и уже отбывших свое, "горело" на этой примитивной электронике!

Одни лезли, будто в капкан, по недомыслию своему, другие - напролом, третьи шли с расчетом на время задержки сигнала и выезда группы захвата. Повреждали оперативные машины, антенны радиосвязи, обесточивали "точки" - и попадались. Но и горечь поражений - тоже опыт. И выходят из зоны, хотя и единицы, но знающие "шифры" не только подобных устройств, а и более новых - светодиодных и волновых. Все суммируется и собирается по крупицам. Вычерчиваются схемы карандашами, ручками, тальком - на бумаге, металле. Все, как и должно быть: яд и противоядие; оружие и средства защиты. Драматизм, дидактизм и диалектика. Больше - драматизма. Помнится "радиотехник", смысливший в электронике, но все-таки влипший, как кур во щи. Занесло его в винный отдел магазина.

Сигнализацию "усмирил". Взял коньяк, высосал бутылку из горлышка. Что-то там дегустировал еще для-ради удовольствия. А хмель взял свое. Так "дегустатора" и обнаружили утром, спящим за прилавком...

Чувство азарта, борьбы и риска подспудно всколыхнулось в груди. Он, кажется, даже всхрапнул, вздыхая, как застоявшийся конь, увидевший наездника. Но это мгновение отхлынуло так же быстро, как и пришло.

Проходя мимо уже знакомого пивного ларька, еще запертого металлической накладкой и навесным замком, Яровой втянул в себя пропитавшийся пивом, какой-то кислятиной и аммиаком воздух. Брезгливости прибавилось, когда увидел стеклянную банку, валявшуюся возле подозрительно-влажной боковой стенки.

Чтобы не мозолить глаза дежурному ранним посещением, присел на одну из скамеек у здания милиции, развернул газету. "Встречные планы - досрочно!" "Успешно завершим программу определяющего года!" - прочитал он без интереса два заголовка. Третий - "Первые десанты БАМа" - привлек внимание; Еще по предвоенной молодости знакомые места... Большой Невер, прииск Уркан... Золото. Там уже тогда строили "железку"... на костях человеческих... "... Прямо с 17-го съезда ВЛКСМ 600 ребят направилось на строительство магистрали века. Они, как и вся советская молодежь, горячо откликнулась на призыв Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева - принять активное участие в строительстве... Начиная с 1975 года, здесь будет работать ежегодно не менее 20 тысяч молодых рабочих... Партия и правительство предопределили еще в преддверии 9-й пятилетки, что экономический потенциал нашей страны позволит за короткий срок создать реальную возможность такой грандиозной стройки... Около 36 миллионов рублей предусмотрено только на проектно-изыскательские работы... Перевозка тюменской нефти на экспорт - одно из главных направлений строящейся магистрали..."

Яровой бросил газету на скамейку, мысленно "придрался" к цифрам. "Двадцать тысяч поедут... А сколько повезут в "столыпиных"?... На новые проекты - тридцать шесть миллионов! А где старые эти... изыскания? Устарели, или вместе с "врагами" пущены враспыл?"... Кто-то же "освоит" эти миллионы!... Разбо-ой?

Денис открыл журнал "Знание - сила", прочитал заголовок: "В стране каменных идолов". Хм! Ну, что тут скажешь?! Невезуха! Почитать прямо-таки нечего, без этих... комментариев. Но почему только каменных? А бронзовых сколько? А-а, это - не у нас... Авторы В.Брель и Ю.Яровой... Надо же: Яровой..." Полистал еще, теперь уже читая фамилии. "Р.Скрынников. Жизнь и приключения Григория Отрепьева"... "Да, можно бы: "Дениса Ярового!". Не заслужил? Зато - все, как есть... без натяжек на положительность... идейность"... "В.Порудомский, Н.Эйдельман. Болдинская осень..." А, все - не то! В журнале "Наука и жизнь" - снова о Пушкине! "Удивительному Александру Сергеевичу". И опять - Н.Эйдельман!.. Кандидат исторических наук... Во-о! Сразу два журнала обчистил... без криминала. Присосался к Пушкину и выкачивает валюту. Сколько же их, таких пиявок?! Все на чужом горбу - в рай... Нет, в зоне такие не интересны, хотя в последние годы культуры явно не хватает. А раньше - вся культура была там, в лагерях..."

Посидев еще, Яровой взял со скамейки журналы, поднялся и медленно подошел к знакомой двери. Дежурный майор-бурят, похоже, закончил уж утреннюю "разбираловку" бумаг. Стопка амбарных книг аккуратно возвышалась возле телефонов. Почти на том же месте, на скамейке, где вчера "заседал" Денис, сидел мужчина лет сорока-сорока пяти. Соломенная шляпа. новенький костюм... Мешковатость одежды. новизной своей отторгавшейся от тела, согбенная поза, непроизвольно дернувшиеся плечи, будто поправлявшие вечно просторный ватный бушлат, быстрый вороватый взгляд сказали все: "Коллега".

- А-а, знакомый! - встретил Ярового майор добродушной улыбкой. - Зря ушел вчера. После обеда принимали да никого не было. Мало выпустили...

- А сегодня?

- Ожидайте... - Майор кивнул на сидящего "коллегу".

- Порядочки, однако, - мотнул головой Денис. - Куда только профсоюз смотрит!

- Не вам их... - дежурный поднял трубку зазвонившего телефона. - Милиция слушает, и принялся записывать что-то, повторяя: "да, да, хорошо, примем меры". Все это, относящееся к "порядочкам" и к тому "хорошему", к чему будут приняты

меры, раздражающе действовало на Ярового. Он не стал дожидаться конца телефонного разговора и пошел к двери, на улицу.

Минутой позже к Денису подошел и "попутчик".

- Покурим! - предложил "Беломор-канал".

- Не балуюсь. - угрюмо буркнул Яровой.

- Давно от хозяина?

- Четвертый день отираюсь. - приврал Денис.

- Порядочки-и, - повторил "попутчик" сказанное Яровым дежурному и, прикурив, втянул кисть руки с дымящейся папиросой врукав, по-зековски. Так прячут окурки от надзирателей при различных построениях.

- "Кныша" знаешь? - спросил Денис об известном "домушнике", чтобы выяснить откуда прибыл "коллега".

- Нет.

- А "Мутного"?

- Знаю. "Жарок" тоже у нас.

- А-а, вон ты откуда! - понял Денис и спросил: - Хата есть?

- Да, тут недалеко... Мне - двадцать четыре часа на учет. Сегодня в половине седьмого нарисовался - и сюда, чтобы не кантовали потом... Водяра есть в городе? Волю обмыть надо.

- Навалом. В любом гастрономе.

- Подождать надо бы, - вяло кивнул Денис на дверь милиции, чувствуя, что доза спиртного "для тонуса" желательна.

... Коньяк взяли в магазине, мимо которого недавно проходил Денис. В скверике на скамейке, напротив длинного промтоварного дома разложили на листах из журнала мясистую, холодного копчения скумбрию, разломили булку белого хлебаа, горкой насыпали шоколадных конфет. Стаканы "раздобыли" там же, в гастрономе: один, законно, у продавца соков, за рубль, другой - у автомата с газированной водой.

Решили: "по глотку". остальное - после милиции.

- А-а, давай врежем еще! - махнул рукой "попутчик". А то - нив голове, ни в ж...!

- Вообще-то... - Денис погладил на голове "ежик", взял конфету, подбросил ее, поймал левой рукой. - А-а, Наливай!

Хмель почему-то не брал. Яровой открыл вторую бутылку, налил доверху стакан и выпил залпом. Мусоля во рту конфету, предложил:

- Пивка бы сейчас, Паша... До полного ажура... С этой...воблой.

- Доставим! - поднялся Павел.

- Во-он, из той забегаловки... волоки... пару мешков. - Денис пьяно махнул в сторону пивного ларька.

Оставшись один, Яровой стал любоваться витринами "промтоварки", мысленно тянулся в зал, к прилавкам с отливающими золотом часами, перстнями... кружевами... А дальше - костюмы, пальто, плащи... Он смахивал тыльной стороной ладони вдруг наяву появившиеся слезы, скатывающиеся горячими ручейками по щекам. и всхлипывал, то ли от жалости к себе, то ли от безвозвратности прожитого... Кружева... кружева... золото...

Он чувствовал, как его кто-то будил... застегивал сползший с плеч пиджак... Кружева... кружева... Его понесли куда-то волоча ногами по земле. Он ощутил удар головой, но боли не почувствовал. Затем все качалось, скрипело, урчало под ним. Его снова тащили, несли куда-то, до боли терли уши... на тело и голову лили холодную воду и, наконец, оставили в покое.

... Проснувшись уже при свете электрической лампочки, вечером, он удивился тому, что лежит на кушетке, раздетый до трусов. Денис поднялся, пощупал на правой стороне головы болезненную шишку. Вспомнил сквер, Пашу, "застолье". Значит - вытрезвитель! Он подошел к закрытой двери, толкнул плечом. Заперто. Постучал кулаком. Почти тут же дверь открылась и на пороге появился старшина милиции.

- Проспался? - спросил старшина.

- Где одежда, документы?

- Одевайся, - принес старшина рубашку и костюм. - Твоя одежда?

- А чья же?! - Он тут же ощупал пустые карманы: - А документы где?!

- Одевайся. Сейчас выдадим.

У стола дежурного Денис взял протянутые ему старшиной документы, зачем-то раскрыл справку о приеме на работу - цела! - и принялся считать до мизерного тощую пачку денег.

- Здесь - двести восемьдесят два рубля и... сорок три копейки! А где остальные?! - выкрикнул Яровой, бледнея. - У меня же... почти два куска было! Понимаешь, - два! Где они?! Требую прокурора!

- Хоть самого Господа-Бога требуй, - со скукой на лице ответил старшина. - Вот акт, - он взял из рук женщины в белом халате стандартный бланк, - на, читай. Все, что было при тебе, внесено в протокол... при понятых. Два куска... Артист! Пить надо меньше!

- Протокол писали здесь, в вытрезвиловке? - прочитал Денис и бросил бланк на стол.

- Да.

- А понятые откуда?

- Пригласили... Есть адреса...

- Вот оно: когда меня брали, были свидетели? Почему на месте акт не составили? Может, меня еще там ошмонали... или в машине... Верни деньги по-хорошему!

- В капэзе по хорошему не хошь... за хулиганство... Алкаш... Мы вот еще на предприятие, выдавшее справку, сообщим... Подписывай или...

- Дорогой же ты, старшина!.. Ну, черт с тобой! Давай, подпишу... Где справедливость?... Нет ее, для нас, грешных.

- Хм! - взял подписанный протокол старшина. - Тебе ли рассуждать о справедливости?... Бога вспомнил... Можно подумать, что не из зоны, а из монастыря пришел... То-то смотрю: тихоня, не буйствует, сопртивления не оказывает...

- А ты этого ждал?.. Наслышаны...

- Ла-адно! - прервал старшина. - Плати за обслуживание и до новой встречи, как говорят.

- На, возьми! Тридцать? - Денис отсчитал деньги и бросил на стол. - А на счет встречи... Желательно бы у прокурора, и я - в роли потерпевшего...

XIY

Объяснять Солодкину причину отвратительного настроения Яровой не стал. Сказал, что снова не приняли. Потом выпил и его замели в вытрезвитель. Проспался - выпустили. О деньгах умолчал. Возможно, Паша взял деньги. Его-то и без милиции найдет, хоть на краю света. В крайнем случае, через зону отыщет. Там, если надо, иголку в стогу сена откопают, из одной - две сделают. В общем, разберемся.

... Денису виделся сон. Будто в зоне, оказавшейся небольшим селом, появился гусь. Решили поймать его. Уж очень хотелось плакомиться жареным стегнышком. Подкрался - цап!

Гусь скрипуче гоготнул и поплыл в запретную зону. Денис открыто плыть не рискнул: пристрелят с вышки, а поднырнул и попытался схватить птицу за ноги. Вцепился в... плавники рыбы. А это уже и не рыба, а тритон со сцены ресторана. Помахивая хвостом он уходит все глубже, глубже. Денису уже не хватает воздуха, дышать нечем, а вынырнуть не может потому, что "Вьюн" схватил сзади за горло и давит, давит холодными длинными пальцами. Они скрипят, скрипят...

Проснулся от удушья. Сердце билось часто и гулко. Тело покрылось холодным потом. Давило где-то под ложечкой и левее. Ощущалась такая слабость, что трудно было подняться. Денис выпростал ноги из-под одеяла, опустил их на пол, рукой достал спинку дивана и сел. Опять скрипнули пружины, но теперь он не прислушивался к ним и поднялся без предосторожностей. На взвизгнувшую дверь не обратил внимания. На крыльце, на свежем ночном воздухе, дышалось легче, но сердце не унималось.

Денис пощупал левую половину груди, помял ее, растирая. Потянуло в постель, полежать. Но скрип пружин отозвался Солодкин:

- Что не спишь, лунатик?

- Дело - труба.

- Менты?!

- Вдовой куме - хрен на уме... Сердце барахлит. Состояние такое, что и не придумать хуже... Инфаркт, наверное.

- От него сразу копыта отбрасывают. Просто нервишки отходят после перенапряжения... Тебе, действительно, отдохнуть надо. Утром никуда не ходи. Отлежись... Вечером в баньку сбегаем. Грехи недельные отмоем...

- Ничего не хочу, - продолжал Денис о своем: - Страшновато все же копыта отбросить... Обидно петь молебен за здравие и тут же - за упокой... В молодости никогда и не думалось, что можно вот так загнуться. А ведь и не стар, чтобы уж очень...

- Впору мемуары писать, - заметил Солодкин. - Но их обычно пишут обеспеченные люди, не думающие о куске хлеба, те, кому есть что и о чем рассказать людям. А ты... жизнь красивую прожил.

- Да, писать действительно не о чем. Поучительно лишь то, как жить не надо... И не все, что было, опишешь.

- Твое сочинение на одной странице вместится: взял-сел, выпустили - взял. Ни стрельбы, ни погони... Людям детективы нравятся... Хотя лично я с интересом прочитал бы и тихую повесть. Но чтобы с единоборством. Чтобы преступник не был только воплощением зла - наглым, тупым и беспощадным. А милиция не выступала в роли богов-провидцев, умненькой и чистой, без промашек и просчетов и прочих слабостей, имеющихся у всех нормальных людей. Преступник разве не человек? Почему он обязательно враг? Кому и чему враг?

- Враг для общества. Он сдерживает нормальное развитие отношений, сеет страх, недовольство, подозрительность... Словом, преступник, в моем понятии, вредитель номер один.

- А ты?

- И я, конечно... враг общества... Но что касается государства, то за него любому глотку перегрызу, своими железными, если кто сунется... хоть и отбыл я черт знает сколько и насолил порядком властям, а они мне - мне. Наши отношения - это наше, так сказать, внутреннее дело.

- От кого слышу! - воскликнул Солодкин; - Надо же: с государством в постоянном кофликте - и патриот! Что же ты в свое время на фронт не просился? Кровью искупил бы вину. Уголовников-то за милую душу брали.

- Тем, кто возвращался обратно, как баранам, головы срубали. Ссучился - и хана тебе...

- А знаешь ли ты, что в случае чего "полосатикам" первым крышка.

- Уж не от прокурорши ли информация? По мне, хоть.две крышки...

- Скро-мен. Но мне, Денис, иногда кажется, что ты - не ты. Если бы я не знал "Вьюна", то подумал бы об оборотне.

- Эт-ты брось! - взъерошился Денис.

- Шучу. - примирительно отозвался Солодкин. - Я тоже не изменник какой-нибудь. И дай мне оружие, в случае чего, буду честно нести свой крест, пока хватит сил... Возможно, и шлепну кого-нибудь, кто под ногами будет путаться... Такие вот шуточки.

- Про себя и шути, - уже другим тоном ответил Денис и тут же, то ли в оправдание того, что он - прежний "Ярый". то ли решившись, наконец, спросил: - Как я понял, ты уже дважды

намекал о деле. Видно, одному не по зубам? Стоящее что-нибудь?

- Это я просто... размышлял, - уклонился от прямого ответа Солодкин. - Ты вот, тоже о многом размышляешь...

- Не крути. Я расколол тебя еще тогда, как ты о железнодорожном билете заговорил... Иначе, зачем прикрытие... алиби... Опять же кассы...

- Какие? - насторожился Солодкин.

- Твои... которые брать легче.

- Ну, это - чисто теоретически.

- Давай теорию.

Солодкин помолчал, поднялся, взял сигареты из тумбочки, прикурил.

- На моей картотеке несколько подходящих точек. Все - сельские. Там брать проще, а следы заметать - труднее. В городе - все вразброс, а там - вместе... Есть тут один поблизости. Стоящий. Давно пришивается. Но мой удел: присмотреть, прикинуть и - забыть. Вроде умственной тренировки.

- Как охрана?

- Сигнализация.

- Новое что-нибудь?

- Старо. Можно для верности диодик воткнуть... усыпить.

- Все учел?

- Без проигрыша.

- А в перспективе?

- Учитывая предварительный сговор, группу лиц, крупный размер материального ущерба, применение технических средств и наш опыт, тайное похищение, согласно статьи восемьдесят девять уголовного кодекса наказывается сроком до пятнадцати лет... - без запинки начал Солодкин, но Яровой оборвал его:

- Не базарь!.. А вообще, надо правильно цитировать... От пяти до пятнадцати, с конфискацией имущества... Чем ты собираешься компенсировать это?

- Судя по наборам на витринах, универмаг не беден. После инкассаторов работает еще. Трижды проверял... Хорошо брать перед выходным. Ну, скажем, в субботу... послезавтра. Подготовка - за мной.

- Что же раньше на брал?

- Настроения не было... Ты вот тоже пришел с благими намерениями. И вдруг...

- У меня - свои причины... А ты, Степан, темнишь.

- Магазин, сам знаешь, одному не всегда по зубам.

- Это похоже на истину, - согласился Денис и спросил: - А что еще на твоей картотеке?

- Кассы... во множестве... Доступнее, конечно, взять прямо у кассира, сразу после банка... Другая выйдет с полной сумкой и безо всякой охраны... В автобус лезет еще... На что надеется - одному Богу известно. А в сумке-то - зарплата целому предприятию... Других, правда, сопровождают, с берданами... больше для успокоения совести... Но трудность с номерами и сериями. Сам видел: их переписывают... Опасны такие купюры. Куда ни сунься - визитная карточка.

- Грабеж в любом случае отпадает, - заметил Денис. - Не по мне это: отбирать деньги у живого человека. А мокруха и вообще... Я - вор, но не бандит. Профессию уважать надо... до конца... Меня с другой статьей и в зоне осмеют... И ты прав, наверное. Деньги из кассы, как шампанское в ванне: купаться можешь, а пить нет.

- А ты купаться пробовал?

- Нет, конечно... Так говорят... Правда, в зоне, уже после войны, пахан-самодур умывался по утрам шампанским и все хохотал, когда кодла, окружавшая его, подставляла посуду и пила его испражнения.

- Если откровенно, то ни в какую историю влезать не хочется не только добровольно, но даже и под пистолетом. В моем положении это... Желательно бы не пачкаться... А теперь и не знаю...

- Дрейфишь?

- Не-ет, - вяло, но с чувством собственного достоинства ответил Яровой. - Просто оцениваю свои шансы... Ну, к примеру, во всем будет ажур... На барыг расчета нет. Связи утеряны да и не нужны. Значит, лишь для себя. А это - мизер, пачкотня.

- Как сказать... Десяток костюмов, дюжин пять рубашек, пальто, плащи, часы... ну, что там еще? Это же товар первой необходимости, по крайней мере, лет на пять... Беспла-атно! Хватишься, а поезд уже ушел.

- Не знаю... Давай, поспим, - предложил Денис, но почти тут же спросил: - Что ты о воробьях знаешь?

- Что? - не понял Степан. - А-а, ты о просто птичках? Зачем они тебе?

- Да так... О птахах вспомнилось...

Солодкин в очередной раз чиркнул спичкой, молча докурил и лег в постель.

Яровой чуть слышно посапывал, изредка вздыхал, то ли уже во сне, то ли все еще раздумывая.

XY

В половине шестого внутренняя побудка многолетней лагерной привычки подняла Дениса с постели. Будто по звонку, он резко сбросил с себя одеяло, сел, потянулся, широко раскинул руки, и увидев спящего Степана, осторожно приподнялся с дивана, на цыпочках прошел к выходу, открыл замок и резко толкнул дверь: так меньше визга.

В маленькой дощатой уборной с глубокой пустой ямой, оторвал клочок газеты, висевшей на гвоздике, бессознательно по давнему чувству предосторожности, пробежал глазами строчки. В кои-то времена было, а поди ж ты: по нужде за куст или сарай с газетой ходить боялись. Вдруг да в газете фамилия или - чего хуже - портрет Вождя! А рядом - соседи-"доброхоты". Сколько их, таких "вещественных доказательств", попадало в папки уголовных дел! "Доброжелатели" находились всегда. Не зря же сказано, что если в самую темную ночь, в степи, покажешь звездам кукиш, то утром найдется человек, который спросит: кому это ты фигу совал?

Возвращаясь в дом, Яровой так же резко открыл и закрыл дверь, прошлепал босиком к ковру, шоркнул по нему ступнями, с ходу улегся на диван - не спать, а так, понежиться. Натянув на себя одеяло до подбородка, он закрыл глаза, смачно, с затяжкой. зевнул, подумав, что хорошо бы подремать еще. Но и через минуту, и через пять покоя не наступало. Взбудораженные мысли, как вспугнутые летучие мыши в сумерках, бесшумно чертили воздух и ускользали. Что же, что предпринять? Деньги? Конечно, деньги - перво-наперво... Нет, первое - милиция, регистрация... Хотя, действительно, почему бы и не покантоваться еще день-другой? И только намек на ночной разговор и предстоящую кражу ударялся там, в голове,

а что-то неуловимое, но твердое, шарахаясь в потаенную бездну.

Впрочем милиция может и подождать. Он ждал ее больше - двенадцать лет. Пашка, или как там его зовут-величают, тоже никуда не денется. Это, как дважды два. (Другое дело, что тлеющая надежда на возврат денег угаснет в первую же минуту встречи, закончится ничем. И доказать нет никакой возможности... Обчистили-и, как последнюю тварь безрогую... Вот ведь утроба ненасытная: к выпивке потянуло... Так тебе и надо. Кусай теперь локти, хавай объедки, праведник!...

Денис повернулся к спинке дивана, улегся на правый бок, но дальше в раздумьях своих не продвинулся, больше оттого, что ощущал ту самую потаенную черту, переступив которую неизбежно соскользнешь в каторжную кабалу "игры в дотацию". Оставалось лишь кивнуть головой о согласии, даже самому себе.

Он слышал, как поднялся Солодкин и стал одеваться, как, побренчав посудой на кухне, подошел к дивану, вероятно, намереваясь будить "квартиранта", но снова потопал на кухню и через минуту-другую щелкнул замком, закрывая за собой дверь на ключ.

Спустя несколько минут Яровой поднялся тоже, озадаченно посмотрел на дверь, но тут же обратил внимание на раскрытую тетрадь и шариковую ручку на столике трюмо. Прочитал записку: "Обожди, Счас вернусь"... Интересно, ах, как интересно: оставил одного в доме...Что это - доверие? Как бы не так! Следователь доверяет так же: вызывает конвой, если и отлучиться-то надо на минуту... "Счас!" - передразнил Яровой. - Тут уж и счас. До работы-то дотопать надо. А там видно будет, какое оно - счас".

Не одеваясь. прошел на кухню, налил в стакан из чайника густой холодной заварки, взял шоколадную конфету, снял обертку, откусил половину и едва ощутиву сладость, вспомнил скамейку в сквере, горку таких же конфет, коньяк и - Пашу. "Надо же!" - крутанул головой Денис, залпом, как вчера на скамейке, опорожнил стакан и возвратился в комнату. Сев на диван, уперся взглядом в сине-розовый рисунок ковра. Новенький... Посмотрел на стену. Над кроватью висел такой же по размеру, но поярче, с какими-то диковинными цветами... Недурно. Ковер заходил за толстый платяной шкаф, а вдоль

простенка до самого потолка на широких полках пестрели книги коленкоровыми, дермантиновыми и картонными серо-буро-малиновыми, красно-зелеными переплетами; Книгами был забит и шкаф у дивана. "Совсем недурно", - снова отметил Денис, хотя и видел уже не раз эту библиотеку. Подойдя к полкам, прочитал: "И.А.Гончаров, Л.Н.Толстой, Вячеслав Шишков... Так, значит: "Обломов", "Анна Каренина", "Угрюм-река"... Читал. В зоне тоже есть такие... "Л.Бобров. "По следам сенсаций", "Военная топография"; С этим не знаком... Ага, право! "История государства и права". Еще: "Советское уголовное право". О, интересно!

Открыл наугад: "В приказе товарища Ворошилова от 12 июня 1937 года по поводу приговора, вынесенного в отношении участников изменческой банды тухачевских, якиров и других, указывалось, что эти предатели продавали врагам военные тайны нашего государства, делали все для ускорения нападения внешнего врага на СССР. Все они оказались изменниками, шпионами... Мерзкие предатели, так подло обманувшие свое Правительство, народ, армию, уничтожены".

Да, хорошая банда... Это, значит те, кому по статье 58-1-а высшая мера уголовного наказания - расстрел... Нет, не всех уничтожили. Многие, что помельче, и в зоны попали... за то, что служили вместе, за подчиненность, за недонесение...

Прочитал еще: "Товарищ Сталин говорил на Пленуме ЦК и ЦК ВКП(б) (1933 г.): "Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливаться сопротивлением последних остатков умирающих классов... Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв".

Подумалось: "Ничего себе - остатки - в тридцать третьем! Да и как так: рост мощи с опорой на военных, которых уничтожают и быстро, и без особых жертв? Хм, остатки. Печники, плотники, конюхи, колхозники... Что после них, какие остатки?"

Так, глава четыре. Общее учение о преступлении... Энгельс писал: "Из тех поучительных глав "Каролины", которые говорят об "обрезывании ушей", "обрезывании носа"... "пытке раскаленными щипцами", нет ни одной, которой бы милостивый господин и покровитель не применял по своему усмотрению".

Денис покрутил книгу и снова раскрыл на той же странице. "А-а, - для первоклассников!" Денис сунул книгу на старое место и взял первый том "История государства и права". На восьмой странице прочитал подчеркнутое карандашом: "Каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества - таковы его идеи, теории, политические взгляды... Сталин."

Придрался сразу: "Бытие определяет сознание... Сталин сказал, оказывается. Выходит, если он там, наверху, то уже и сознательный, и идейный во сто крат, А нищий, он - нищий теоретически, идейно и политически. Выходит, Толстой или Пушкин великие потому, что их бытие было материально обеспечено. А Яровой - вор из-за нищеты бытия в детстве. Как бы не так! Толстый кошелек или высокий пост - не повод для зачисления в святые".

Страница 69. Подчеркнуто: "Из кодекса Хаммурапи видно, что к ордалиям прибегали, во-первых, в том случае, когда жена была обвинена кем-нибудь в прелюбодеянии; во-вторых, если кто-либо был обвинен в чародействе. Если чародейство не доказано, то тот, на кого было брошено подозрение, пойдет к реке и опустится в нее. Если река овладела им, то он признавался виновным..."

Яровой захлопнул книгу, повертел ее, взглянул на цену и втиснул на полку. Все это - не для души... История, право... ордалии... История то, что пережил сам, а остальное - суета сует. Соль - добрая вещь, но если она потеряет силу, то чем исправить ее. Ни в землю, ни в навоз не годится... Изучай, не изучай...

Дверь на веранде открылась. Шаркнуло по двери, щелкнул замок.

- Привет! - кивнул Степан с порога и, прислонив к стенке большую дерматиновую сумку, сказл: - кто-что технических средств... Отгул взял за переработку... Счас перекусим и на... как там ее... ре-екогностировку.

- А кто тебе сказал, что я - согласен? - натягивая брюки, спросил Денис, не взглянул на Степана.

- Ка-ак?! - удивился Солодкин, но тут же ухмыльнулся:

Хм ! Номер ! ... К чему тогда ночь базарили?

- Базар базару - рознь... Елка да сосенка одной породы, а - разные.

Солодкин подошел к трюмо, молча взял тетрадь и ручку, отнес их на кухню, громыхнул выдвижным ящиком стола и возвратился в комнату.

- Ну, ладно... Не хочешь - как хочешь. Тебе виднее... Тогда пойдем на станцию, билет раздобудем... проветримся.

- Мне он, этот билет, уже до Фени. - махнул рукой Яровой. - В справке-то, на работу, число стоит и... вытрезвитель...

Знаешь! - он вдруг повысил голос и будто выдохнул. - Обчи-ис-тили меня!

- Как?

- Понятия не имею.

- Щипачи?

- Не-ет. Вырубился я, гад последний!... Пил там с... одним.... Не думаю, чтобы он рискнул. Менты, наверное.... Но чем доказать?

- Все выпотрошили?

- Не-е.

- Так, - кивнул Солодкин. - Может... свидетеля подыскать? Видел, мол, как менты брали... Была бы зацепочка... А она всегда найдется, если поискать. Давай, выкладывай по порядку.

- Это - лишнее.

- Как сказать... Философ, а не знаешь, что облегчить душу - уже половина дела.

- Нц. - цокнул языком Яровой. - По методу церкви - исповедь?.. Как у Соломона, скрывающий свои преступления не будет иметь успеха, а кто сознается и остановит их, тот будет помилован... и вознагражден... Сколько народу погублено из-за этого облегчения души...

- Нашел Соломона! Это - из статьи тридцать восемь уголовного кодекса. Чистосердечное признание или явка с повинной смягчают ответственность. А за тобой хвоста... нет. Может, и выгорит... Подругу мою подключим...

Когда легли спать, Солодкин почти тут же засопел, уснул сном праведника, поработавшего на совесть. Железные нервы. У Дениса же беспокойство не проходило. Нет, страха не было.

Может,.. предчувствие беды? Вот и сны дурацкие последние дни снятся не в масть. Плавал в воде - плавать к беде... нырял... рыбу ловил. Это - к сроку. А еще - гусь... И холодные костлявые пальцы "Вьюна", сдавившие горло... Был бы рядом "Ландыш", тот сразу определил бы что к чему. Ведь предсказывал по снам и когда у кого жена курвится и кто письмо получит, даже казенное с отказом или с помиловкой... Вдруг да - предчувствие! Есть ли оно. и если есть, то что это? От чего тревожно в груди и нет покоя? А что гонит с места назревающей природной катастрофы зверя и птицу; почему змеи оставляют норы и щели свои и покидают эпицентр задолго до землетрясения; какая связь между будущим наводнением, еще никак не проявившем себя, и бегством грызунов из низин? А крысы, покидающие корабли куда как заблаговременно. А вой собаки? Даже простейшее - дождевой червь, выползает из земли за сутки до ливневых дождей... Лишь человеку не дано знать, где "подстелить соломку". Что он, человек, наделенный разумом, знает о душе своей? Тело ощущает боль, движется, страдает, сопротивляется.

А душа? Лишенная плоти, она бесчувственна, хотя и ноет, и трепещет... И поет, и плачет, пока обитает в груди человеческой... И любит, и ненавидит... Нельзя же любить телом или умом... Человек, наделенный разумом, им же и отвергает то, что понять не в состоянии. Он сам себе - Бог, создающий богов, верит в их всесилие. Так ли разумно и совершенно общество людей?.. Пока сковорода не раскалилась, и для рыбы, купающейся в масле, - тишь да благодать... Сказано же: да не будет побит человек теми камнями, один из которых он бросит однажды в белое или черное, чтобы зародить волну сомнения в застоявшейся глади благоденствия! Долетит ли до цели когда-нибудь этот брошенный камень?

Денис осторожно ворочался на диване. Одеяло уже давно сползло на пол, но желанного положения для тела все не находилось. Это тоже - от неудобства в душе.

Он мысленно возвратился к ТОМУ, которое отделялось от ТЕПЕРЬ всего лишь несколькими часами. Куском киноленты, прокручиваемой с повторами, видится ночной луг, через который он с "Вьюном" шел от реки к городу. Денис, обливаясь потом, тащился за Солодкиным, шпарившем по высокой росной траве и кочкам в хлюпающей низине. Там-то и прихватило. Ощутив, как кольнуло и остановилось сердце, он будто

запнулся о что-то. Чемодан выскользнул из руки и сочно шмякнулся в болотину. Денис тут же опустился на чемодан, хватая ночной воздух широко открытым ртом. "Финиш... Конец!" - резанула вдруг, как искра, жгучая мысль и уже не рюкзак, а что-то другое, куда более тяжкое, начало прижимать его к земле ниже, ниже. "Золото, английское золото, выигранное у глухонемого... Сколько же можно тащить его?.. Теперь... притащил".

Когда немного отлегло и осталась лишь тревожность и щемящая боль в груди, подумалось без прежнего страха, но с налетом горчинки: "Финиш жизни...с краденным на плечах..."

Скрипели пружины дивана. И опять - луг. И не возглас, а крик: "Конец... это - конец! И ради чего, Господи-и!".. Там, в траве, сидя на чемодане, он вдруг разозлился на себя и - больше - на "Вьюна".Это он помог сорваться! Теперь уже нельзя "завязать"...Кража - не дотация. Все-таки волкам доверять нельзя!...

От магазина шли темным проулком, потревожив ненадолго ленивую дворняжку. Добрались до речушки, неглубокой, но холодной. Брели по отмели, обходя кладки и бревна. Почти в устьице взяли одну из трех лодок, бросили туда ноши и, подтянув к реке, поплыли по течению, спускаясь к городу. В километре с небольшим, подгребли шестом к берегу, сняли багаж, оттолкнули лодку от берега и вышли на луг...

Там-то метров через пятьсот и прихватило. Солодкин услышав, что Денис отстал, возвратился к нему, сидевшему среди болота, и прохрипел:"Быстрее, чего растележился!" Денис хотел огрызнуться, но промолчал и, поднявшись с усилием, поплелся за "Вьюном", как старый пес за хозяином...

Денис потрогал левую половину груди. Боль так и не проходила... И опять - магазин. Брать было что. Выбирали, пользуясь светом, падавшем от фонаря в окно... "И для чего барахло это? Может и понадобится один костюмчик - для похорон..." Вспомнился первый день воли. Поразило многообразие всего. Привыкнув к скудости и серости лагерной жизни, на свободе не мог не дивится даже разноцветностью. Попал вдруг в царство вещей и продуктов. Выбирай, бери!.. И деньги тогда еще были...

Дотащившись до веранды дома и сбросив рюкзак, Денис как бы самому себе сказал: "Зря все это... И не известно, чем это кончится..." - Солодкин упрекнул: "Тебе ли, пень, плакаться!"

- "Не выступай, - спокойно осадил Яровой. - Я как почувствовал рюкзак за плечами, сразу понял, что дело - труба, что влез, как в дерьмо. Пользы мало, а вони-и... И опять - срок. Оттого и сердце забарахлило". - "Хватился когда! - уже раздевшись и шумно плескаясь под умывальником, осклабился Солодкин. - Поздно уже. Поезд ушел!.. Впрочем, если раскаиваешься... если хочешь, так неси свою долю назад... Можно и ближе - в милицию... с повинной... Мол, пока тащил - раздумал, раскаялся..."

... В окнах брезжил рассвет. Солодкин посапывал на кровати и не понять было - спит ли он.

"А не провокация ли?! - кольнула Дениса мысль. - Уж слишком чисто работал "Вьюн", будто здесь, у себя дома. Не пиратничал, не ломал... чтобы без убытков. Вещи-то сполна возвратить можно. Но искра прозрения тут же угасла. Если кража, - провокация, то милиция "повязала" бы на месте, с поличным взяла бы. Мало ли именно так и хватали? Группу лучше всего только так и брать, на месте. Тогда никто не скроется и никому не удастся взять вину на себя, чтобы если уже не избежать групповой, то выгородить того, кто должен остаться на воле. Но какая группа из двоих? Тут "Вьюна" выгородить нельзя. На суде, хочешь или нет, а срок обоим вкатят. Выходит... а выходит, что если бы "Вьюна" захотел бы кто-то выгородить, то брать с поличным было нельзя... Где же зацепка того, что Степан, хоть и был "паровозом" в деле, но "играл" на Денисе? Начало... какое начало? Встреча в ресторане - случайность. Тут подстроить или заранее запрограммировать нельзя. Могли же встретиться и "не узнать" друг друга. Но, зная, что Денис приедет именно в этот город. можно было "пасти" именно в ресторане... Но - зачем?... А дальше? То, что "Вьюн" сделал намек на кражу в первый же вечер, тоже обеляло его. И вообще: какой смысл в провокации, в испытании человека, едва отбывшего наказание?

"Хватился!" - вспомнил Денис брошенное "Вьюном" и тут же согласился, примиряясь, как с чем-то неизбежным. "Да, поздно... возврата нет... Возврат... Снова - в зону? А куда же еще?! Но ведь возьмут, силой повяжут. И... никаких снисхождений. Знать бы... тогда уж, действительно, лучше самому... с повинной... Что?! Нет, там и при явке загребут. И получится посмертная отсидка... Но человек-то сам явился... сам! Это ли не

раскаяние? Зачем же за это - в зону? Такой ценой добыта воля, а оказался свободным - и, как перед первым заходом. Растерялся, умник... Вор называется... Сука ты теперь: а не вор... В милиции и в суде, ясно, ко всему этому отнесутся равнодушно, примут, как должное: не первый и не последний... Учитывая прошлое, еще и срок отвалят. Привыкли чесать под одну гребенку. А в зоне? Встретят сначала по обычаю: свой. Узнают до суда, а - узнают! - встреча состоится уже без объятий. Найдутся и злорадствующие, и "добрячки"... На все это можно и наплевать... Не прижился, не смог на воле. Но и самому-то с таким "козырем" тошно будет. День пойдет за три, год пятью годами покажется... Сколько же их, этих дней, отпущено ему; сколько осталось их? Еще "Вьюна" убедить надо.

Ну, хорошо, поехали дальше. При явке с повинной "Вьюна" надо будет выгораживать, хоть тресни, лоб расшиби. Вот тут и выяснится, что явиться-то явился, да не с чистой душой. Доказать раскаяние, значит потянуть и "Вьюна". Это - не по закону. "Ярый" да еще по собственной воле сдал... Да за это... В зоне такого никто не поймет...

Надо все брать на себя, особенно, если уверен в надежности подельника. А кто он, "Вьюн", теперь? Может, от него одна кликуха и осталась... Сколько уже на дне кантуется? Тиной зарос... Рискнуть можно, конечно, однако не для ради его, а чтобы исключить групповую... Не впервой... Случалось, и его, Дениса, отметали. Вора-одиночку играть куда проще... Тварь, бездомная тварь! Неужели, чтобы по-настоящему решиться "завязать", надо было оказаться на воле и взять магазин?

А что милиция? Какие первичные доказательства или, выражаясь их языком. - улики - будут собраны? Ну, первое, - следы. Их два. Должны же сохраниться, если не на полу, хотя в носках шлепали, то у магазина... Хм, так они и сохранились! Собака тоже не скажет - два или один. А вот барахло одному не уволочь. Это и следственным экспериментом доказать можно. Но почему нельзя брать в два захода? Плевать на психологию: возвращался! Да ведь для двух чемоданов - две руки: упер!.. Дальше - вода. На луг не выйдут, в городе искать будут... Вот у лодок - прокол, если сами хозяева лодок не натопчут...

Вещи. Что по ним? Размеры не в счет. Брал то, что мал-мал подходило. Рюкзаки - не из этого магазина, значит, рюкзак был один - на один горб. Чемоданы. Доказать еще надо, что

взято два... Да и пусть два, раз много шмоток... Нет, на группу не тянет. Уже проще и - легче...";

Яровой и в самом деле почувствовал некоторое облегчение, но ненадолго. В груди опять защемило, как перед приговором, когда "учитывая вышеизложенное" прочитано и судья с нажимом на статьи, произносит то, что разделяет мир подсудимого на "до" и - "ПОСЛЕ": "... суд приговорил". Этих слов избежать можно... пока что. Надолго ли? Докапаются сыщики, найдут. У них - свобода действий и все же - опыт. Чем больше будут искать, тем больше "намотают". А полную катушку не размотать уже... Если сам не влипнешь, то "Вьюн" потянет. Рано или поздно его все равно возьмут... за старые должки... и - "расколят". Вот и получается, что шансов дожить до часа последнего на воле и не сыграть в ящик в зоне, уже нет... Ноль шансов. Остается - повинная... Глупо. Ах, как все это глупо!

XYII

Солодкин проснулся мгновенно, хотя ничто не будило его. Тело взяло свое: отдохнуло.

Было уже светло, но - рано. Взглянув на диван и надеясь там увидеть Дениса, не обнаружил его, Когда он успел подняться? Выйти бесшумно не мог. Или это и разбудило? Не поднимаясь. он заглянул в прихожую - никого. Подвинувшись на кровати, посмотрел на трюмо. Через зеркало можно было увидеть часть кухни. В трюмо отражалась половина кухонного стола, руки и часть груди Ярового. Наборной цветной ручкой Денис что-то писал. Колеблясь, ручка передвигалась по бумаге. Солодкин приподнялся так, чтобы обзор стола был больше.

"Пишет? Все-таки пишет, - с досадой подумал Степан. - Это уже - лишнее. Кому может писать человек, если говорил, что один, как перст? В зону, понятно, письма не пошлет: передать не с кем, и обратного адреса нет. Почта отпадает..."

Ручка медленно двигалась уже на середине тетради.

Чтобы Яровой не заметил наблюдения, Солодкин отодвинулся к стенке, притронулся щекой к ворсинкам персидского ковра и стал перебирать в памяти все, что могло быть связано

с "засветкой". Придраться по крупному, да и в мелочах не к чему. Говорили многое и о многом, но лишнего из "не подлежащего публикации" он не сказал. Пока единственная промашка - магазин и то при условии, что "Ярый" мудрит.

Скрипнула дверь. Выждав несколько секунд, Солодкин поднялся и шмыгнул к окну, выходящему во двор. Нельзя выпускать Дениса из поля зрения, теперь нельзя! Увидев Ярового, шедшего к уборной, облегченно вздохнул. Все-таки, если и донос, то не сразу. Бежать следом не к спеху. Еще есть время проверить "сочинение", даже если в уборной - тайник для связи.

Выждав, когда Яровой обратно подошел к крыльцу, Солодкин снова лег в постель, но едва Денис закрыл за собой дверь, спросил, потягиваясь и притворно зевая:

- Опять тебе, старый, не спится? - и просительно-добродушно: - Дай хоть в выходной покемарить вволю. И что суетишься?
- Привычка, - опять направляясь на кухню, ответил Денис. - У хозяина, сам знаешь, не поспишь.

- Отвыкать пора.

- Кому как, - неопределенно отозвался Денис.

- Не понял, - поднялся с кровати Степан и в нижнем белье прошел на кухню - попить.

- Что тут понимать? - потер виски Денис. - Кошки скребут по сердцу, как подумаю, что опять - срок. Влез... без нужды. Теперь не отмыться.

- Пройдет! - небрежно махнул рукой Солодкин.

- Если бы прошло, - вздохнул Яровой и поморщился, как от зубной боли. - Но, чую, не пролезет... И воли не видел, и в зону не хочется... Наверное, рожден для отсидок... Мне сейчас проще там, у хозяина: крыша законная, еда регулярная, работой обеспечен... А здесь - краткосрочный отпуск, без содержания.

- Но тебя обратно никто не гонит!

- Придет время - погонят. Под конвоем. Это, как пить дать. Нутром чувствую. У меня, знаешь, на это - нюх... Нет впереди просвета.

- Зря, - скрестив руки на груди, спокойно заметил Солодкин и как бы с обидой отвел взгляд.

- Не знаю... Может, и зря. Только куда мне теперь с таким грузом? Уже не донесу.

- Ты о барахле? - спросил Солодкин. - Об этом не тужи, не погоришь... В крайнем случае, барыгу найдем. Можно все загнать... Улик не будет. А, например, часы - с паспортами. Прихватил я их из сейфа вместе с штампами. Тут номер с раздельным хранением ценностей не пройдет, знаем!

- Не то-о, - покачал головой Денис. - Я - о другом.

- Ты - о старом? - притворно-равнодушно зевнул Степан. - Когда ночью стал охать, - противно было. Зачем винишь меня, что я втянул. Ведь все - по обоюдному согласию. Так?

- На цепи никто никого не волок.

- Тогда к чему переживания и раскаяние? Поначалу думал, что ты на нервах играешь. Потом закралась мысль, что... - Солодкин недоговорил того, что напрашивалось. Настроение Дениса и без того дрянное. Но надо дожимать: - ... не с повинной ли ты, в самом деле решил? Иначе - от чего столько переживаний?

Денис промолчал, ковыряясь ногтем в зубах.

Солодкин пошел в комнату, взял брюки, возвратился на кухню и, одеваясь, продолжил,

- Ладно, поступай, как знаешь. Можешь просто раскаиваться, а жить на воле. Можешь сдаться... Только азы-то не забывай!

- Да помню: ты меня, а я - тебя... - усмехнулся Яровой, чуть скосив рот к шраму. - Помню. Как принято говорить у людей, волчьи законы - для волков. Но противоречие именно в том, что волки - одиночки погибают быстрее... Так что мне лучше теперь - в стаю... в зверинец.

С показным равнодушием, разглядывая линии морщин на ладони левой руки, Солодкин, будто читая надпись, сказал,

- Мне это - до лампочки... Катись хоть в рай божий. А что касается ада, то он тебе уготован. Спеши, экономь время для

остатка драгоценной жизни. Учитывая твои заслуги, приговор, как я понимаю, обжалованию подлежать не будет. Юристы - не боги. У них - закон. И нет никакой возможности не наказать тебя даже при раскаянии твоем...

- Зачем ты мне? - оживился Яровой. - Думаешь, легко идти самому? В зоне тоже неприятности... будут... Я не пойду - сами повяжут. А тут еще сердчишко барахлит... Оденут наручники и... никто не поверит, что ты не придуриваешься...

- А-а, все - блажь!

- Тебе-то что? А меня как прищучило со шмотками на горбу... Вот где страх... Если бы я тогда не осилил себя и не поднялся, ты бросил бы подыхать... Теперь живи спокойно... Лишнего срока за групповую не возьму. Потяну сам. А ты... повнимательней, повнимательней к прокурорше! Женщины любят внимание к ним... А я вот и заупокойную нацарапал, - без всякой связи с последними словами, сказал Яровой, достав из кармана брюк треугольник письма и протянув его Солодкину. - Читай, если интересно.

- Ты что же, не пойдешь?! - разворачивая треугольник, удивился Солодкин.

- Всему свое время, - несколько уклончиво ответил Денис. - Пойти пойду, но позже. Надо разыскать тут одного;;; И гульнуть напоследок. В деле не убудет и не прибудет, если задержусь малость. Зато сыщики бумаг меньше понатаскают. Не люблю читать все эти сплетни, когда время придет знакомиться... На допросах, будь уверен, все разыграю, как по нотам.

- Все правильно и... откровенно, - прочитав заявление, адресованное начальнику милиции, заметил Солодкин, -но лучше бы ты, излив свою душу мне, на этом и остановился.

- Ты - судья. Понимаешь, не могу иначе... Много ли ты встречал нашего брата, гуляющего на воле с должками?

- Да есть, - с лукавинкой взглянул Денису в глаза Степан. - А ты помни: тебя туда тоже не толкали... Лучше уезжай.

- Некуда! Сюда прикомандирован, под надзор. Так что... - Денис взял письмо, снова свернул его треугольником и положил в карман брюк.

- Трогательное письмо, и... вообще, - развел руками Солодкин и натянуто улыбнулся: -Теперь я на живом примере убедился, что воспитательная работа в зонах у нас на уровне. Подумать только: старый вор, примыкавший к законникам, идет с повинной! Ну, иди!

- В законниках не ходил... А к ментам, придет время - пойду.

- Ловчишь! Письмом застрахуешь себя - и доволен? А подумал ли ты, что тебя видели со мной или у меня? Разбираловку начнут не по краже, а конкретно, по тебе. Пойдут по следу и выйдут на меня. Кому, как не нам знать это?.. Конечно, ты в этой истории будешь как бы в стороне: не сексотил, не закладывал. Но это - чистой воды наводка!

- Додумался!

- Праведник! Или сразу иди, или письмо кончай... при мне. И вообще: смывайся от меня. Мы - не виделись.

- Понял, - покорно кивнул Денис. Так и быть должно... Дай мою долю. Отнесу в лес... Для подтверждения показаний. Туда-то, после ареста, повезут, как барина. Покажу по всем правилам их протокольных дел, что прятал, как прятал, в какое время суток, при какой погоде... Пусть фотографируют для истории и задают свои идиотские вопросы. "Гражданин, Яровой! Вы утверждаете, что эти вещи и ценности украдены вами из магазина?" - "Нет, то есть да". - "Не запирайтесь. Нам все известно!"... Да, надо что-нибудь в другое место подбросить. Скажу,что прятал все, до ниточки, но, видно, кто-то уволок. Вор у вора... Глупо выходит: навар тебе, а мне... Ладно, это - компенсация за хату и гостеприимство!

Солодкин не ответил. Он закурил, поднялся и, отвернувшись от Дениса, уставился в окно;

- Ладно, собирайся. В лес, так в лес... Наличность нужна? Сколько?

- Я - не жаден, - опустил глаза Денис. - Сколь кинешь...

- Рехнулся человек, точно. Ну да ладно. Деньги дам сверх доли, в счёт моей воли. Только уговор: письмо - не отсылать. Решил идти - иди... без выкрутасов. Вольному - воля.

- Не хочу такой воли, - отчужденно взглянул Денис и поднялся. - Пора...

XYIII

В понедельник утром майор милиции Чигрин, заместитель начальника городского отдела милиции, на оперативном совещании из семи происшествий, зарегистрированных за субботу и воскресенье, выделил - кражу из поселкового универмага. Настораживало то, что подобных преступлений давно уже не было, и вдруг - кража на объекте, оборудованном сигнализацией. Магазин - не ларек, в который обычно забираются малоопытные подростки, изобличить которых не так уж и трудно: наспех сколоченные группы, открытый сбыт похищенного, неуемное потребление спиртного. С магазином имеют дело не новички.

С доклада о краже и начал оперативный уполномоченный уголовного розыска старший лейтенант милиции Ветлугин. Он открыл папку, лежавшую перед ним на столе. Здесь было что читать: протоколы осмотра места происшествия, изъятия вещественных доказательств, опросов продавцов магазина по факту кражи, предварительная опись похищенного, набросок плана места происшествия, акт о применении служебно-розыскной собаки по кличке "Ярый". Вчерне был готов и план оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступления.

Ветлугин по своей профессиональной привычке читать один раз, не заглядывая в знакомые протоколы, отметил:

- Судя по выветренности почвы на подкопе и степени насыщенности влагой следов ног предполагаемых преступников на прибрежных и низинных участках, кража совершена за четыре-пять часов до ее обнаружения. Эти лица угнали лодку, находившуюся на приколе, и ушли на ней по реке. Владелец лодки пояснил, что она была без весел, но с шестом. Другие лодки, тоже безвесельные, не тронуты. Предполагаемые ближайшие участки причаливания оперативной группой осмотрены. Результаты пока отрицательные.

- По такому течению лодку следует искать в тридесятом царстве, - прервал доклад майор Чигрин и тут же дал задание эксперту научно-технической экспертизы: - Товарищ Павлов! Выполните расчет возможного удаления лодки, находящейся наплаву, за... теперь уже тридцать два часа. А что версия угона лодки против течения?

- Не просматривается, - продолжил Ветлугин. - Ближайший населенный пункт вверх по реке - в пятнадцати километрах.

Для преступников риск увеличивается в несколько раз: встречное течение не даст быстро удалиться от места кражи, а дальше - ранние любители рыбалки, местные жители.

- Да, село - не город, - согласился майор. - Это у нас, среди незнакомых и равнодушных, можно не то, что любые вещи - пушку провезти. И никто не поинтересуется: откуда и куда катят орудие... Но опросить село надо.

- Сколько человек было? - спросил следователь и приготовил ручку. Педант, по определению Ярового, записывал даже то, что можно было бы и запомнить.

- Судя по следам, - двое, - продолжил Ветлугин так, будто к этому изложению и должен был перейти в своей подробной информации, несколько затягивающей оперативку, но приводящей к выигрышу времени на отработку версий.

- Какие вещественные доказательства по краже имеются? - несколько опережая развитие доклада и пользуясь демократизмом совещания снова спросил Кролев, по свойственной следователю привычке - задавать вопросов больше, чем нужно в данный момент.

Ветлугин взглянул на испещренные разными почерками бумаги и улыбнулся давнему каламбуру: - Из вещественных доказательств по краже имеем - кражу. А из орудия преступления изъяты лопата штыковая, ржавая, без следов износа - в кустах у места подкопа, домкрат и ломик - в речке. Дрель и ножовка по дереву, тоже ржавая, пока не найдены. Из вещей и ценностей, предположительно, взята, в основном, одежда мужская: костюмы, плащи, ценные шапки меховые, пальто и куртки хромовые, унты, свитеры. Взяты также шубы женские меховые, часы, магнитофоны, транзисторные приемники, бритвы электрические, кольца, серьги.

- Что конкретно известно о подозреваемых? - спросил Чигрин не столько из личного интереса, сколько для того, чтобы пригласить к обсуждению и других, присутствующих здесь. Так лучше обрабатываются различные версии, определяется коллективное мнение.

- Кое-что сказать можно, хотя фамилии, к сожалению, пока не известны, - улыбнулся Ветлугин. - Одежда взята в основном пятидесятого и пятьдесят четвертого размеров. Не думаю, что это - случайный выбор или совпадение. Следы обуви примерно совпадают с ростом - сорок второго и сорок четвертого разме-

ров. По степени уплотненности почвы обувью, с корректировкой на груз, вес одного из преступников составляет шестьдесят пять - семьдесят килограммов, другого - восемьдесят - девяносто. Можно предположить, что рост одного равен ста пятидесяти - ста шестидесяти пяти сантиметрам, другого - около ста восьмидесяти пяти. Рост подтверждается и другими сравнительными характеристиками: длине шагов, постановке ног, распределению груза тела на опорные площади ног.

- Среднестандартные субъекты образцов тридцатых и шестидесятых годов, - заметили эксперт Павлов, принимавший участие в осмотре места происшествия.

- Да, второй, высокий, по всем параметрам подходит, а у первого это выражено меньше. Должно быть, он - худощав, шаркает обувью. Причем, туфли совсем новые и по отпечаткам следов трудно судить о состоянии здоровья или дефектах ног. Если брать за основу распределение груза на площадь поверхности, то здесь заметна сутуловатость. Отсюда подтверждение того же: не молод.

- Понятно, - кивнул майор Чигрин. - Имеем примерный рост, примерный возраст и примерный вес. Есть также примерный перечень похищенного. Следовательно, знаем вкусы и сферу интересов. Техника проникновения в магазин и применение лопаты, дрели, ножовки, домкрата тоже могут привести к определенным выводам... Дрель, например, - это вскрытие сейфов, а значит знание запорных устройств... Прошу высказываться по версиям;

Первым начал оперуполномоченный уголовного розыска Ванин, любивший подобные оперативки за возможность "помозговать" вслух:

- Низкий - это мужчина... - Ванин сделал паузу, но и этого хватило, чтобы эксперт-криминалист Павлов, пользуясь непринужденностью обстановки подсказал:

- Инопланетянин...

- Мужчина, - повторил Ванин, выждав. пока улегся смешок, - недавно приехавший. Одежда новая... Седой, наверное...

- Перебор! - остановил Ванина Кролев.

- В точку! - на согласился с Кролевым Чигрин. - Где вы видели и встречали приезжего в новых туфлях и старой одежде? А какой вор в пятьдесят лет не седеет? Значит, попробуем разобраться в предположении Ванина: один из них, старший, - вор со стажем... Товарищу Кролеву срочно сделать запросы об

освободившихся из мест заключения лицах, направлявшихся в наши районы, скажем, за последние месяц-два и привлекавшихся к ответственности за аналогичные преступления... Товарищу Ванину выбрать данные по проходившим у нас делам, связанным с кражами, лет за десять. Надо установить кто и на какой срок осужден, к чему склонен, какими методами пользовался, что из технических средств применял, возраст и прочее. Проверьте также по журналу регистрации прибывших в наш город... А что высокий? - Чигрин взглянул на Ветлугина.

- Походка легкая, груз на пятку и переднюю часть ступни распределен ровно. Значит, осанка - прямая. Длина шага - сто двадцать - сто тридцать сантиметров, что подтверждает высокий рост. Обувь почти новая. Немного косолапит левой ногой.

- Наверное, не природная косолапость, а от груза, находившегося в правой руке... Правша. Левое полушарие управляет правой половиной тела, отвечает за интеллект человека, - заметил Павлов.

- Интеллигент? - спросил Ветлугин и сам же ответил, - Нет, обувь наводит на мысль, что высокий надевает туфли, скажем, в выходные дни. Выходит, работает там, где на производстве переодеваются. Местный... Ну, еще одно: старший обстановки не знает и вел себя не по законам их стаи - шел позади. Видно, высокий - "паровоз".

- Но, пожилые, обычно, люди оседлые... - подумал вслух Павлов.

- У вас сомнения? - спросил Чигрин.

- Да. Инструмент настораживает... Ржавчина на нем. Кто-то хранил его в домашних условиях не один год. Даже на следах надпила досок пола - ржавчина от ножовки. Это - оседлость. Вряд ли подходит высокому.

- Но старший может не знать методов обмана сигнализации, - не согласился Ванин.

- О сигнализации разговор особый, - продолжил Павлов, - А пока - о лопате. В личном дворе ей заржаветь не дадут.

- Как знать? - усомнился Чигрин. - Почему бы этой лопате не храниться где-нибудь на балконе?... Хотя... У многих ли на балконах- лопаты?

- Когда мы выйдем на частный сектор, то нарушим версию о старшем, приезжем, - заметил Ветлугин. - Если приехал высокий, то откуда у него знание обстановки? Опять-таки, гость и пошел на кражу?

- Он может быть из тех знакомых, чьи фамилии у нас в картотеке, - сказал Чигрин. - Исключать лагерные знакомства не следует, если учитывать более серьезных преступников. Отсюда выходит, что приезд такого "знакомого" мог быть отмечен, скажем, в ресторане... Все естественно, Не они первые. Такова их жизнь. Приезд одного мог привести к договоренности о краже. Возможен и другой вариант: сговор по почте или еще в зоне... Как бы там ни было, у нас есть серьезный повод для проверки ресторанов - городского и привокзального, опроса продавцов магазинов, где могло приобретаться спиртное. Силуэтные портреты, будем считать, у нас имеются. Наверное, кто-то из них бывал и в универмаге, даже обязательно бывал, изучая наличие товаров, сигнализацию и прочую обстановку. Думаю, что особое внимание надо уделить высокому...

XIX

Открывая подпол веранды, Солодкин думал не о вещах, находившихся в яме, не о самом тайнике, а о западне, глубокой и сырой, будто карцер. Неужели вот так запросто можно влететь в него, рухнуться на самое дно? Ну, ловушка для зверя - дело ясное: животное - без понятия, бац - и в яму. А он-то, он! Сознательно, без приманки и прочих браконьерских уловок и загонщиков прет напропалую, затягивая собственными руками петлю на своей же шее. Еще шаг, день... Тогда не просто какая-то яма, а вполне добротное каменное обиталище с маху захлопнется железными дверями на необозримый, неопределенный срок... Приманка, загонщики... "Ярый" - загонщик. Самый настоящий. Его душевный комфорт может обойтись слишком дорого. Дурында. Это же только подумать... Кража для него, вора, - смертный грех! Перед кем?! Привычка, обычная скотская привычка - отвечать за каждую сотворенную пакость. Вишь ты: украсть и не получить. наказание - дикость. Зачем лезешь тогда? Разве только для поддержания вращения маховика государственной мельницы? Одни воруют, другие - судят. Всем работа... А если не воровать? Ну, так не бывает! Всегда и во все времена кто-нибудь да жил за счет других. Разница лишь в способах получения выгоды.

Постояв над открытой ямой в раздумье, Солодкин, став на колени и согнувшись, достал один из двух вместительных чемоданов, совершенно похожих, и узнаваемых лишь по расположению: Денисово - сверху. Рюкзак по весу не уступал чемодану. Захотелось взглянуть на вещи. В домашних услови-

ях они, наверное, смотрятся далеко не так, как в магазине... Может, нахватал под запарку и ненужного, случайного... Вкус человека на выборе шмоток заметнее всего... Но - не до экспериментов. Тоже нашел время!..

Уложил доски на место и накрыв половиком, Солодкин распахнул дверь в квартиру настежь, внес поклажу в комнату и бросил к ногам Дениса:

- Бери свое - все - и сматывайся!

- Все не надо, - невозмутимо сказал Денис, так, будто собирался в отпуск и, нагнувшись, развязывал туго набитый вещмешок. Сверху лежала аккуратно свернутая женская шуба. Он вытащил ее, расправил, взглянул на этикетку, привязанную ниткой к пуговице. - Ого! Восемьсот девяносто пять рублей! Хороша! Подари своей прокурорше... О, приведение! - Яровой тут же мотнул головой, удивляясь своему открытию: - Взгляни: восемь, девять, пять!

- Перебор, - оттопырил нижнюю губу Солодкин и нравоучительно добавил: - Видишь, и здесь не в твою пользу. Знамение... Так, что не тусуйся со своей... повинной.

- Статья восемьдесят девять, шесть лет! - Это - предначертание... За явку - пятерик! Это для меня-то - пять пасок?! Совсем ничего. Дотяну еще до воли!

- Хм! - ухмыльнулся Солодкин не столько наивности, сколько веселью Ярового, но ничего так и не сказал.

Денис открыл чемодан, достал одну из трех бритв.

- Побреемся, что ли?.. Напоследок в твоей гостеприимной и тихой хате.

- Скажите, какой аккуратный! - стоя вполоборота к Яровому, снисходительно заметил Солодкин и кивнул за окно: - Там побреют... наголо и надолго.

- Кому что, - улыбнулся Яровой, распутывая шнур бритвы. - Там, если помнишь еще, больше стригут.

Солодкин молча ушел на кухню. Теперь окончательно ясно: ситуацию он не учел. Надо было как-то по-другому... Может, попробовать отбрить этого нахала? Но - шум, шум... Нет, в лес, в лес надо. Проучить так, чтобы навсегда забыл дорогу в милицию. Теперь-то иначе нельзя. Но опять - риск. Идти вместе, это же... чистая засветка, бери с поличным. Случайный, единственный прохожий обратит внимание, что человек с чемоданом идет не на вокзал, а в лес! А если знакомый? Позже милиция легко сведет концы с концами... Ну, лагерное знаком-

ство недоказуемо. Рядом не спали, батрачили в разных бригадах... Там никто не обязан знать всех из двух тысяч. А с прибывающими и убывающими даже за пять лет, куда больше... Пока Яровой не явиться в милицию или хотя бы не отправит письмо, особых волнений нет. Никто не заинтересуется человеком, если о нем самом ничего неизвестно. В этом случае он еще не опасен... А кража? Ну и что? Следы обуви? Не в счет! Обувь вместе со следами спокойно сгниет в земле... Да и барахло... Чтобы найти его, надо еще добраться до Солодкина, а не Колядкина... Да, пока "Ярый" под контролен, можно жить... Но вдруг сорвется все-таки? Там, у следователя, в кустаря-одиночку не поверят, конечно. Дубарей не так уж и много. Групповая же и Денису - поперек горла... Нет, лучше все-таки блажь у дурынды вышибить...

Когда жужжание бритвы прекратилось, Солодкин возвратился в комнату и отчужденно сказал:

- Чего резину тянешь! Пора бы, как говорят, и честь знать. Теперь ты, как бы выразилась моя прокурорша, персона нон грата... Наши законы помнить надо. И хотя я не любитель иностранщины, но спрошу: ферштейн?

- Выкинштейн, - кивнул головой Денис и добавил: - Не о законах помнить надо, а о жизни. Как бы сказала твоя прокурорша, знающая латынь, - вивере моменто.

- Вот и поговорили. - Солодкин принялся запихивать в рюкзак, выброшенные Яровым вещи. - Но есть еще время передумать, переиграть...

- Наигрался. На этот раз до смерти хватить, чувствую.

- Я пока по-хорошему... с тобой, - с ноткой угрозы сказал Солодкин.

- А что, и по-другому, можно? - взглянул Денис из-под лохматых бровей на Степана. - Скажи, пожалуйста!.. Нельзя со мной, Степа по-плохому, нельзя. Тебе поневоле с уважением ко мне относиться надо.

- Герой!

- Нет, не герой, а - страдалец. Ведь такие люди...

- Тогда... за что тебя уважать?

- За старость и... мудрость. Да, я поступаю мудро. К тому же воля, пусть даже будущая, нужна не мне одному. Так что голова моя еще имеет цену и потому достойна уважения.

- Кто, интересно, оценил тебя? Не милиция ли?

- Какая разница лично для тебя? Живи себе спокойно. Пользуйся и дальше свободой и моей простотой... Если на следствии пришьют хоть маленькую пустышку, то всю стоимость твоей доли возмещу... за их счет. Было со мной и такое. Под шумок накрутили недостачу в три раза больше, чем уволок.

- Отвертелся?

- Посажал. Еще свидетелем пошел по их делу. Следователь оказался порядочным. Выделил из моего дела другое и раскрутил. Мою вину доказал честно, без натяжек и подгонок. Да и сам я пошел в сознанку, раз дело такое... Это у меня единственный случай, когда после суда хотелось пожать руку за справедливость этому человеку.

- А сколько вкатили... по-справедливости?

- Пять.

Солодкин завязал вещмешок, поднялся и, рассматривая Дениса, сказал:

- Не хочу верить, что человек в здравом уме пойдет сам... добровольно. Так не бывает, если серьезно.

- Тебе-то какая забота? - пожал плечами Денис. Шрам на его щеке удлинился от улыбки. - Может, я затосковал на воле, может, не могу без хозяина. Э-э, да что зряшний базар?! У нас - не разговоры человеческие, а крутеж вокруг одного и того же, Я решаю раз...

- Ладно! - Солодкин взял со столика электробритву "Бердок-3", ту, которой только что брился Денис, положил ее в футляр. - Это возьми тоже... для счета. У меня теперь своих навалом. - И спросил: - Тебе помочь, или сам поволокешь? Могу рюкзак доставить по назначению.

Денис взял из рук Степана бритву, положил в чемодан и щелкнул замками.

- Конвой мне, сам понимаешь, приелся. И не только это... Если с барахлом повяжут вместе, то от групповой не отвертеться. А у меня - шанс. Скажу, сам шел. Письмо предъявлю. Документ все-таки. Это почище гербовой печати. Кровью сердца написано...

- Ну-у, представле-ение! - Скулы Солодкина заходили, выдавая сдерживаемый гнев.

- Не болела у тебя душа, Степа... А в моей что-то перевернулось... той ночью, на лугу... Может. это и дико, для нас, а для них - не новость. Приходят сами и не такие, как я... Дай денег. Они никогда не в тягость.

- Деньги вечером... На вокзале.

- Почему?

- В заначке они... не здесь.

- Не крути. Моя доля - за мной!

- Ладно, иди. В лесу догоню... Отдам. Но барахло... - Он с нескрываемым страхом покрутил головой: - Тащить днем? Это, как под прицелом. Угро работает уже, наверняка...

Вес чемодана показался на это раз не такой уж и большой, и вещмешок не давил плечи. Яровой, не закрывая калитки, вышел на пустынную улицу, прошел метров пятьсот вдоль окрашенных и почерневших разномастных заборов и ворот, и поставил на придорожную траву чемодан. На душе было легко и спокойно, как после глубокого сна. Если бы еще отправить письмо, избавиться от ощущения его присутствия. тогда бы, наверное, и совсем стало бы хорошо, как после камешка, вытряхнутого из ботинка. Он осмотрелся, отыскивая почтовый ящик. Поблизости его не было. Постояв еще, Денис увидел девочку лет десяти-двенадцати, шедшую по противоположной стороне улицы. Достав письмо, а затем, - из бумажника - пять рублей, он подождал, пока девочка приблизится, и подозвал ее.

- Брось, милая, письмо в почтовый ящик... А это - тебе на шоколад, - сунул Денис письмо и деньги, не ожидая согласия.

- Спасибо! - с удивлением посмотрела девочка на деньги и взглянула на письмо: - Оно же, дяденька, без конверта!

- Такое это письмо... солдатское. Надо, чтобы оно дошло в милицию... Обязательно... Опусти в почтовый ящик.

- Я сама отнесу! - махнула треугольником девочка и порхнула к центру города.

Теперь и совсем стало легко на душе у Дениса. Он подхватил чемодан и, как отпускник, беззаботно и даже браво зашагал по середине улицы, обустроенной палисадниками и домами частного сектора.

У последнего, крайнего от леса огорода, Денис остановился снова, огляделся; Солодкина по-прежнему видно не было. Впереди - лужок и - лес. Безлюдно. Письма при нем теперь не было. Встреча с милицией не сулила ничего радужного. Вбит последний гвоздь. Все! Поняв это, он как-то сник, будто в душе хватило заряда донести тело только сюда. А дальше - пустота. И вернуть ничего нельзя. Даже письмо, его письмо, не возвратить уже. Теперь и оно - прошлое.

На поляне у дороги Яровой бросил чемодан в траву, лег рядом наземь, лицом вниз, ощутив и тепло земли, и приятную истому. Короткие перебежки благополучно закончены. Теперь надо выбрать место подальше где-нибудь, избавиться от груза...Повернувшись набок, Денис увидел, как вдоль леса, направляясь почти к той же полянке, шел Солодкин. Выходит, он избрал обходной путь...

Яровой сел и кашлянул. Солодкин подошел к Денису.

- Ну как, хвоста нет? - спросил Яровой.

- Все нормально.

- Деньги принес?

- Да.

- А все-таки, ты - не гостеприимный, - поднимаясь на ноги, сказал Денис. - Практически гостя из дома выгнал.

- Ты сам виноват... Вообще, эти дни мне стоили нервов... Не понял я тебя сразу.

- Я тоже, - кивнул Денис. - До сих пор не пойму... Затмение какое-то нашло. Пьяная бравада. Только и прояснились мозги, когда сердце схватило... Ладно, бери чемодан. Потопаем дальше.

Шли молча. Дорога распадалась на тропинки, змейками уползала в лесную чащобу. Над головой в синеве неба плескались верхушки сосен. На редких полянах благоухало разноцветье и разнотравье. Пахло крутым настоем хвои и грибов. А совсем рядом, в просветах между деревьями виднелась голубая гладь реки. Где-то тенькала какая-то пичужка и вперибивку стрекотала сорока.

Вся эта роскошь лета Денисом отмечалась лишь зрительно, не затрагивая чувств. Он глядел на все, будто из окна следственного кабинета: "Это хорошо, что вы раскаялись и пришли. Советское законодательство особенно гуманно к тем, кто осознав свою вину, является с повинной. Она - смягчающее вину обстоятельство..." Виделся суд. На скамье подсудимых - он, Яровой. За спиной нет конвоя. Наконец-то его, несусветного вора, под стражу не взяли. Да и зачем? Явился-то добровольно! Поверили. Значит, приговор предполагается мягкий, возможно, и не связанный с лишением свободы. Он, Денис, теперь не может считаться социально опасным... хотя и рецедивист... и совершил социально опасное деяние...

Солодкин отстал, прикуривая. Денис тоже замедлил шаги и хотел было остановиться, но в тот же миг ощутил, как по шее

сзади змеей скользнули холодные цепкие пальцы. Они еще не давили, еще не было ни больно, ни тяжело, и лишь захват напомнил наручники: шевельнешься - щелчек на сжатие. Яровой резко присел и рванулся вбок. Пальцы "Вьюна" соскользнули с шеи и сразу же впились в правый рукав, подвернув руку назад, к лопатке. Резанула острая боль в предплечье. Денис снова рванулся вбок, но прежний прием не удался. В правом плече что-то хрустнуло, затуманив сознание. Вот уже и левая рука, еще безболезненная, уходит назад, под нажимом сзади поднимаясь выше, выше...

Сломав ставшее податливым телом Ярового, Солодкин пригнул его к земле.

- Брось дурить, шакал! - теперь только выдавил из себя Денис, пытаясь наклониться пониже, чтобы как-то уменьшить боль.

- Потерпи, осел! - Солодкин повалил Дениса на землю, лицом вниз, по-прежнему удерживая руки под лопатками. - Сейчас мы тебя спеленаем, для убедительности... затем и погутарим...

- Не дури, мне терять нечего!

- Зато мне есть что, - связав ремнем руки Дениса, спокойно, будто сидя за столом, ответил Солодкин и принялся обшаривать карманы одежды Ярового. Достав бумажник, он порылся там и отбросил его в траву, затем проверил все карманы, полез под рубашку и озабоченно спросил: - Где письмо9!

- Не ищи, - хрипло ответил Денис. - Я... отправил его.

- Врешь! Я с тебя глаз не спускал!.. Сейчас ты мне сам отдашь!.. Не дергайся... Бить я тебя не буду, пожалуй. Это - не гуманно... Да и не принято у нас... Под запарку могу и переборщить... Ножом бы пару дырочек просверлить...

- Развяжи!

- Не раньше, чем ты, сука, возвратишь посланьице... и поклянешься жизнью своей.

- Не заговаривайся! - скрипнул зубами Яровой. - Плачет по тебе зона, шакал!.. Я ни перед одной падлой не отчитывался!

- Посмотрим. Тут, кроме меня, тебе исповедоваться некому. Помощи ждать тоже неоткуда... Буду пытать, пока не скажешь: зачем ты все это затеял и где письмо? Молчишь% Тогда... - Солодкин оглянулся вокруг, соображая, что предпринять. - Тогда, устроим тебе крещение... Когда Русь крестили, много утопших было... Из-за скученности. А тебе -

привелегия... Хлебнешь раз-другой и станешь ручным... А то... и утопнуть можно... Тогда, с меня какой спрос?.. Надумал?

- Я сказал все.

- Посмотрим. После... ордалии... Так допрашивали древних. - Солодкин поднял Ярового на ноги и поволок к реке, приговаривая: - Пойдем, старенький козлик, пойдем.

- Садист! - оказавшись по грудь в воде и повернув голову, насколько позволяли заломленные руки, болезненно-тоскливо сказал Денис.

- А ты как думал? - Солодкин ухмыльнулся обычной своей нагловато-ехидной улыбкой. - Повторяю вопрос: где письмо? Молчишь? Видит бог, в страданиях своих ты сам овинен. Понимаю: не по нутру тебе экзекуция, но... жду. Молчишь? Попробуем еще раз.

- Гад, ах, какой же ты...

Солодкин заломил руки Ярового, на этот раз еще жестче, и макнул левой рукой голову Дениса в воду. В то же мгновение, почувствовав боль в мизинце, дернул руку из воды, но это ему не удалось. Яровой, вцепившись зубами в палец, с силой, на которую были способны металлические зубы, грыз, перетирал ненавистную, мизерную толику тела, ощущая во рту теплую солоноватость крови и хруст косточки. Рванув палец, Солодкин вытянул из воды и голову Дениса. Но теперь уже сам Яровой. Сопротивляясь и продолжая жевать палец, окунулся в воду и ногой попытался ударить Солодкина по коленке. Тут же резкая боль под лопатками и еще что-то, кольнувшее в груди, сковали движения. Солодкин резко рванул левую руку и, наконец, выдернул палец изо рта Дениса.

Этот рывок - последнее, что еще могло ощутить обмякшее тело, вдохнувшее вдруг вместо воздуха - воду.

- Эй, Ярый, ты - что?! - увидев, как сникло тело Дениса, крикнул Солодкин, больше от испуга, чем от боли. - Я же... не хотел я!.. Не хотел... совсем! - Он тряхнул Ярового за плечи, будто пытался разбудить и тут же опустил труп в воду. - Ну, все... Мокруха...

Воровато оглядываясь, он торопливо развязал скользкий ремень, снял его с рук, так и оставшихся по-зековски за спиной, и поспешно оттолкнул тело на быстрину.

Звенящая тишина стояла вокруг. Широко и вольно несла свои молчаливые воды река, принявшая в колыбель свою тело Дениса.

XX

Вечером по внутренней связи Чигрин вызвал к себе Ветлугина. Закрыв сейф, где хранились агентурные и другие документы,недоступные даже товарищам по работе, Ветлугин взял папку по краже из универмага и зашел к заместителю начальника.

- Проходи, садись и докладывай, - оживленно встретил розыскника майор. Он был в штатском костюме, хорошо прилегающем к средней полноты фигуре.

- Все - сразу? - улыбнулся Ветлугин. - С чего начать?

- Начальству, известно, доклад нужен.

Ветлугин сел за приставной стол, открыл папку, перелистал документы, испещренные разными почерками, те, что писались собственноручно.

- Наша версия, товарищ майор, - о двух - подтверждается. Официантка ресторана "Сибирь" рассказал, что во вторник вечером туда заходил мужчина лет шестидесяти. Костюм приличен, без галстука. Рост средний. Скромен. Очень коротко стрижен. Седой. Шрам на левой щеке.

- Заметная личность, - кивнул майор. - Мне тоже почему-то казалось, что - седой... Скромен. Хм. Откуда такая характеристика?

- Заказал много, а ел и пил мало. Вел себя тихо. Интересовался танцующими.

- Вообще танцующими?

- Не только. Хотя, в основном, и обратил на себя внимание странным отношением к танцам. Там же, в ресторане, он увидел высокого и спросил о нем. Высокий, по словам официантки, - это Степан. Имя, конечно, может быть и другим. Раньше тоже бывал здесь, в вечернее время.

- Это нам, для начала, подходит, - согласился Чигрин и спросил: - А что - седой?

- Ушел рано. Один. Взял навынос две бутылки коньяка азербайджанского, четыре звездочки.

- Интересно.

- Это не все. Высокий действительно появлялся в универмаге. Последний раз - перед кражей. Он - чернявый, симпатичен. Перебирал много, а купил тетрадь.

- Продавцы не любят покупателей, роющихся в товарах и не покупающих ничего. Это запоминается. А второй был?

- Никто не уверен... Главное, что наши силуэтные портреты вполне совпадают со словесными... Ванин проверяет картотеку. Вероятно, откопает что-нибудь.

- Хорошо, - удовлетворенно кивнул Чигрин и подал Ветлугингу треугольник письма на тетрадном листе. - Читай. Фамилия седого - Яровой.

- Уже?!

Письмо еще вчера было у нас, но попало к секретарю только после рапорта дежурного. После регистрации, секретарь положила письмо в папку входящих, начальнику, а полковник утром почту не смотрел - вызвали в горком партии... Вот... Издержки нашей бюрократии.

- Впустую копья ломали... на оперативке, - поморщился Ветлугин. - Знать бы о письме...

- Как сказать, - не согласился Чигрин. - Не ломали, а - оттачивали. Это не ошибка, а - наука. Подтверждение добротности нашей коллективной логики. Правильно рассудили... Так вот: ждать Ярового мы, конечно, не будем. Да и он ли это? Возможна пустышка или навет. Срочно нужен почерк самого Ярового. Запрос о его местонахождении уже дан, Кролевым. К утру, думаю, мы будем знать кое-что. А вот почерк... И срочно нужен этот Степан... Черный, высокий... Не помню такого.

- Найдем. - Ветлугин развернул треугольник письма и прочитал:

"Гражданин начальник. Пишет вам Яровой. Я - вор. Только что освободился. Приехал в ваш город. Хотел начать честную жизнь и работать, Но у вас проще попасть в милицию,повязанным, чем оформиться по-человечески. А работа есть. Был и у вас. Два раза. Но не приняли потому, что заняты. Вашим петухам мы нужны только после того, как побываем в чужом огороде. Вот я по пьяному делу и взял магазин. Руки зачесались. Сорвался некстати. Видно, в крови это. Привычка. А соблазнов много. Короче, я раскаялся и официально объявляю мою явку с повинной. Прошу учесть мою помощь следствию. Искать меня не надо, скоро явлюсь сам..."

- Ну как? - спросил Чигрин, выждав, пока Ветлугин дочитает.

- Любопытно. Это - пища для размышлений. Что-то же его подтолкнуло на такой шаг...

- То, что он "взял", а не "взяли", вызывает уныние, - пригладил редкие волосы Чигрин. - Мне очень не нравится это единственное число. Если заявление действительно писал Яровой, то почему он темнит? Кто или что стоит за этим? Вред или помощь?

- Сами бы раскрыли... без помощников. - Ветлугин возвратил письме Чугрину. На чистых местах листа, ниже штампика "Вх.N" и размашистого, полковничьего "Тов.Чигрину А.Н.", рукой майора было написано: "Тов. Кролеву! Оформите протоколом заявление о явке с повинной, с соблюдением требований ст.III УПК РСФСР. Приобщите к делу о краже из универмага".

- Раскрыли бы, - согласился Чигрин. - Одно сложнее, другое - проще. Но этот психологический факт важен сам по себе. Законодатель явку с повинной предусмотрел не зря.

- Но в данном случае, товарищ майор, формальности не могут быть соблюдены. Лица, явившегося с повинной, практически и фактически нет.

- Однако, есть заявление. В случае, если до нашего вмешательства, виновным будет возмещен и материальный ущерб, то первый и девятый пункты тридцать восьмой статьи общей части кодекса будут в пользу Ярового. Он, наверняка - не дурак. Другое дело - сообщник. В какой мере надо ожидать его противодействия и опасно ли это для самого Ярового? По логике вещей, если один из соучастников идет с повинной, то второй, зная об этом, должен противодействовать первому. Возможно и что-то другое. Мотивы явки пока не ясны.

- Скорее всего, не поделили чего-то и, как часто бывает, на этой почве происходят разногласия, обиды и прочее.

- Ну, это - не детский сад. У них игра, как известно, куда серьезнее: жизнь.

- Значит, нужен Степан? - понял Ветлугин.

- Вот именно. Постовым, патрульным и участковым надо сегодня же дать соответствующие ориентировки. Установить наблюдение за ресторанами и кинотеатрами. Сети не бог весть

какие, но могут выручить. Для уголовного розыска задача посложнее.

- Затаится. Если из бывших, то уйдет на дно...

XXI

Только в самое последнее мгновение, когда мозг уснул, а крохотное зернышко эпифиза утратило способность повелевать, душа оставила тело Дениса. Горит ли, тонет ли тело, хворь ли, другая беда подступает, а душе начертано терпеть до конца, переживать все. Да и потом быть рядом с телом и три, и девять, и сорок дней.

Вдруг да и проснется-пробудится Мозг.

В прозрачном пузырьке воздуха, с маковое зернышко, поднялась Душа с двухметровой глубины и едва пузырек лопнул, Душа зависла над водой, будто осматриваясь, но вместе с тем, вне тела, не ощущая ни объема своего, ни печати

Теперь, когда Степан остался один, к нему пришло то состояние полного безразличия, которое мешало не только действовать, но и принимать какие-нибудь решения.

Он безвольно опустился на траву, недоумевающе уставился глазами на молчаливую гладь реки и, казалось, уснул с открытыми глазами. Боль в пальце не отвлекала. К ней, как и ко всему окружающему, не были обращены ни мысли, ни чувства. Лишь изредка что-то в груди то ли ворочалось, то ли волновалось, заставляя сердце замирать.

Через полчаса Солодкин поднялся, с мрачной тоскливостью взглянул на левую руку с красным от крови носовым платком на мизинце, равнодушно посмотрел на окровавленную траву и направился к раскрытому чемодану. Содержимое его было перерыто, часть вещей валялась рядом. Пустой вещмешок виднелся под ворохом одежды. Все хранило следы лихорадочного поиска письма. Но и всплеск воспоминания о нем не пробудил от апатии. Кое-как собрав вещи, заталкивая их в чемодан и вещмешок, Солодкин снова полез в чемодан, достал тенниску и, наступив ногой на полу, рванул правой рукой ткань. Из спинки рубашки, придерживая зубами, оторвал полоску во всю длину, стащил с пальца платок и, бросив его в траву, неумело стал бинтовать рану. Закончив перевязку, закрыл чемодан, взял его за ручку и понес к толстой сосне, рядом с которой

виднелся холмик вывороченной когда-то буреломом земли. Бросив чемодан в углубление, вернулся за вещмешком, отнес его к той же сосне, уложил рядом с чемоданом и забросал яму ветками и травой. Потянувшись по привычке к карману за сигаретами, вспомнил, что они мокрые и даже не вытащил их из кармана. Постояв над ямой, будто над могилой, повернулся и пошел, удаляясь от города, в лес.

На окраину города Солодкин вышел лишь поздним вечером, когда сумрак уже выполз на простор и затемнил переулок, по которому днем шел Яровой в свой последний путь. Что-то же хотел Степан... что-то же думал... Ах, да! Посмотреть, не установили ли где-нибудь здесь, на этой улице, почтовый ящик. Раньше его не было. Но то - раньше... А вообще, какая теперь разница? Есть ли, нет ли его. Теперь - другое... Хотя и письмо - важно. Может как-то еще повлиять есть шанс...

У крыльца своего дома Солодкин достал правой рукой в левом кармане пиджака ключи, машинально открыл дверь, вошел в дом и нашарил в темноте выключатель. Тут же взглянул на кухонный стол и, увидев открытую бутылку водки, направился на кухню. Наполнив кружку до краев, выпил, тут же зачерпнул из ведра воды, запил спиртное и, возвратясь к двери, закрыл ключом замок и снял туфли. В спальне сбросил пиджак на пол, взялся за ремень брюк. В памяти всплыл другой ремень - Ярового. "Мокрушник".. Он тупо уставился в серый квадрат окна, ощущая лишь пульсирующее подергивание пальца и ноющую боль. Это постепенно и расшевелило его. И вдруг вопрос, долго и трудно пробивавшийся: "Зачем утопил?" И тут же то, что ближе: "Больно!". И опять все смыло как щепку с пологого берега набежавшей волной. Он поднялся, с удивлением заметил,что одет, а кровать не разобрана. В трех местах на одеяле виднелись высохшие пятна крови.

На кухне Солодкин открыл холодильник, взял бутылку коньяка, откупорил ее зубами, налил в стакан и выпил, будто остывший, едва сластящий чай, который дают в столовой. Закусывать не стал. И опять мысли, теперь уже более просветлевшие, потянулись к замотанному тряпицей пальцу. Морщаясь и облизывая солоноватые губы, он размотал окровавленный лоскут, резко рванул присохшую к ране ткань. Потекла кровь. Теперь бы, пусть с опозданием, обработать эту мочалку. В доме

ни иода, ни "зеленки" не было. Подошел к трюмо, взял бутылочку одеколона "Москва", подержал в руке, раздумывая. Решил: водка лучше. Оглянулся на кухонный стол. От водки осталась лишь пустая бутылка. Отвинтив колпачок, смочил рану одеколоном. Первые же капли обожгли, будто кипятком. Морщась, забинтовал носовым платком палец и пока завязывал, повторял одно и то же: "У-у, гад! О-о, шакал!" Оценивая вчерашнее, подумал: "Да, утопил... нечаянно. Да, нечаянно. Разбираловка не получилась... Злой слишком. Палец отжевал, как тисками. Еле выдрал... Ноготь отхватил... Ноготь... Что?!" - обожгла первая по-настоящему отрезвляющая мысль. "В зубах у "Ярового" - ноготь?!" И тут же надежда: "Выплюнул! Кто, утопая, будет глотать живое мясо% Небось, раскрыл пасть, когда невмоготу стало... А если не выплюнул? А-а, сгниет!... Если бы сгнил... Тогда, что же выходит? В поликлинику, если что - нельзя? Там сходу зарегистрируют и..." Он с опаской посмотрел на бинт, боясь додумывать то, что напрашивалось само собой: "... и раскрутят по ногтю. Однородные ткани, группа крови, совпадение ногтей... Не-ет, травма не подходит. Бытовая - тем более... Но есть еще - производственная? Так проще. На производстве недокопаются. Еще и освобождение от работы будет... Сегодня, понятно, не пройдет: хмельной. А завтра - нож...ницы. По металлу... Нужно пожертвовать".

Решив одно, Солодкин мысленно потянулся в лесм, к вещам. Прикрыл, вроде, надежно. Пусть полежат. Вот бы еще это письмо. Вдруг да и отправил. Тогда милиция пойдет по следу. Куда он, этот след, приведет? А никуда... Вот бы еще пустышку подбросить, сбить и с этого следа... Где же письмо? Может, сделать новое? Написать, что хотел прийти, но передумал. Уехал, к примеру. Это даже лучше - уехал. Значит, жив еще... Нужен почерк... Почерк. Без него нечего и рыпаться. Степан прошел в комнату, лег на диван, но тут же, вспомнив, что здесь спал Денис, перебрался на кровать. "Если письмо все-таки отправлено, то дойдет оно по почте ну, через день-два... В среду. В четверг начнут искать... "Ярого". Им прыгать некуда: кража висит. Любая зацепка подойдет. А тут - письмо! Начнут с поезда. С кем ехал, в каком вагоне... Но поезд ушел. Дальше - вокзал. Ну, что еще? Ресторан. Да, жрать каждый хочет... И выпить. Значит, ресторан. В нем-то зацепка есть. Официантки

понятливы. Денис спрашивал о нем. Затем... здоровались. Видела! Конечно же, видела!... Прокол! Легко установить знакомство. Страшного, естественно, ничего нет. Мало ли кто с кем знаком. Но - кража. От нее - ничтожная ниточка... Как бы ни так! Ничтожная! Не ниточка, а канат!.. Больше в ресторан - ни ногой. Иначе официантка ткнет пальцем: он! Она и так помнит, наверное...

Единственная надежда в этой цепочке - письмо... Нужен почерк... А в документах? Они - в лесу! Забыл с этим пальцем. Надо идти в лес, искать... Но еще недоставало и с ними влипнуть. Тогда, наверняка, стопроцентная улика".

Солодкин приподнялся на кровати так, что через трюмо увидел кухонный стол. В зеркале теперь не хватало лишь рук Ярового, ручки и - тетради!

Степан медленно поднялся, еще не совсем понимая, что это даст. Тетрадь лежала в ящике стола. Тетрадь, купленная в универмаге. На среднем листе виднелись вмятины букв шариковой ручки. Сочиняя письмо, Денис старательно выводил буквы- от непривычки писать. Чтобы оттенить буквы, нужна была "копирка". Все не ново. Но не идти же к секретарям-машинисткам! Достав из печки сажи, он растер ее на другом листке бумаги и без нажима протянул им по крайнему ряду вмятин. На потемневшем фоне проступили белые начертания букв. Подобрав уже употреблявшиеся Яровым слова. Солодкин написал:

"Гражданин начальник. Пишет вам Яровой. Хотел начать трудовую жизнь, но взял магазин, взял сам. Я раскаялся, но не явлюсь. Соблазнов много у вас. Короче, искать меня не надо. Я уехал. Работы дополна и в другом городе".

Все "склеилось" куда как просто. Целыми словами. Единственное исключение - "городе" - "огороде". Но это и совсем привычно: убрать ли, исправить ли букву.

Трижды переписав текст и добившись относительного сходства почерка, Солодкин с удовлетворением отметил свою находчивость и с таким же удовольствием сложил треугольник письма. Все, вроде, хорошо. Теперь можно отоспаться, а вечером сходить к милиции и подбросить "пустышку". Пусть читают сыщики. Хрен в зубы, а не Ярового.

XXII

Оперуполномоченному уголовного розыска лейтенанту Ванину в раскрытии кражи из универмага выпала та часть работы, которая по всем меркам не столь уж и оперативная. Что-то вроде исследования или даже следствия по делам давно минувших дней. Легко сказать: выбрать данные по уголовным делам, связанным с кражами, за десять последних лет. Хорошо бы конечно, если бы все находилось под рукой. Но пока что доступны лишь те материалы, по которым следствие приостановлено до выявления новых обстоятельств или поимки преступников. Этого для анализа мало. Придется рыскать по архивам суда и прокуратуры. А для начала заняться журналами регистрации. По ним можно шпарить, выбирая нужное, куда больше, чем за десятилетку. Тут понятно: кто, где и в чем "отличился", что схлопотал, по какой статье и все остальное, исключая, естественно, материалы следствия. А именно они и нужны. В них и методы и средства, применявшиеся преступниками, и такие подробности, каких не охватить ни одной книгой регистрации.

Задача ясна. И на все отпущено мизер времени. Только одни запросы по делам замордуют. На конкретный вопрос или просьбу может прийти совсем даже не конкретный ответ с задержкой исполнения. Бюрократия живет - процветает. Потому лучше, по возможности, пешочком да на общественном транспорте. Иначе и быть не может, если хочешь ускорить работу, из-за вечной нехватки автомашин или горючего даже на сиюминутные срочные оперативные дела.

Журналы учета уголовных дел не слишком и пестрели записями о кражах, связанных с государственным имуществом и ценностями. Но из тридцати шести раскрыто тридцать одно. В пяти случаях воры оказались хитрее или- умнее. От такой частной статистики лично Ванину как-то неловко. Вроде как бы дармоедством попахивает. Раскрыть преступление, обезвредить преступника - это его работа. В конечном счете, как специалисту, ему платят именно за оперативно-розыскную работу. Не за службу в милиции, нет. Служба - это в армии. Нет, лично он, говоря прозаическим языком, свой кусок хлеба пытается отрабатывать честно. И все же сознание того, что кто-то безнаказанно скрывается в тени, избегает правосудия лишь по нерасторопности или недостаточности усилий милиции - угнетает. Рабочий, недовыполнивший выработки, соответственно недополучит и заработную плату. А по какому

мерилу определить коэффициент пользы конкретного работника милиции? Статистикой процентного соотношения совершенных и раскрытых преступлений; ростом или снижением количества злодеяний? Однако, все ли так просто?

К десяти часам вечера удалось прочитать семь отобранных уголовных дел - "своих" и судебных. Существенного для сопоставления по объектам, интересам, способам совершения преступлений, по обвиняемым и подозреваемым пока маловато. Ларек, склад райпотребсоюза, магазин в колхозе. Все раскрыто. Касса горбольницы "зависла". Дело приостановлено. Снова хищение. Дело прошло по ОБХСС. Но - касса. Шестьдесят четвертый год. А что следующий? Январь... март. Мимо. Все - хулиганства, телесные повреждения, изнасилование... Коты мартовские, черт бы их взял! Май... июнь. Стоп! Кража из кассы конторы совхоза... Многовато этих касс... Все сейфы без следов взлома. Ключи? Ключи ключами, а пластилин с оттисками печатей на всех сейфах подрезан. Выходит, по почерку.

Ванин прочитал еще один за другим протоколы осмотров место происшествий. Сейфы обычные, ширпотребовские, стандартные. В универмаге такой же: несгораемый, двухкамерный со встроенной кассой в верхней части. Замки трехстержневые с блокировкой на ручки. Ключи - двухперьевые. Здесь, в универмаге, вор осекся, "заблудился". Начал так, как привык. Затем вспомнил, что следы кражи никуда не деть. Везде открывал ключами или подобием ключей. Не "медвежатник", конечно, но умелец. И - свой! Чужой не "пасся" бы на одном месте. По срокам от шестьдесят пятого до семьдесят четвертого года почти десять лет. Почему такой разрыв? Если допустить, что этот некто - Яровой, то где он "прогулял" столько? Отбывал срок? А если запросы об аналогичных кражах в других городах дадут положительные ответы? Как тут вычислить: какой длительности, кому и когда суд определял наказания? Начать с пяти до десяти лет? Нет, с учетом различных льгот, если они применялись, до истины сразу не докопаться. Попробовать составить список? Хороший вор - всегда вор. и получает - по специализации. Так можно приблизиться к искомому и выйти на нераскрытые дела. Кого же из субъкетов, для начала, избрать? Ну,.. Яровой... Может быть... если судить по словесным портретам, обобщениям и его возрасте... В письме он подтверждает, что отбывал срок. Не есть ли этот искомый разрыв между преступлениями временем отбывания наказания? Значит, - Яровой... А слабые звенья, предположения? Пока одно:

отсутствие сведений о длительности пребывания Ярового под стражей... А если не он?

- Ванин? Что нового?

- Вскрытие сейфов касс горбольницы, колхоза и универмага - идентично, товарищ майор. Похоже, работа одного и того же лица. Предполагаю... предполагал, что это дело рук Ярового... Но вот появились сомнения.

- Правильные сомнения, - подтвердил Чигрин и спросил: - А дополнительного ничего нет? Кассы меня интересуют.

- В том же шестьдесят пятом - хищение в стройуправлении. Привлечена кассир по линии ОБХСС. Но что-то там не так. Вина признана частично. А в протоколе осмотра отмечены следы, похожие на попытку сфальсифицировать подрезку пломбы.

- Интересно... В шестьдесят пятом..., - раздумывал вслух майор. - Значит, не он. Не Яровой; - и - Ванину:- Захватите это дело, по кассе, и зайдите ко мне.

"Не он, не он!" - билось в голове в такт шагам Ванина, шедшего коридором к кабинету заместителя начальника.

- Читай, лейтенант, для начала, - подал майор через стол лист с машинописью.

Ванин взглянул на телетайпное сообщение. В четверть стандартного листа после служебных отметок сообщалось:

"Яровой Денис Поликарпович, тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения, русский, неоднократно судим, освобожден из мест заключения восьмого июля тысяча девятьсот семьдесят четвертого года. Последний срок наказания - двенадцать лет - лишения свободы по статье восемьдесят девять части третьей Уголовного кодекса Яровым отбыт полностью. Место постоянного жительства рекомендовано в вашем районе. Компрометирующих материалов в отношении Ярового не имеется. Сведений, дающих повод предполагать рецедив, не установлено. Приметы: рост сто семьдесят сантиметров, глаза светло-серые, нос прямой, волосы седые. Особые приметы: шрам на левой щеке у рта, на груди татуировка синей тушью - изображение куполов церквей".

- С церквями, - заметил Ванин, возвращая майору сообщение телетайпа.

- Меченый, - кивнул майор, просматривая принесенное Ваниным дело. - Суть не в том, сколько этих церквей-сроков числится за Яровым. Важней другое: Яровой сейфов не вскрывал. А вот его сообщник - Степан, судя по всему, долго водил

нас за нос. Подрезая, а затем восстанавливая пломбы, он использовал человеческую психологию. При внешних признаках благополучия кассиры срывали пломбы и лишь после этого обнаруживали, что сейфы не заперты на ключи. Наличие части денег вызывало защитную реакцию - уйти от ответственности за халатность. Выходило, что виной всему их невнимательность. Значит, и жаловаться некому. Отсюда, вероятно, и возникло это дело по линии ОБХСС о хищении, а не о краже. - Майор помолчал, прочитал еще несколько листов и, закрыв папку, подал ее Ванину. - Придется все эти документы, связанные с сейфами, объединять в одно дело. С учетом вновь открывшихся обстоятельств.

- Пахнет незаконным привлечением к уголовной ответственности? - предположил Ванин.

- В общем, все законно. Кассир-то действительно использовала часть денег, надеясь внести их позже. Но она не предвидела кражи. На допросе запуталась. Ей инкриминировали присвоение. Вину она признала частично, подтвердив, что взяла двести сорок рублей. Так что теперь можно лишь усомниться в правильности исчисления иска.

- Да, я читал, - подтвердил Ванин. - По моим подсчетам, вор взял безвозмездно семь тысяч сто шестьдесят рублей.

- Наверное, так, - согласился Чигрин. - При расследовании и составлении обвинительного заключения следователем сделан акцент на том, что частичное признание вины есть попытка уйти от ответственности или смягчить наказание. Это и называется необъективностью расследования.

- Но если обвиняемый совсем не признает вины, а она доказана? Тогда опять двадцать пять.

- Отрицание вины, как и ее частичное признание, - продолжал майор, - это сигнал неблагополучия. Что-то недорасследовано, что-то обойдено, в чем-то проигнорированы показания... Однако, перейдем к делу... Чувствуется, что этот Степан - битый тип. Во-первых, знает свое ремесло, во-вторых, знаком с охранной сигнализацией, в -третьих, - аналитик. С ним и после задержания придется повозиться.

- Может, пора установить пост наблюдения на вокзале? - предложил Ванин. Как бы этот Степан не оставил нас при своих интересах. Уйдет, а потом - розыск по всему Союзу.

- Нет, такой никуда не уедет. Он оседлый и где-то работает. Если за десять лет не бросил насиженное место, так теперь и подавно.

XXIII

На работу Солодкин пришел раньше обычного, но как и всегда, побритый и наодеколоненный. Засунув левую руку в карман пиджака, - так не видна мокрая повязка, он заглянул в бригадную "брихаловку", куда перед работой и на перекуры собирались сварщики, весело поздоровался с уже заседавшими доминошниками и пошел к мастеру. Надо было не то, чтобы объяснить вчерашний невыход на работу - за все десятикратно отработано, а показаться в добром здравии и невредимости. В общем, то да се, да нездоровилось, да поздно лег и проспал. Оно, при наличии отгулов, раз - не грех.

От мастера шмыгнул в раздевалку, торопясь одеть не столько робу, сколько рукавицы. Уж левую-то теперь до поры до времени лишь вместе с кожей содрать можно.

Израсходовав три электрода на вертикальный шов, примерил пластину-заготовку, оглянулся по сторонам. Кажется, это то, что нужно. Оставив держатель электродов и маску, крикнул соседу:

- Пойду, подрежу малость, угол, черти, закосили!

По пути к механическим ножницам снял с мизинца еще влажный бинт-платок, сунул его в карман брезентовой куртки, снова одел рукавицы и, сжимая пальцы левой руки в кулак, находу прикидывал на каком удалении от края пластины держать мизинец, чтобы не оттяпать больше, чем нужно. От прикосновения шершавой ткани ныла рана, но ожидание другой боли заслоняло первую, реально существующую.

Цех звякал и гремел железом, сверкал всполохами электросварок, дымился сгораемыми электродами, жужжал редукторами электрических талей и кран-балок.

Сняв правую рукавицу, Солодкин поздоровался с раскройщиком, показал на пластину, сколько надо подрезать и, едва машинист отвернулся, подвигая лист металла, сунул рассчитанным движением под работающий нож пластину, придерживая, как и примерялся, левой рукой с оттопыренным мизинцем. Боли не ощутил. Подумал, что под рукавицей не дотянулся пальцем, поосторожничал, струсил. Но кровь, взмочившая разодранную ткань, убедила: все по плану.

Сняв рукавицу, взглянул на кровоточивый обрубок, ободряюще подмигнул испуганному резчику и - законно - направился в медпункт. Находу забросил рукавицы в ящик для отходов металла. Придраться было не к чему. Сработано по

мерке и добросовестно. Даже по-настоящему сохнущие губы, солоноватые то ли от волнения, то ли от боли, убеждали в естественности происшедшего.

После перевязки и укола, наотрез отказался от услуг начальника цеха - довезти до травмпункта на личной автомашине. Сам виноват, что сунулся под эти треклятые ножницы, сам и расхлебывать будет. Ничего чрезвычайного. Не нужен шум и прочее. Все нормально. А там, как дело пойдет, можно и от больничного отказаться. Проставят восьмерки, а на акт о несчастном случае - крест. За травму-то с потерей трудоспособности не только премиальных лишают, но и выговора суют кому ни попадя. Так что не надо беспокоиться. Главное - это направление на оказание помощи в связи с производственной травмой.

Осматривая рану, хирург спросил:

- Опухоль кисти, это у вас от чего?

- Так от пальца же! - не сразу сообразил Солодкин.

- Он что, болел?

- А-а. ерунда! - небрежно махнул правой рукой Степан, теперь только "врубившись", что врача на мякине не проведешь. Ведь, заметил! - Невезуха, доктор, с этим пальцем. На той неделе ржавой проволокой от троса под самый ноготь попал. Нарывчик пошел. Так, небольшой. Но все же болел... Теперь, кажется, вылечил... совсем.

- Да, вылечил, - согласился врач. - Ладно еще, что так. Сейчас подчистим, подправим - и будь здоров. А пока придется немножечко потерпеть.

Врач что-то еще бубнил через повязку на лице, будто через динамик, но Солодкин молчал. Он спокойно смотрел на рану, на то, как пинцетом выуживались осколки смятой косточки, относясь к происходящему, как к чему-то, не касающемуся его.

- Выдержка у вас, однако, - пробилась через повязку докторская похвала.

- Так ведь мелочь - мизинец! - улыбнулся Солодкин без видимой тени наигранности. - Другие, случается, влетают и по крупному.

- Кому как, а для некоторых и мелочь - последствия.

- В каком смысле? - насторожился Солодкин.

- Вам это не грозит, - успокоил врач. - Рана свежая, обработанная вовремя... хорошо заживет.

- Да, случай, - мотнул головой Солодкин.

- Несчастный случай, - уточнил врач.

- Возможно, конечно, если рассуждать вообще. Хотя, как ни крути, а вина-то - моя. Сам полез под эти ножницы... торопился. Человека подвел. Теперь пойдут тары-бары, объяснительные, приказы, выговора...

- Потому и называется - несчастный случай, - стягивая кожу над раной, рассудил хирург. - Не дано знать человеку, где можно поскользнуться. Тут обходится по стечению обстоятельств, а не по умыслу... Кстати, милицию, напротив, умыслы интересуют. Сегодня уже приходил товарищ с удостоверением. Ищет кого-то с открытой формой... Ранами интересуется. По-моему, их там занимают порезы пальцев. Полистал журнал, спросил, все ли записи... Я указал на ножевую рану левой ладони пациентки. А он - в порядке ли пальцы. Она-то, вполне возможно, защищаясь, схватилась за лезвие ножа. Сухожилье повреждено. Зря не проверили.

- Проверят, - вдруг осевшим голосом сипло отозвался "Вьюн".

- Возможно.

- Зато тот, кого ищут, может не прийти.

- А куда он денется? Если рана серьезная, то придет, как миленький. - Врач закончил бинтовать и уже другим тоном, как по второй радио-программе, подвел итог, - Вот и все, дорогой. Работы на пятак, да сделано за так. Сестра сейчас запишет вас, а больничный выдадим согласно акта.

Выйдя на улицу, Солодкин тут же закурил и остановился, раздумывая. Нет, не по нутру эта запись в журнале регистрации травмпункта. Ну, чем не допрос? Фамилия? Ну, Колядкин, конечно. Имя, отчество? Степан Данилович. Возраст, домашний адрес... Хм, это куда же? Так даже очень просто влипнуть. Чего-то не додумал, не доучел. Соврать фамилию было нельзя. Перепутать адрес, пожалуй, можно было. Но что это дало бы? А ничего. На работе найдут, если захотят. Найдут и что? Хм. Ну, проверят. Травма, как травма. На законном основании. Лучше уж не попадать в "святцы". На работе дело уладить легко. А здесь, тем более, проблем нет. Ночью эти записи будут изъяты... Исчезнут навсегда. Обязаны исчезнуть.

Солодкин прикурил очередную сигарету и, усиленно дымя, медленно пошел по тротуару. Тревожные мысли не покидали. В общем, хорошо, что узнал об интересах милиции. За такую информацию еще кусок пальца не жалко. Ищут пострадавшего. Вдруг да его! Нет, чепуха какая-то. Никто ничего не видел.

Место глухое, абсолютно безлюдное... Прошло двое суток... Пострадавший... пострадавший. Неужели кто-нибудь набрел на вещи? Исключено. Они не на дороге лежат. И при чем здесь барахло? Пострадавший - это прежде всего - кровь... На берегу. А где же этот... платок? По нем-то говорить о пальце проще простого. Значит - платок. Кто-то нашел его. Опять чепуха. Мало ли кто мог порезать палец в лесу? Да и кто додумается, кому нужно подбирать такую тряпку?.. Не в магазине же.... с этикеткой...

Так, значит: найдены документы. Они остались где-то там, в траве. Прокол... Хотя, что из этого следует? А то, что от них - след к платку... А еще - рубашка! Идиотизм! Конечно же, так легко установить взаимосвязь. Документы, понятно, попали в милицию. А платок и рубашка - приложение. По платку легко установить, какая рана бинтовалась. Ко всему этому - письмо о явке. Выходит, ищут конкретного Ярового. За ним - кража. Сколько же они будут искать его? Теперь - долго. Пока не надоест...

Солодкин присел на скамейку, прикурил очередную сигарету и вместе с коробком спичек сунул в карман забинтованную руку. Удобства никакого, но и ненужное любопытство прохожих тоже ни к чему, особенно для "товарищей" с удостоверениями.

Итак, нужно ли идти в лес? Ради предположения - нужно. Иначе, как подтвердить, что все именно так? Другим путем точные ответы на столько вопросов не получить. Опасно ли? И здесь, на скамейке, на виду у всех сидеть тоже опасно. Правда, там - вещи. Хорошая приманка для засады... Наживка для карасей. А он - "Вьюн".

XXIV

Уголовное дело по краже из универмага по степени сложности расследования оказалось едва ли не самым рядовым. Первоначальная версия, удачно выбранная, не корректировалась и вела к цели, как нить Ариадны. Стечение ряда обстоятельств помогло в сокращении сроков сбора нужных данных. Но и эта кажущаяся легкость - не результат только лишь везения, а труд.

На двухтумбовом столе, покрытом истертым черным дерматином, оперуполномоченный отдела дознания Кролев раскладывал из документов нечто, похожее на пасьянс. Добрая половина работы выполнена отделом уголовного розыска,

треть - экспертами научно-технического отдела. Теперь предстояло обобщить все имеющееся и подготовить, если уж не к предъявлению обвинения, то к допросу подозреваемых. От того, на сколько следователь документально доказал вину и связал отдельные эпизоды в одну логически завершенную цепочку, зависит предстоящий контакт и взаимопонимание с главными действующми лицами.

Протоколом осмотра места обнаружения документов Ярового и вещей, спрятанных в лесу, зафиксировано, как и положено в присутствии понятых, все, начиная от состояния погоды и времени начала работы до переписи вещей и ценностей, находящихся в рюкзаке и чемодане.

Теперь было ясно, что между соучастниками произошел конфликт, если не предполагать большего. Это подтверждается и следами борьбы, и пятнами, похожими на кровь на носовом платке и рубашке, изорванной, вероятно, для перевязывания раны. Беспорядочно скомканные вещи не давали повода думать о каких-то эпизодах выяснения отношений в лесу. Возможно, это результат поспешности при самой краже. Там, понятно, было не до укладки. Но документы, валявшиеся в траве и случайно обнаруженные гражданкой Прокоповой, наводили на мысль о серьезности размолвки. Следовало продумать и отношение ко всему этому самой Прокоповой. Случайность ли это, или - преднамеренность? Без проверки ее причастности к событиям не обойтись. Все должно быть исследовано. А начнешь проверять - снова нехорошо. Человек сам пришел, помог в работе следствию и его же - допрашивать, проверять. И все-таки главное в обнаруженных при осмотре отпечатках пальцев. Кролев отложил протокол и взял акт о проведении дактилоскопической экспертизы. Открытия, правда, не последовало. Следы отпечатков среднего и большого пальцев левой руки на электробритве "Бердск-3", находившейся в чемодане, след большого пальца правой руки на паспорте Ярового и след указательного пальца левой руки, оставленный на листе письма, принадлежит одному и тому же лицу - Степану. Солодкину Степану Даниловичу.

Биологическая экспертиза удостоверила, что содержимое пятен, похожих на кровь, на ткани носового платка, рубашки и чемодане, является кровью человека с групповой и типовой принадлежностью А-Н. Пока все ясно. Но кто из двух получил травму, кто нуждается в помощи?

Эксперт-графолог по особенностям написания отдельных букв и почерку дал заключение, что письмо под номером два не тождественно письму под номером один и написано другим лицом.

Так и должно быть. Первое письмо действительно написано Яровым. А второе, с отпечатком указательного пальца, сочинено Солодкиным. Но откуда он, этот Степан, скопировал текст, если письмо Ярового находилось уже в милиции? Что за странная игра.

Солодкин знаком с текстом письма Ярового. Но даже если он успел каким-то образом переписать его, то сразу восстановить особенности почерка практически никому не под силу. В изложении текста угадывается аллогичность, зато повторение слов будто вкопировалось. Для чего делалось это? Солодкин не уверен, что Яровой отправил письмо по назначению. Или это - стремление направить следствие на ложный путь? Предложена версия об отъезде Ярового. Но как бы не так! Уехал, бросив документы? Значит, не уехал, а - исчез. И не следует ли его искать где-то там, в лесу. Это, пожалуй, надо срочно обсудить.

Кролев потянулся к трубке телефона, но он тут же зазвенел. Чигрин приглашал к себе.

В кабинете майора Кролев увидел Ветлугина, помощника прокурора города Васина и следователя прокуратуры Корыткину. Васин дымил сигаретой, а Чигрин, продолжая разговор, сказал:

- Стало быть, дело по краже принимайте досрочно.

- Почему? - не понял Кролев.

Не дожидаясь ответа на вопрос лейтенанта, Корыткина, поправляя ожерелье с кулоном - розой из дымчатого топаза, ответила Чигрину:

- Мы готовы принять дело по подследственности... Кровь кровью... Это еще ничего не значит... а часть вторая статьи - наша... Розыск обвиняемых - за вами.

- Я и пригласил вас потому, что одного из двух уже нет.

- Любопытно, - пыхнул сигаретой Васин.

- Чувствовал я, что этим закончится. - Чигрин взглянул поочередно на Кролева и Ветлугина, открыл папку и прочитал: - 16 июля в 15 часов в районе села Ольховка в реке обнаружен труп мужчины. Документов, удостоверяющих личность, нет. Смерть наступила за два-три дня до обнаружения. Приметы: рост сто семьдесят два-сто семьдесят пять сантиметров, возраст

- пятьдесят пять - шестьдесят лет, коротко стрижен, волос седой.

- Яровой! - понял Кролев.

- ... на левой щеке у рта - шрам двух-трехлетней давности, - продолжал читать майор. - Верхний и нижний ряды зубов - резцы, клыки и малые коренные - металлические. Медиальный резец нижней левой стороны и литеральный резец верхней правой стороны - золотые. Следов насильственной смерти не установлено. Сочленение правой верхней конечности плечевой кости с лопаткой нарушено - вывих.

- Дрались, - заметил Кролев. - Это подтверждается и протоколом осмотра в лесу.

- Возможно, - согласился Чигрин. - Но вот - главное. В полости рта между зубов обнаружена часть дистальной фаланги пятого пальца левой руки с ногтевой частью мизинца... Ну, дальше наши соседи просят сообщить, не розыскивается ли мужчина с указанными приметами, а также проверить зубопротезную поликлинику для установления личности по зубам... А остальные приметы - татуировки и прочее не называю. У нас эти данные имеются в справке о Яровом.

- Надо же: отгрыз палец! - покачал головой помощник прокурора. Уникальный случай в нашей практике. Злой был покойничек на кого-то.

- Не могли уберечь человека, - нахмурился Чигрин. - Не успели помочь... А могли, наверное. И ходили-то рядом... Так-то вот: был человек - и нет его!

- Преступник! - поправил Кролев.

- Че-ло-век! - с нажимом повторил Чигрин. - Преступник - это, как грязь... как язва на теле. Он ведь шел к нам... добровольно... с явкой. А вот соучастник перехватил, помешал... Ванин только что звонил из травмпункта. Туда все-таки обратился с травмой мизинца левой руки один тип - некто Колядкин, электросварщик цеха металлоконструкций. Травма, правда производственная, но...

- Кто?! - переспросила Корыткина, не совсем понимая сказанное. Ее округлое лицо передернул нервный тик.

- Колядкин Степан Данилович, - уточнил. - Он же, по нашим данным, - Солодкин Степан... В общем. преступление раскрыто. Теперь дело за прокуратурой - формально доказать вину.

XXY

Никем не востребованное нагое тело Ярового, искромсанное судебно-медицинским экспертом, хоронили рабочие горкомхоза. Оба небритые, они чем-то напоминали тех, кто в бытность Ярового числились в похоронной команде зоны. Без подобающих церемоний они завернули покойного в кусок мешковины, уложили в гроб из сырых, не строганных досок, заколотили крышку и не без усилий вытащив из морга, погрузили в кузов бортовой автомашины.

Было пасмурно. Редкие капли дождя падали на землю.

На городском кладбище автомашина, свернув с центрального проезда и виляя между деревьями, подъехала к ряду заранее вырытых мелких могил, задом подпятилась к металлической оградке порядкового захоронения с памятником и фотографией молодой женщины, и остановилась. Рабочие, выйдя из кабины, открыли задний борт машины, стащили гроб на землю, тут же столкнули его в яму и, взяв лопаты, принялись засыпать.

По-прежнему накрапывал дождь. Неподалеку у другой могилы, среди многочисленной толпы с добрым десятком венков и множеством цветов, выводили скорбную мелодию духовые инструменты

Разровняв холмик могилы Ярового, рабочие закурили, бросили лопаты в кузов, закрыли борт и, забравшись в кабину, укатили, не оставив ни надгробия со звездой, ни креста, ни даже столбика с фамилией или цифрой порядкового номера кладбищенской книги захоронений.

Проходившая мимо старушка с букетом цветов, остановилась у свежей насыпи могилы Дениса, постояла в раздумье и, отделив несколько астр, положила их на край кое-как приглаженной земли.

- Упокой, Господи, душу раба твоего... - старушка помолчала и, крестясь, добавила: - ... раба твоего... безвестного.

Зачастил дождь. От каждой капли, попадавшей на цветы, лепестки астр вздрагивали, шевелились, будто от содрогания могилы.

1982 г.

Поэзия

Татьяна Ясникова

* * *

Какое небо хмурое,
как вся моя душа.
Спокойнее, чем думаю,
окутывает шар.

И все, что ему видится,
как тень его плывет.
Где человек обидится,
оно переживет.

Какое небо хмурое,
но в том его покой.
А я стою и думаю,
что небеса со мной.

* * *

Воздуха бесы оделись в кафтаны заката.
Мажорно и резко их дудки гудят - это ветер.
Пронзительно-тонко висят облака из заплаток.
Рубашки, бесята, из них разноцветные сшейте.

Печален ваш вечер. Слеза упадет конденсатом.
Поднимается буря, в сугробах во гневе порхая.
Вы что-то хотели сказать этим красным закатом,
как будто кафтаны, тюльпаны его надевая.

Сейчас же я вспомню, как в детстве моем ребятишки
надели все красное, вышли к горе танцевать.
Их встретили бесы, читавшие детские книжки.
В лазоревых лентах виднелся высоко закат.

И галстуки ласковым детям на шею вязали.
Трубила труба над масленком-грибком у сосны.
О, в мире, где правит антихрист,
есть робкое чувство вначале,
затем молчаливо-закатные, красные сны.

* * *

Мне показалось: митинг начался.
А это лаяли собаки на помойке.
По воздуху носились голоса
похожие на голос перестройки.

* * *

Жизнь проходит - и все в стороне.
Вдалеке от великого шума.
Нет, не ты уж привиделась мне -
это я пред тобою, угрюмо.

Позови, позови, позови!
Нет мне ближе вселенской метели,
когда звезды горят изнутри,
увеличиваясь смертельно.

Приближается солнце мое.
Слышу гул огнеметного пения.
Поднимается самолет
над морозной страною забвения.

Прошумят мои сосны под ним
в единении с белой метелью.
Позови, позови, позови -
так они захотели.

* * *

Тоска осенняя подкралась незаметно.
И стали ясными вечерние поля.
Звезда, творенье Бога безответное,
глядит через пространства на меня.

Я устремляюсь - холодный блеск почую.
Бестрепетное небо оживает.
Поднимет зверь главу свою немую,
охотник вскинет гордое ружье.

Лист упадет - и голова звериная.
У дерева застынет человек.
Блеснет холодная звезда старинная.
От электричества - поярче свет.

Когда умру я - торжеством стихия
наполнит палый лист поэзии моей.
И зверь подымет головы немые,
чтоб пить тоску осеннюю полей.

1987

В июне на восток

Это поезд спешит на восток.
Раскалился от зноя мой путь.
Там село среди далей лежит.
Это прошлое хочет вздохнуть.

Пышет зноем оно и зовет,
среди облака сна и цветов.
Удивляюсь, что есть оно.
Там меня еще кто-то ждет.

Удивляюсь, что я живу.
И село все живет и живет.

Это время течет наяву.
Поднимается самолет.

В поле бабушка, дед и отец.
А история знает одно:
зачеркнув все надежды сердец,
цветом яблони сыплет в окно.

Стихи в саду

Вижу синий цветочек старинный
Он в саду неприметно растет.
Его бабушка мне подарила.
А сама за Байкалом живет.

Выхожу на туманный я берег.
Мне родное село не видать.
А цветочек по прежнему верит,
что старушка придет поливать.

Об искусстве

Храбрый всадник Гвидориччи
на игривом скакуне!
Вещем, сказочном и птичьем
победил ты на войне.

Ах, зачем все это знать мне,
Гвидориччи - кондотьер,
если все народы братья,
где и мы с тобой в пример.

Но Симоне из Сиены
для того тебя писал,
чтоб и в веке двадцать первом
на войну ты все скакал.

* * *

Я вижу весь предел вселенной:
в нем ветхо-черная изба.
Стоит из тления- нетленна.
За нею лиственниц гурба.

Моя холодная любовь!
Шуми прозрачно и жестоко.
Я не люблю тебя настолько -
что вижу среди вещих снов.

Мы в той избе, где тлен и тленье,
а старики и дети рядом.
Н кончится мое терпенье,
когда встречаемся мы взглядом.

Вот наступает ночь безмерна.
Ты руку жмешь мне и уходишь.
Ведь тяготение вселенной
пленительней любых мелодий.

* * *

(отрывок)

Яр паровоз с мечтой бежал на запад.
А минул год - вернулся на восток.
Всех далей ожидание и запах
собрало сердце в свой слепой комок.

Вот с паровоза я сажусь в телегу,
воздушный сонм пятиконечных звезд
вдет младенческую мысль, что кормят хлебом,
к полету сонному среди жестоких грез.

Среди полей и гор необозримых
сильнее неба и свободы власть.

Мне в самом деле с крыши дома видно
Московский Кремль и сокровенный час.

Он там, где гладь кончается Байкала.
Усилит даль безмолвие и мысль.
Уродец каменный рукою с пьедестала
указывает точно в коммунизм.

Как нам понять! Неверие младенца
явилось в нем сознательною силой.
Пускай он не умеет сам одеться -
в крови его Великая Росия.

Пусть голосок гнусавый Эн-Эйч-Кей
и прочих корпораций усыпляет
его под вечер - у родных полей
есть зримый облик - значит власть большая.

Ма́к желтый полевой и нежный безыскусно,
о чем ты веешь неумело, грустно,
о чем ты тихо сказку говоришь,
о чем подумать робко ты велишь?

От всех полей великих - лишь поляна
осталась бесприметна средь древес.
И, словно бабушка, привыкшая упрямо
растить детей, стоит корявый лес.

Но небо Яхве в ночи безграничной
иную волю сеет на поля.
Безропотно воспринимает гибель
в лучах звезды крестьянское дитя.

Но небо Яхве строится рядами
зовет, рисуя свтозарный плен,
украшенный могучими звездами
от вышины и до кремлевских стен.

Оно зовет уравновесить хаос,
математическим порядком нам грозя.
А там внизу - один ребенок малый,
безмолвное и робкое дитя.

Весь космос ярой дрожью переполнен
Он посылает миллиард лучей.
А там внизу - оставленный ребенок,
что усыпляет голос Эн-Эйч-Кей.

Кто победил в войне неравносильной
понятно стало через тридцать лет:
Великая и Белая Россия,
созревшая для новых страшных бед.

Проза

Юрий Локтев

Встреча с маршалом

Рассказ

Так или не так это произошло никто теперь не знает толком. Было это в середине шестидесятых годов когда Забайкальская железная дорога переходила от паровозов к тепловозам и электровозам, а угольный разрез на Черновских Копях рушил старые шахтерские поселки.

По системе железнодорожной телефонной связи как-то ненароком прозвучало, что в специальном поезде, везущем гроб с телом индийского премьера Лала Бохадура Шастри, едет Семен Михайлович Буденный. Едет и все тут!...

Маршал сопровождал покойного, как представитель Советского правительства - это было просто и понятно. Но вот, что едет сам Семен Буденный!...

Наташка Брызгина, работавшая товарным кассиром на станции Черновской, проболталась об этом за ужином своему семейству. Да как и удержать такую новость, если сообщила ее подружка еще с училища Светланка Сазонова работавшая теперь аж на станции Зима... Вклинив эту новость в служебное сообщение, Светка успела рассказать, что дочура ее уже сама читает, осенью пойдет в школу, что муж теперь начальник службы пути, а на днях она купила осеннее пальто германского производства такого фасона, что только на ее фигуру и ни на кого из женщин их отдела оно больше не лезет по причине излишней дородности. Хотела еще чего-то сказать, но их разговор не весьма вежливо прервал диспетчер из Иркутска, спешивший с передачей важной циркулярной телефонограммы.

Как сказала Наташка про Буденного, так вдруг младший ее братишка Кирилл серьезно заявляет:

- Надо, - говорит, - дедке Василю об этом сказать, поскольку старик у Буденного в Конармии воевал и от него награду имеет...Наташка было замахала руками. Чего, дескать, старика немощного тревожить попусту, но, подумав, решила - пусть его говорит. Все равно старику от того сообщения не прибудет и не убудет. Поужинал Кешка и айда к деду на Наклонную. А между тем оказалось, что и свекровь себе на уме. Помыла старая посуду, подмела пол и села кой-какую внукову одежонку штопать. А за работой да беседой сама Наташке и говорит:

- А что может поезд остановку у нас какую сделает? Который Буденного везет?...

Наташка опешила даже.

- Да что ты, мама, у нас и простые поезда редко останавливаются, а тут вон - специальный. Да и что в том за нужда?

- Жаль, - говорит старуха, - хотела я Петрухе Дороганову да Ванюшке Хохлову об этом сказать. Оне ведь Гражданскую-то всю прошли. Наташка смеется.

- Пусть, - говорит, - дома старики сидят. Чего им Буденный? Они же здесь в Забайкалье у Зыкова в отряде воевали... Дед Василий - другое дело, этот с Буденным был.

Старушка снова вздохнула.

- Жаль, - говорит, - что не остановится поезд, а то бы позвала стариков...

Скоро и Володя - муж Наташкин - с работы заявился. Володька на станции человек уважаемый, в передовиках ходит, не смотри, что в машинистах два года всего как стоит. Ужинает Володька, а сам торопится.

- Слышь, Наталья, - говорит, - собери-ка мне чего с собой. Поехал я в Мозгон, дело важное...

- Это что ж за дело? - Недоверчиво спросила Наташка. - Что за дело по ночам ездить-то?

И так глянула на мужа, что тот от досады ложку уронил.

- Да пойми ты, дуреха, - толкует, - начальник поручил мне как лучшему машинсту вести специальный поезд весь перегон от Мозгона до Читы. Ясно тебе? Говорят Шастри покойного везут...

- Шастри, Шастри, - ворчит Наташка, - другого что ли машиниста нет?

Собирались ведь в город ехать, ребятишки совсем уж пообносились... Но конечно успокаиваться стала, подумав про себя, что вон как ее Володьку уважают.

Пока собирала узелок, вернулся Кирилл и впереди себя впускает деда Василя. Вошел старик, поздоровался, поставил в угол какую-то длинную штуковину в материал завернутую и, устроившись на стуле, принялся Наташку про Буденного спрашивать. Когда, дескать, проезжать будет и что за поезд это такой. Совсем уже старик одряхлел. Согнулся, руки трясутся, летом валенки носит, а услышал про Буденного, враз заявился... Говорит Наталья:

- Ты вон лучше Володьку об том поспрошай, он этот поезд поведет... Тут и пристал Дед Василий к Володьке. Что да как, да когда. Все разузнал, а потом и говорит:

- Ты, слышь-ка, вот что сделай. Как будешь мимо Черновской станции проезжать, притормози да погуди ладом. Мы с Кирюхой не перроне будем, авось и увижу напоследок командарма свово. Володька руками машет.

- Да что ты, Василь Кириллович, меня же за таку работу враз с локомотива в подпаски снимут! Нельзя этого делать, пойми ты... Слов нет, как огорчился старик. Затряслась белая голова, набежала в глаза слеза.

- Жалко, - говорит, - что нельзя. Напоследок бы... Мне, слышь ты, Семен Михалыч в девятнадцатом вон ту шашку самолично вручил. Я тогда эскадрон водил...

И показывает дед в угол, где та самая штуковина стояла. У Володьки аж зубы заныли, до того деда не захотелось огорчать.

- Ну, ладно, - говорит, - ты, деда, приходи на перрон к четырем часам, а я, как станцию проезжать буду, так чего-нибудь придумаю... Обрадовался старик, даже лицом помолодел.

- Вот и добро, - говорит, ты уж, Володя, того... Убежал Володька на станцию, а потом и свекровь засобиралась, сказала, что на Торм пойдет, у сестрицы заночует... В то время от Торма оставалось с десяток всего домов, потому как разрез угольный уже все под собой похоронил: и поселок, и кинотеатр "Шахтер", и сад угольщиков... А Наталья-то и думает:

"Поди подалась, старая, дедку Петра Дороганова предупредить. Ну да бог с ними со стариками. У них свои причуды"... На другой день, как пришел Кирилл в школу, - а учился он во вторую смену, так сразу же подался в кабинет к директору отпроситься с третьего урока. Дед Василий-то слабый совсем, ноги плохо держат, надо старику помочь.

Выслушал директор Кирлла, задумался.

- Ну ладно, - говорит, - разрешаю идти. Только ты вот чего... Найди сейчас завхоза, пусть из кладовки даст портрет Буденного, тот, что на демонстрации носим и пусть ко мне придет... А как будет перемена после второго урока, так по всем классам объяви, чтобы шли на станцию маршала встречать. Скажи, что можно... Конечно, - замялся директор, - нарушение это, но ведь смотри какой человек едет... Тебе все ясно?

- Я -сно! - ответил Кирилл и вприпрыжку кинулся искать завхоза. В назначенный час на стареньком перроне станции Черновской народу было непревычно много. Гомонили и, сломя голову, носились отпущенные с уроков школьники, удивленно переговаривались редкие взрослые пассажиры, подходили и останавливались люди. У облупившегося забора привокзального палисадника на простой деревянной скамеечке сидели двое стариков. Дед Василь в черном сюртуке и темно-синих, в тоненькую полосочку брюках, заправленных в серые солдатские валенки, сидел, положив руки на старую

казачью шашку в потрепанных ножнах. Пацаны, густо толпившиеся кругом, с завистью и уважением глазели на дедово оружие, не смея приблизиться под строгим Кирилловым взглядом. Рядом сидел одетый в темно-коричневый габардиновый костюм и в полосатую синюю рубашку старый черновской шахтер Петро Дороганов. Из-под кожаной, крепко потрепанной фуражки выбивалась жесткая, круто побеленная сединой шевелюра, почти черные глаза, глядевшие вприщур, были чрезвычайно живыми.

-...Старуха вцепилась, не отдает костюм, - рассказывал шахтер деду Василю, приложившему к уху ладошку, чтобы шибче слышать друга, я ведь его сам купил запрошлый год, чтоб, значитца, если помру... Ну и пришлось, паря, на штурм иттить. Хе-хе... Жалко вот нашенскийх с отряду никого, почитай, не осталось... Малахов Митька в отъезде, Хохлова дома нет, Зыков Никола - командир - тот в городе хворает, а то бы пришли...

Дежурный по станции в беспокойстве за столпившихся людей выбежал на перрон и громко объявил, чтобы все были осторожны, потому как по первому пути проходит почтово-багажный...

Все мгновенно пришло в движение. На западный конец перрона старшеклассники потянули наскоро сделанный транспарант мимо растрепанного человека с баяном, не без успеха подбиравшего мелодию марша "мы красные кавалеристы"... Это был известный всем Черновским отчаянный гуляка Генка Чубаров, неизвестно как оказавшийся на станции.

Над головой людей закачались несколько портретов и начальник станции, удивленный непонятной сутолокой, совершенно был сражен, увидев на одном из фанерных щитов портрет покойного индийского премьера в траурной рамке, а на другом бравого маршала Буденного с множеством орденов и медалей. Из-за поворота, там, где начинаются дома станционого поселка, показался локомотив и, снижая скорость, стал приближаться к замершему в ожидании перрону.

Буденный, без кителя, в рубашке с расстегнутом воротом, сидел в просторном кресле и, водрузив на нос очки, читал вчерашние "известия". В вагоне было довольно жарко и адьютант маршала уже давно приспустил рамы нескольких окон. Когда поезд начал замедлять ход, адьютант встал с дивана и, подойдя к окну, выглянул в открытый проем.

- Ого! Народу-то на перроне... - И, увидев транспарант, прочитал вслух. - "Ура маршалу Буденному!" Семен Михайлович, оторвавшись от газеты, вопросительно посмотрел на адьютанта.

- Вас встречают, товарищ маршал... - рестерянно произнес тот.. Буденный, поднявшись из кресла, подошел к окну и тоже посмотрел в проем впред по ходу поезда. Мгновение помедлив, он вдруг разраженно сказал:

- Ну чего застыл? Китель двавай!

И принялся непослушными пальцами застегивать пуговицы рубашки. Адьютант, все еще стоявший у окна, робко заметил:

- Так ведь, Семен Михайлович, не положено...

- Китель!... - Старый маршал сердито зашевелил седыми усами и адьютант поняв, что спорить не время, сорвался с места.

Поезд теперь двигался едва-едва. Вагон маршала уже подошел к перрону, когда открылась дверь и в проеме, держась левой рукой за поручень, встал Буденный, одетый по всей маршальской форме.

Растерявшись от неожиданности, люди застыли в молчании, но вдруг, Генка Чубаров, стоявший впереди, тряхнул своим немыслимым чубом и лихо заиграл "марш Буденого", откуда-то из глубины толпы прозвучало звонкое:

- Семену Буденному ура!

И, враз оживший перорон, подхватил сотнями голосов:

- Ур-ра-а Буденному!

Маршал, щуря глаза, улыбался в пышные свои усы и помахивал над головой ладонью. Поезд все так же тащился, не прибавляя хода и люди, видевшие легендарного командарма только в кино да на картинках, со всей горячностью приветствовали его, стоявшего сейчас так близко в черном проеме вагонной двери. Внимание маршала привлекла вдруг живописная группа людей, стоявших несколько в особицу.

Дед Василь в старенькой буденновке стоял "во фрунт", с саблей на караул. Сзади его поддерживал растрепанный от беготни и забот Кирилл, а рядом, взяв руку "под козырек" чинно стоял серьезный Петро Дороганов.

Все понял старый команадрм. Легкий спазм на мгновение перехватил горло, улыбка сбежала с лица и маршал, отдавая честь старым бойцам, кинул руку "под козырек"...

- Ур-ра! - Гремело над перроном, испуганно шарахались за забором станционного палисадника чумазые воробьи, отрывисто звучали приветственные гудки тепловозов, стоявших на запасных путях...

Поезд стал заметно набирать ход...

Дед Василь, поддерживаемый с двух сторон внуком Дорогановым, плелся домой. Улыбка его, сияющая и умиротворенная, не сходила с лица.

- Эх, Петруха! Кабы ноги - я бы сейчас сплясал! Эх!... И он попытался топнуть валенком, подшитым транспортерной лентой, но только насмешил внука.

- Брось, деда! Упадешь еще...

Но старику сейчас все было нипочем. Остановившись, он отстранил от себя своих помощников и, воздев над головой руки, гордо проговорил:

- Узнал ведь... Точно узнал! Эх, Петруха, это такой, паря, человек!... И, размазав ладонью по дряблой щеке слезу, дед Василь зашаркал подошвами к автобусной остановке.

Злободневная классика

Мы с большим задором, хотя и постфактум, более семидесяти лет спустя, увлеклись переоценкой исторических событий, которые гениальный русский поэт предвидел почти за девяносто лет вперед. Он предвосхитил основополагающие моменты этих событий: попрание законов, от юридических и этических; чудовищное кровопролитие; разруха, голод и запустение; утверждение в этих условиях власти диктатора и, наконец, полное пренебрежение болью и страданиями отдельной человеческой личности.

Стихотворение написано в связи с крестьянскими восстаниями в России в 1830 году, но Лермонтов знал, что происходящее в грядущем "черном году" возглавит незаурядный интеллект, который отбросит нравственные нормы, как нечто мешающее в достижении "великой цели". Он знал даже то, что новая идеология будет драпировать свою сущность этаким байроническим плащом.

Кстати, этот революционно-романтический реквизит, и не только в 20-30 годы, и во времена не столь отдаленные, весьма успешно эксплуатировали многие популярные стихотворцы. И занятно - что в их числе и те, кто сегодня щеголяют передовой фразеологией, предусмотрительно заняв места в первых рядах "прорабов перестройки" и учителей демократии ("И комиссары в пыльных шлемах склонятся надо мной" Б.Окуджава, "У меня на свете две любимых - революция и ты" Е.Евтушенко, "Революция играла озорно и широко!" А.Вознесенский и т.д.).

"Предсказание" Лермонтова удивительно емко и поразительно своей прозорливостью. Но в соответствии с задачами нашей рубрики ограничимся парой прописных истин, которые между тем время от времени требуют повторения. Для того, чтоба не впадать в запоздалые коллективные прозрения (прозрения в ногу, как в солдатском строю) необходимо внимательнее вчитываться в отечественную классику, не исключая и современной. А знакомя подрастающее поколение с наследием великого поэта, следует судить о его отношении к отчизне не только по тем произведениям, которые давно и привычно приложены к старым и до сих пор незыблемым схемам. Ведь хорошо известно, что мировоззрение художника определяет

совокупность всего творчества, а не то, что отобрано в угоду тем или иным господствующим в данный момент идеям.

М.Ю.Лермонтов

Предсказание

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь - и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! - твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Юрий Игнаткин

Из тридцать седьмого...

Я держу в руках пожелтевшую от времени фотографию отца - последнюю в его недолгой жизни. Эта фотография не из семейного альбома. Пятьдесят с лишним лет тому назад неведомый фотограф запечатлел моего отца в подвалах Читинского НКВД, незадолго до его расстрела. На меня смотрит не по годам постаревшее, измученное лицо с застывшей в глазах немой болью и страданием и с безответным немым вопросом - как это все могло случиться? Бедный папа! Даже сейчас, когда эти кровавые тридцатые годы заговорены до дыр, я не могу ответить на твой немой вопрос ни тебе, ни себе, ни нашей маме, твоей "роднушке" как ты любил ее называть. Никто не желает отвечать за это. В том числе и те, от имени которых совершались эти чудовищные преступления против собственного народа.

В 1937 году мне было 11 лет и я хорошо все помню. Неправдоподобность, чудовищность совершившегося тогда в состоянии было ошеломить не только меня мальчишку, и посеять сомнения, но я никогда не принимал и не признавал официальной версии, что мой отец "враг народа".

Совсем недавно мне довелось ознакомиться с делом моего отца, извлеченным из архива НКВД, откуда и появилась его последняя фотография. Когда я прочитал это дело от корки до корки, прочитал не только строки, написанные им самим и его палачами, но и все то, что не было написано, но явно читается между строк, когда я увидел его глаза, столь поразившие меня - мои скромные личные воспоминания, воспоминания моей матери дополнились такими документальными данными его последних дней, что я почувствовал себя просто не в силах молчать. И хотя до сих пор я никогда не брал в руки перо, снедаемый писательским зудом, я не могу удержаться от того, чтобы не рассказать о своем отце и о трагедии всей нашей семьи. Нужно не только пострадавшим знать КАК ЭТО БЫЛО, но и всем ныне живущим, чтобы НИКОГДА ТАК НЕ БЫЛО.

В этом рассказе все подлинно - даты, события, имена, документы. И эта правда об одной советской семье, будучи умноженной на миллион (несколько миллионов - кто считал все жертвы?) дает в произведении истинное представление о тех трагических и позорных страницах в истории нашей Родины. Память о них невозможно изгладить, хотя кое-кто очень бы этого хотел, ибо мир еще не знал и не знает подробностей. Дай бог, чтобы это нигде и никогда не повторилось...

... Большая семья была у Агафона Игнаткина, потомственного иркутского рабочего - одних детей шесть душ. Каждого накормить-одеть, каждого воспитать - вывести в люди. Но только одному Александру, моему будущему отцу, появившемуся на свет божий в 1896 года, удалось получить образование. Перед самой Революцией окончил он Иркутское техническое училище, приобрел специальность механика, да так и "прикипел", как говорится, душой и телом к железной дороге на всю жизнь. Наверное хорошо показал себя молодой механик, если уже в тридцать лет назначили его начальником дистанции пути на станции Петровский Завод, а через четыре года он уже возглавлял Читинскую дистанцию - ведущий участок Забайкальской железной дороги. В ту пору ордена и медали были большой редкостью, обычно за хорошую работу премировали деньгами и ценными подарками, и я хорошо помню как однажды у нас появилось замечательное охотничье ружье, а вслед за ним именные серебряные часы, и мы дети по слогам и с гордостью пытались прочитать дарственную надпись от самого Наркома. Ну, а когда в 1935 году отца наградили заграничным проигрывателем с механическим заводом и интригующим названием "виктрола", то почитай полдистанции побывало в нашем доме, слушая эту диковину. Вместе с виктролой отцу дали путевку на двоих в Ленинград, и мама до сих пор не может забыть это замечательное путешествие и особенно ленинградские театры.

Я ловлю себя на том, что изрядно забежал вперед, опережая события, ибо до всех этих подарков, путешествий и до нас детей, Александру Агафоновичу Игнаткину предстояло еще встретить мою будущую мать, в девичестве Марию Григорьевну Сенотрусову из Забайкальского поселка Талбага, полюбить ее и жениться на ней, что он и сделал в 1922 году, решив что краше и лучше ее нет на свете и быть не может. И он не ошибся в своем выборе. Жили они дружно, любили друг друга, что засвидетельствовано нашим последовательным появлением -

Нади в том же году, а затем Оли и меня с интервалом в два года. Мать не работала, всецело отдавая себя заботам о муже, воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства, тогда это еще было принято. А отец сутками пропадал на работе, благо что контора дистанции и квартира ее начальника находились в одном здании. Спать он ложился не ранее двух часов ночи - нужно самому проводить курьерский "Москва-Владивосток", дело не шутейное - сколько там ездило всякого начальства и дипломатов, их и наших.

Если отца ценили на работе за глубокие знания и преданность делу, то служащие и рабочие дистанции уважали его за порядочность и доброту, за готовность помочь в трудную минуту.

- Ну что же делать, роднушка? - оправдывался он перед матерью, когда в очередной раз оставлял в будках путевых обходчиков свои карманные деньги, а иногда и часть зарплаты. - У них много детей и порой не хватает даже на хлеб, а мы то с тобой живем пока слава Богу...

И мать не очень сердилась, так только для вида, для порядка. Она сама к этому времени вдруг увлеклась общественной работой, и как только старшая Надя пошла в школу, тут же стала бессменным членом родительского комитета. А где-то в середине тридцатых ее выбрали в состав женсовета Читинского железнодорожного узла, и в 1937 году она должна была в составе делегации ехать в Москву на Всесоюзный съезд активисток женсоветов железных дорог с участием самого Наркома. И она непременно отправилась бы в это свое второе путешествие, если бы вдруг изменившиеся обстоятельства не заставили ее несколько изменить маршрут, и вместо Москвы она отправилась в Алжир, где и пробыла почти 10 лет. Но я снова забегаю вперед, опережая события этого недоброй памяти года...

В июне 1937 года произошло крушение грузового поезда по вине работников дистанции пути. А дело было так. Накануне вагон с неисправным колесом повредил рельсы. Во время замены их, рабочий сигналист, поставленный на ограждение места работ, не остановил проходящий поезд. Не получив уведомления, он почему-то самостоятельно решил, что ремонт уже закончен. В результате его халатности сошел с рельсов и получил повреждения паровоз и несколько вагонов. По крушению к уголовной ответственности, наряду с непосредственными виновниками, был привлечен и отец, как начальник дистанции. Военный трибунал железной дороги им.Молотова (ныне За-

байкальская ж.д.) в открытом заседании рассматривал дело с перерывом со второго по семнадцатое августа 1937 года. На первое заседание отец пришел из дома, а 3 августа его арестовали. Процесс шел с явно обвинительным уклоном. О почти двадцатилетней безупречной работе отца на этой дороге старались не вспоминать. Но и серьезных обвинений предъявить тоже не смогли. И все-таки, 17 августа военный трибунал приговорил отца к максимальному сроку лишения свободы по статье 193, пункт 17а УК РСФСР, по которой отец привлекался к ответственности - за преступно-халатное отношение к работе - лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на восемь лет без поражения в правах. По приговору отбывать наказание отец должен был в отдаленной местности, но его после суда увезли в исправительно-трудовой лагерь при угольных шахтах Черновские копи на станции Кадала в девяти километрах от Читы.

Нас детей на время суда удалось отправить в детский санаторий на станции Петровский завод и о суде мы ничего не знали. Возвращались из санатория мы 28 августа. Когда поезд остановился на станции Кадала, нас встретила мама и сказала, что отец находится на сборах в лагерях противовоздушной обороны, как в то время называлась гражданская оборона, и что завтра мы с ним встретимся. В то время отец действительно был начальником ПВО объекта и часто ездил на сборы в лагеря и именно на станцию Кадала. Назавтра встреча с отцом состоялась, но увы уже в других лагерях, и нам все объяснили. На свидание с нами отца выпустили из лагеря и мы расположились на поляне перед главной вахтой на виду охраны. Отец рассказал, что в лагере его встретили сочувственно. Его там знали, дали понять, что понимают какой он "преступник". На шахте было свое железнодорожное хозяйство, велось строительство. Отцу сказали, что работать он будеет по специальности, будет получать какую-то зарплату, и даже будет решен вопрос о его расконвоировании. Отец не выглядел подавленным, каким он был перед судом. Они с матерью обсуждали, как нам продержаться, пока не определится его положение в лагере. Мать уже работала поваром в детском саду, но зарплата была мизерной. - "Роднушка", - ласково говорил он ей, - "Главное продержаться первое время, а там все образуется. Если нужно продай все без чего можно обойтись... Постарайся только сохранить рыболовные сети"... Страстный и удачливый рыбак он все свое редкое свободное время проводил на Ингоде, а она и здесь протекала рядом на окраине Кадалы, напоминая о прошлом и

невольно вписываясь в будущую жизнь, которую они с мамой сейчас обсуждали на скорое "все образуется". Нет, не согнулся еще отец под бременем этих нелепых и тяжелых невзгод, столь нежданно-негаданно свалившихся на нашу семью. Собирался он еще жить и непременно с рыбалкой! - "Ничего, Шура, ты только не волнуйся за нас", - вторила ему мать - "Продержимся, обязательно продержимся, а там глядишь, по кассации, пересмотрят приговор. Может срок убавят или совсем освободят". Родители даже были довольны тем, что вопреки приговору, отца не отправили в отдаленные местности, а определили здесь, рядом с домом. Вместе беду пережить будет легче. И не подозревали они, что именно в этом был заложен зловещий смысл, что главная беда у нас еще впереди. Не знали мы, что эта встреча с отцом будет последней.

По разному был встречен приговор трибунала отцу. На станции Чита, где отца знали как хорошего специалиста, справедливого руководителя и порядочного человека, говорили: "Если Агафоныча в тюрьму, то кому же быть на воле?" "Шурка и в тюрьме! Это нелепо, уму непостижимо!" - сокрушался его друг Дионисий Виссарионович Пестерев. В Читинском НКВД приговор оценили по другому...

... Уже перевалил на вторую половину зловещий 1937 голд. намеченных к уничтожению специалистов-железнодорожников арестовывали одного за другим и они навсегда исчезали в застенках НКВД. А начальник четвертой дистанции пути Игнаткин, этот гордый и независимый человек, еще совсем недавно посмевший на глазах всей станции вступить в конфликт с руководителями НКВД, когда те незаконно захватили квартиру, принадлежавшую дистанции пути, оставался живым. Они поняли, что допустили "ошибку", организовов над ним открытый процесс. На нем они не рискнули предъявить ему фальшивые обвинения в контреволюциной деятельности, бывшими так модными в то время, и которые обеспечивали "достойный", с точки зрения НКВД приговор. В случае провала такого обвинения, что на открытом процессе вполне могло случиться, были поставлены под сомнения обвинения такого рода сотням железнодорожников, осуждаемым на смерть на закрытых судах. Исправить "ошибку" было в их силах. Власть их над жизнью и смертью людей была безграничной. И в дорожно-транспортном отделе НКВД началась фабрикация нового фальшивого уголовного дела против отца. Вот почему он не был отправлен куда подальше - он должен был быть под "рукой". Понадобился он скоро. В НКВД был специально сроч-

но допрошен ранее арестованный начальник службы пути железной дороги им.Молотова Мурашкин, который "показал", что являясь руководителем контрреволюционной организации в службе пути, завербовал в нее в 1936 году начальника четвертой дистанции пути Игнаткина и определил его в состав диверсионной группы, руководил которой Кожевников - главный инженер той же дистанции. Дело в том, что в то время широко рекламировалось раскрытие и ликидация органами НКВД антисоветской и шпионско-диверсионной организации троцкистов и правых якобы действовавшей на железных дорогах Восточной Сибири, и занимавшейся по заданиям агентов японских разведывательных органов шпионажем, вредительством и совершением диверсионных актов, а так же подготовлявшей ряд территористических актов против руководителей Советской власти. Мурашкину в этом деле отводилась роль якобы руководителя вышеназванной организиции в службе пути и "вербовщика" новых членов ее. Из только одного дела отца видно, что Мурашкин показал что в 1936 году якобы завербовал в эту организацию отца и работника службы пути Троицкого. Сейчас трудно сказать, был ли Мурашкин провокатором. Но то, что в 1939 году, когда сотни лучших специалистов железнодорожников, в том числе и "якобы завербованных" Мурашкиным, были уже расстреляны, дело об этой контрреволюционной организации, как фальшивое, было потихоньку закрыто, Мурашкина выпустили на свободу, заставляет задуматься об этом. Но это будет позже. А сейчас на основании показаний Мурашкина, в дорожно-транспортном отделе ГУГБ НКВД СССР железной дороги им.Молотова создают следующий документ:

"УТВЕРЖДАЮ"
Начальник ДТО ГУГБ НКВД СССР
ж.д. им.Молотова
капитан госбезопасности
Горюнов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

7 сентября 1937 года г.Чита

Я, оперуполномоченный ДТО ГУГБ НКВД ж.д. им.Молотова младший лейтенант госбезопасности Бусыгин, сего числа рассмотрел имеющиеся следственные материалы на гражданина

Игнаткина Александра Агафоновича. Игнаткин будучи начальником 4-й дистанции пути преступно халатно относился к исполнению служебных обязанностей, за что решением Военного трибунала ж.д.Молотова от 17 августа 1937 года по ст.193. 17а УК РСФСР гражданин Игнаткин приговорен к восьми годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях и данное время срок наказания отбывает в ИТЛ Черновские копи. Учитывая, что на гражданина Игнаткина имеются допонительные следственные документы, уличающие его, как одного из членов контрреволюционной троцкистской организации, существовавшей на железной дороге им.Молотова и по заданиям которой проводил подрывную диверсионную работу в службе пути, а потому ПОСТАНОВИЛ:

Гражданина Игнаткина из трудовых лагерей Черновские копи изъять и возбудить по отношении последнего уголовное преследование в порядке ст.58 п 1б, 58п8, 58п9, 58п11 УК РСФСР.

Оперуполномоченный ДТО ГУГБ
мл.лейтенант г.б.Бусыгин

"СОГЛАСЕН"
Начальник 5-го отд.ДТО ГУГБ
лейтенант госбезопасности Куликов

Стиль и орфография этого и последующих документов полностью соответствуют оригиналам.

В тот же день отец был "изъят" из исправительно-трудового лагеря и доставлен в застенки дорожно-транспотного отдела НКВД в городе Чите. Тотчас, под руководством упомянутого капитана госбезопасности Горюнова, группа следователей в составе: начальника пятого отделения лейтенанта госбезопсности Куликова, оперуполномоченного младшего лейтенанта г.б.Бусыгина, помощника оперуполномоченного Шлянчака, сержанта г.б.Егорова с участием военного прокурора ж.д. им.Молотова военюриста 12го ранга Соболева приступила к фабрикованию ложного уголовного "дела" против отца. Они должны были добиться от него признания в том, что он является членом контрреволюционной организации, несмотря на то, что всем им было хорошо изввестно, что отец о существовании такой организации и не подозревал. Вырвать такое признание у обвиняемого, для которого это было неминуемой смертью, было не просто. Вот поэтому для допросов одного "преступника" и была создана столь многочисленная группа

изуверов-следователей, которая должна была обеспечить применение "конвейера", так называлось дьявольское изобретение НКВД. По этой системе следователи, подменяя друг друга, истязали допрашиваемого по несколько суток подряд, не давая ему передышки, до тех пор, пока несчастный не "признавал" себя виновным во всем что ему предъявляли. Арсенал пыток, применявшийся в то время в подвалах Читинского НКВД, по рассказам тех, кто прошел через эти застенки и чудом уцелел, ничем не ограничивался и был достаточным, чтобы сломить любого. Физические истязания допонялись моральными. Энкэвэдэшники в то время "козыряли": - "У нас брака не бывает - раз взяли, значит есть за что!" А несчастному арестованному внушали, что его участь была решена еще при аресте и спасения ему нет, единственно что ему могут пообещать, это не трогать его семью, но для этого он должен во всем "признаться", и подписатьь все что ему предъявляют...

...Четверо суток шла неравная борьба. Свора осатаневших от крови мерзавцев-следователей, поощряемая своим начальством, уверенная в своей безнаказанности, глумилась над отцом от имени государства, добиваясь от него признания в том, о чем он и представления не имел...

...За седьмое, восьмое, девятое, десятое сентября следователи протоколов допросов не оставили. Писать было нечего. Отец отчаянно сопротивлялся и "нужных" показаний не давал...

...И только одиннадцатого сентября следовлатели запишут в протоколе якобы "слова отца".

...Я на протяжении четырех суток (Вот какой я непорядочный человек - зря утомлял следователей. Вставка автора) скрывал от следствия свою причастность к контрреволюционной, троцкистской, диверсионной организации...

Четверо суток, перенося неслыханные страдания и издевательства отец отвергал чудовищную ложь, придуманную следователями. Читая между строчками с виду благопристойного протокола, сочиненного кучкой изуверов, можно только догадываться, что он пережил за эти четверо суток. А что с ним стало читается по фотографии.

Десятого или одиннадцатого сентября 1937 года, когда возможности человека были полностью исчерпаны, отец, безучастный ко всему происходящему, что хорошо видно на фотографии, под диктовку следователей, написал и подписал заявление, придуманное следователями, и решившее его несчастную судьбу. Вот что заставили написать и подписать его:

Заявление

Начальника дорожно-транспортного
отдела ГУГБ НКВД ж.д.им.Молотова
от арестованного Игнаткина Александра
Агафоновича.

В контрреволюционную троцкистскую организацию меня завербовал примерно в июле 1936 года Мурашкин при моем посещении Управления дороги в его кабинете, где он заявил мне, что знает меня при даче установок по ремонту пути - это в отношении приемки среднего ремонта пути с недоделками, что я выполнял. Одновременно он дал задание связаться с диверсионной группой, которую возглавлял Кожевников.

После, примерно в середине сентября месяца, я узнал от Кожевникова следующее: на 1024 км произошло крушение из-а лопнувшего рельса и, когда об этом Кожевников сказал Минееву, то последний заявил: "Это к лучшему", что подтвердило принадлежность Минеева к диверсионной группе. Других членов группы я не знаю. При переговорах Мурашкин Заявил, что членами контрреволюционной организации являются: Троицкий, Молчанов, Нежданов.

За период январь-июнь 1937 года на дистанции было три крушения поездов, из которых два по неограждению места работ, одно из-за лопнувшего рельса и два наезда поездов на путевые вагончики. Насколько в этом приняла участие диверсионная группа мне не известно, так как ее возглавлял Кожевников.

Даты нет Игнаткин

Фабрикуя "дело" и подгоняя даты, следователи, видимо, испортили низ листа, и вынуждены были его оторвать. А отца заставили вторично поставить свою подпись, но уже на полях справа от текста и поперек его. На машинописной копии этого "документа", снятой в то время, была дата 11 сентября, потом ее исправили чернилами на 10-е.

Что же заставило отца, продержавшегося четверо суток, подписать это заявление, обрекавшее его на верную смерть. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно представить себе - куда он попал.

По свидетельству очевидцев, прошедших через подвалы Читинского НКВД и чудом уцелевших, мы можем ныне лишь умозрительно представить эти застенки, куда подследствен-

ных набивали как сельдей в бочки. В камерах было так тесно, что ночью обитатели их, почти голые, лежали вплотную друг к другу на нарах и на голом полу. Дышать было нечем - жара и духота, вонь от параши, стоявшей у двери. Утром, когда все принимали вертикальное положение, то сразу же встраивались в затылок друг другу и медленно перемещались по кругу, чтобы пройти мимо единственного на всю камеру окошечка под потолком и глотнуть свежего воздуха. В этом заведении над перилами лестниц были натянуты сетки, чтобы несчастные люди не бросались вниз головой в проемы лестниц, когда их доставляли на допросы к следователям, предпочитая смерть невыносимым страданиям. Добавьте к этому, что всех заедали вши, что кормили впроголодь с неизменной селедкой и почти не давали воды... Такова вкратце была следственная тюрьма дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД СССР железной дороги им.Молотова в 1937 году в городе Чите, по улице Калинина, N 56.

О следователях дорожно-транслпортного отдела НКВД уже в то время ходила недобрая слава особенно изощренных истязателей. Они этого и не скрывали - гордились этим.

...Не найдя отца в лагере, мать с сестрой Олей, несколько дней обходили заведения НКВД - "арестные места", так их тогда называли. Много их в тот год появилось в Чите. В дорожно-транспортном отделе дважды говорили - нет.. На третий раз ответили - здесь. Этого больше всего боялась и не хотела мать. Принимая передачу, начальник шестого отделения лейтенант госбезопасности Сурнин, спросил: "А где табак?" "Наш папочка не курит" - встрепенулась Оля. - "Не курил, так здесь закурит!" - оскалился Сурнин, довольный своей шуткой.

Это более чем скотское содержание людей было очевидным и для самих энкэвэдэшников, не такие уж они были тупые. Но это их ни сколько не трогало и не подвигало на какие-либо улучшения, хотя бы мизерные и вполне доступные. У них забота была другая - забрать как можно больше и как можно скорее убить. Обычно время от ареста до расстрела не занимало более 2-3 месяцев. Отец был доставлен в эти застенки 7 расстрелян 29 сентября того же года. За такой короткий срок мало кто помрет от недостатка кислорода, не дождавшисль законной пули. Это они понимали и беспокоились лишь о том, чтобы выполнить дьявольский план - уничтожение людей и не отстать в этом от дургих. К тому же эти бесчеловечные условия хорошо помогали следствию. Недаром арестованный Локосов (эту фамилию мы еще встретим) нацарапал на стене камеры: "Лучше конец с ужасом, чем ужас без конца". А если ко всему

этому добавить хорошо продуманную систему физических и моральных пыток и издевательств, а так же некоторые другие следственные "гуманные" находки (скажем обещание не трогать семью, если "сознаешься", а то...) то становится ясным, почему этот изуверский комплекс действовал соль безотказно. Да он и не мог действовать по иному, ибо за ним стояли преступные государственные власти, которые направляли его и гаранитровали безнаказанность преступникам энкэвэдэшникам.

О том, что отцу пообещали не трогать семью, если он все "признает", видно из дальнейшего хода событий. Вот почему он, ошеломленный кошмаром пыток, кошмаром камеры, понявший, что ему спасения нет и, пытаясь спасти нас, свою семью, подписал 10, а скорее 11 сентября 1937 года это заявление написанное под диктовку следователей (об этом говорит не отцовский стиль и нелогичность изложения) и придуманное ими на его погибель.

Но почему заявление? В других аналогичных делах того времени применялась обычная система допроса: вопрос - ответ. А здесь сначала собственноручное заявление - признание, и лишь затем вопросы и ответы, как бы расцвечивающие так искусно добытые признания "врага народа". Трудно сказать с полной достоверностью, почему это было именно так, а не иначе. Но вполне допустима версия, что шеф железнодорожного отдела НКВД Горюнов совершенно обдумано применил эту новую методу допроса к моему отцу - ведь это именно он, Игнаткин, посмел тогда лично ему Горюнову отказать в той квартире. Уже это одно могло вызвать особую ненависть у тех, кому власть доверила вершить судьбы людей. "Мы заставим тебя написать на самого себя!" - и заставили. А почему бы и нет? Никто никогда не узнает, что это сплошная ложь, никто никогда не сунет носа в эти фиктивные протоколы, безнаказанность и безопасность гарантирована власть придержавшими, еще и похвалят за такой прием.Получив заявление, следователи приступили к оформлению показаний протоколами допросов. Вот как начинается протокол допроса от 11 сентября. Следователи - Куликов, Бысыгин, Шлянчак.

Вопрос: Следствию достоверно известно, что вы являетесь активным членом контрреволюционно-троцкистской диверсионной организации, существовавшей на ж.д. им.Молотова, по заданию которой Вы проводили контрреволюционную диверсионно-подрывную работу в путевом хозяйстве дороги. Намерены ли Вы говорить правду?

Ответ: Никогда в контрреволюционной троцкистской организации я не состоял и диверсионно-вредительской деятельностю не занимался.

Вопрос: Вы лжете, следствие требует от Вас правдивых показаний.

Ответ: Да, признаюсь. Я на протяжении четырех дней скрывал от следствия свою причастность к контрреволюционной троцкистско-диверсионной разведывательной организации. Сейчас я убедился, что скрывать от следствия свою контрреволюционную деятельность бесполезно, и я решил рассказать всю правду.

Далее в протоколах идет "размазывание" того, что следователи продиктовали отцу в заявлении. Нового ничего нет. Читая протоколы, обращаешь внимание на бесконечное повторение во всех падежах и прилагательных: контрреволюционный, троцкистский, диверсионный и т.д. Конкретно в чем это выражалось - и речи нет. Это не протоколы - диалоги. Это протоколы - монологи следователей для глаз и ушей начальства. Дескать смотрите как нам было трудно! Он один заставил нас пятерых четверо суток трудиться день и ночь в поте лица, не покладая рук. Но раскололи - от нас правду скрывать бесполезно!

Двенадцатого сентября 1937 года отцу было предъявлено обвинительное заключение. В нем он обвинялся в контрреволюционной и диверсионной деятельности. В чем она конкретно заключалась не указывалось. На вопрос: "Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении?", отец отвечал: "Да, виновным в предъявленном обвинении признаю полностью". Дело, как говорится, было сделано, но ведь всегда хочется большего. И наш Горюнов вновь собирает свое воинство: "Игнаткина раскололи. Это хорошо. Но этого мало. К тому же план по разоблачению японских шпионов у нас недовыполнен. Так вот, допросите Игнаткина и как японского шпиона".И снова "конвейер". Узнав о верломстве следователей, о новом обвинении, отец понял, что их обещание - не трогать семью - ничего не стоит. Он снова стал отчаянно сопротивляться.

Протокол допроса от 14 сентября, следователи: Бусыгин, Шлянчак, Соболев.

Вопрос: Признав на следствии свою причастность к контрреволюционной диверсионной организации, существуюшщей на ж.д. имени Молотова, куда Вы были завербованы Мурашкиным. Вы упорно отрицаете свою шпионскую деятельность. Требую от Вас правдивых показаний!

Ответ: Я на следствии показал, что в троцкистскую диверсионную организацию я был вовлечен Мурашкиным - начальником службы пути и кроме диверсионно-вредительской работы, проводимой мною по заданию Мурашкина, Троицкого ничего не проводил. Причастность свою к шпионажу категорически отрицаю.

Вопрос: Следствие располагает данными, что Вы помимо диверсионных заданий от Мурашкина имели задания по сбору шпионских материалов в пользу Японии.

Ответ: Категорически отрицаю.

Отец держит свое слово, признавая себя виновным в какой-то контрреволюционной деятельности, в обмен на обещания, что не тронут семью, но категорически отрицает вновь сфабрикованные обвинения.

И снова "конвейер".

Протокол допроса от 18 сентября, следователи: Бусыгин, Егоров.

Вопрос: Вы на протяжении трех дней допроса упорно отрицаете свою причастность и связь по шпионской работе с агентами японских разведорганов - Колесовым и Чибриковым. Следствие требует пре кратить запирательство и говорить правду.

Ответ: По шпионской работе я с Колесовым и Чибриковым никогда связан не был и никакой шпионско-диверсионной работы с ними не проводил.

Допрос превращается в очную ставку с несчастным Колесовым, который уже признал себя японским шпионом.

Вопрос: Будете ли Вы еще отрицать свою причастность к шпионско-диверсионной организации?

Ответ: Я убедился, что дальше скрывать свою причастность к контрреволюционной диверсионной разведывательной организации бесполезно. Признаюсь, что я являюсь участником диверсионно-разведывательвной организации, куда осень 1934 года был привлечен начальником группы капитальных работ Управления дороги Молчановым.

Вот теперь все. Сделано дело! Правда фальшивое. Но это уже неважно. Отцу же оставалась одна надежда: отказаться на суде от вынужденных ложных признаний.

Суд состоялся 29 сентября 1937 года. Вот как это было согласно сохранившимся документам.

ПРОТОКОЛ

закрытого судебного заседания выездной сессии
Военной коллегии Верховного суда СССР

29 сентября 1937 года г.Чита

Председательствующий: диввоенюрист Никитченко
Члены: диввоенюрист Горячев
бригвоенюрист Китин
Секретарь: военюрист III ранга Шапошников

Заседание открыто в 15 часов 00 минут. Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Игнаткина Александра Агафоновича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-8, 58-9 и 58-11. Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались. Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил утвердительно. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда. Подсудимый никаких ходатайств и отводов составу суда не заявил. По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным? На что подсудимый ответил, что виновным себя признает в плохой работе. В контрреволюционной организации не состоял.

Оглашаются выдержки из показаний Игнаткина (л.д.38) и его заявление (л.д.36). Подсудимый: сейчас от своих показаний он отказывается и поясняет, что на следствии себя оговорил. Почему так показал, объяснить не может.

Оглашаются выдержки из показаний Троицкого, Колесова, Чибрикова. Подсудимый все эти показания считает неправильными и их отрицает. В к/р организации он не состоял и шпионской деятельностью не занимался.

Больше дополнить судебное следствие подсудимый ничем не имеет и оно объявлено законченным.

Подсудимому представлено последнее слово в котором он сказал, что вина его в том, что допускал в своей работе ошибки. Ни диверсионной, ни шпионской деятельностью он не занимался и просит это учесть.

Суд удалился на совещание, по возвращении с которого председательсвующим оглашен приговор: предварительным и судебным следствием установлено, что Игнаткин, являясь участником антисоветской террористической и шпионско-диверсионной организации троцкистов и правых, действовавших на железных дорогах Восточной Сибири и ставившей целью - подрыв оборонной способности Советского Союза и оказание прямой помощи Японии в войне против СССР, а также подготовлявшей ряд террористических актов против руководителей советской власти, с июня месяца 1936 года проводил диверсионно-вредительскую работу на 4-й дистанции пути железной дороги им.Молотова, разрушал железнодорожное полотно и создавал условия для аварий и крушений поездов. В январе, марте и июне 1937 года Игнаткиным совместно с другими участниками организации было организовано три крушения поездов, причинившие государству значительный материальный ущерб и повлекшие за собой человеческие жертвы.

Помимо диверсионно-вредительской деятельности Игнаткин занимался шпионажем в пользу Японии. Таким образом, установлена виновность Игнаткина в совершении им преступлений, предусмотренных ст.ст.58-1а, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР.

На основании изложенного и, руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда Союза СССР

ПРИГОВОРИЛА:

Игнаткина Александра Агафоновича к высшей мере уголовного наказания - расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению.

В 15 часов 20 минут заседание закрыто.

Председательствующий Никитченко
Секретарь Шапошников

Вот так, дорогой читатель. Такой вот суд. Подсудимый, надеясь отвести беду от своей семьи, отказался рассказать, почему оговорил себя на предварительном следствии, прекрасно зная, что за этим последует. Судьи, опасаясь за собственную шкуру, не посмели спросить его, почему он не может объяснить это. На этом суде честным человеком был только подсудимый. Преступниками на нем были судьи, творившие неправедный суд. Ну а то, что для всего этого потребовалось только 20 минут - ежу ясно. Сколько еще впереди работы, скольких еще нужно отправить на тот свет! А теперь справки...

СПРАВКА

Приговор в отношении Игнаткина А.А. приведен в исполнение на 30 сентября 1937 года.

Старший оперуполномочленный ДТО НКВД
серожант госбезопсности Тонких

СПРАВКА

Приговор о расстреле Игнаткина А.А. приведен в исполнение в городе Чите 29 сентября 1937 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР, т.11 л.511.

Старший оперуполномоченный 1-го спецотдела
НКВД СССР мл.лейтенант госбезопасности Михалев

8 октября 1937 года газета "Забайкальский рабочий" за N 232 опубликована для всенародного сведения:

ХРОНИКА

Выездная сессия Военной Коллегии Верховного суда Союза СССР в городе Чите рассмотрела дело об участниках антисоветской террористической и шпионско-диверсионной организации троцкистов и правых, действовавших на железных дорогах Восточной Сибири и занимавшейся по заданиям агентов японских разведывательных органов шпионажем, вредительством и совершением диверсионнвых актов, а так же подготовлявшей ряд террористических актов против руководителей Советской власти.

Участники этой организации:

Соловьев В.А.
Чухно Г.И.
Городков В.С.
Лешедко Л.А.
Чередниченко Н.П.
Кузнецов С.Е.
Богатырев А.Ф.
Нечаев М.Я.
Родин Г.В.
Макеев П.А.
Филонов Л.П.
Шварц Л.И.
Кузикевич Л.Д.
Молодцев Н.Н.
Комков И.Ф.
Поль Л.Э.
Сиволап А.С.
Репин Г.М.
Хмылев В.М.
Томашевский И.Ю.
Карбышев П.Н.
Молчанов В.М.
Нежданов Н.И.
Гудзип П.П.
Борисенко И.Т.
Громов В.С.
Пестерев Д.В.
Грязнов С.К.
Баженов В.И.
Касаткин М.Ф.
Лукьянов И.В.
Куликовский С.А.
Нейбауэр Л.Л.
Ведь М.Н.
Ереськин П.И.
Арзамазов К.Т.
Ткачев А.Д.
Бузинов А.В.
Каменев В.Я.
Князев П.Ф.
Лысюк М.С.
Горячев Е.Т.
Чадаев Ф.Е.
Дронин Е.М.
Старков А.Ф.
Бодырев А.И.
Саранкин М.А.
Масловский Н.Н.
Колобов С.Г.
Егорчатов Г.М.
Комогорцев Е.Т.
Белов В.Г.
Ткачелнко И.Е.
Веракси Н.Н.
Бойченко А.П.
Неведров А.А.
Дианов Н.Л.
Андреев П.А.
Сосновский К.А.
Ганцев А.И.
Игнаткин А.А.
Кудрич К.И.
Полушин И.Г.
Давыдов П.П.
Колб Ф.Ф.
Шаталин С.Ф.
Журавицкий И.Д.
Перевертаев М.С.
Головастов Л.С.
Трофимов
Чибриков А.С.
Колесов Н.В.
Лазовский А.Л.
Глотов П.М.
Каторжинский Г.К.
Саяпин С.Н.
Эбикин З.Н.
Пушмин П.М.
Ладченко П.П.
Шленкин Г.Я.
Суворов П.М.
Троицкий К.И.
Виневский Г.А.
Пономарев К.В.
Сорокин В.И.
Святославский А.Д.
Горбунов И.В.
Волковы А.Я.
Рогозин Е.Л.
Матт Я.М.
Шагалин А.Ф.
Климов П.С.
Иванов П.П.
Чурлис П.Л.
Куц В.А.
Мэли П.В.
Вайков А.М.
Дмитриев И.Г.
Луцкин М.Г.
Можлев А.В.
Береза Б.Х.
Воронков М.И.
Дорофеев Л.Ф.
Заботный Г.Н.
Локосов Н.Ф.
Кононов Н.И.
Волков И.А.
Голодный А.Г.
Туманов Г.А.
Дмитриев И.Д.
Сомов Ф.М.
Калинин Д.М.
Гигарсон Ф.И.
Шаферевский А.И.
Яроцкий А.А.
Бабанин А.С.

приговорены к высшей мере уголовного наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение...

Сто шестнадцать человек. Отец в этом списке девяносто третий. Все это наработали за два-три месяца дорожно-траспортный отдел ГУГБ НКВД СССР ж.д.им.Молотова под руководством капитана госбезопасности Горюнова и выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР под председательством диввоенюриста Никитченко.

А 17 ноября, когда отца уже не было в живых, Военная коллегия Верховного Суда СССР приговор военного трибунала ж.д.им.Молотова от 17 августа 1937 года в отношении Игнаткина А.А. отменили и дело вернула на дополнительное расследование. Опоздали малость значит... Да и как тут не опоздать, если родной ЦИК велит расстреливать немедленно.

7 октября 1937 года я пришел в школу во вторую смену - Юра Игнаткин, - обратилась ко мне классная руководительница, зайдя в наш четвертый "Б", - звонили по телефону, тебе нужно срочно идти домой. Если рано освободишься, приходи на последние уроки. Не знала учительница, что больше мы с ней не встретимся. Тревога наполнила меня всего и гнала всю дорогу бегом. Может вернулся папка, - думал я и в то же время боялся думать об этом.

Но папка не вернулся. В углу комнаты стояла мать. Сестры Надя и Оля обхватили ее руками и плакали. Мать давно уже с тревогой смотрела в окно: "Успел бы!" Боялась, что могут разлучить. "Бежит! - увидела подлетающий выше головы ранец за спиной, - слава богу, все вместе!" По комнате ходил следователь дорожно-транспортного отдела НКВД Токарев, рассматривал и описывал имущество. Приходили и уходили соседи. Совали матери за пазуху деньги.

- Мамочка, - вдруг громко сказала Оля, - смотри, дядя папины часы положил в карман... Но было не до часов, и именные часы, премия отца, так в том кармане и остались.

Когда с обыском было закончено, следователь предъявил матери ордер на арест и предложил следовать вместе с ним. Услышав это, Надя и Оля еще крепче вцепились в маму, сильнее заплакали; присоединился к ним и я. Следователь понял, что никакими уговорами и усилиями нас не рассоединить, и подошел к телефону.

- Высылайте машину, - обозленно сказал он в трубку, - обрисовав положение, - мне с ними одному не справиться... Нас

усадили в черную легковую машину. В центре города на улиц[е]
Калинина машина вошла под арку во двор дорожно-транспор[т]ного отдела НКВД и остановилась. - Игнаткина, выйдите подписать протокол, - обратился к матери следователь, откры[в] дверцу машины. Они пошли к дверям здания. И в это время, взревев мотором, машина тронулась. Мы закричали. Мать бросилась за машиной. На наших глазах ее догнали, повалили на землю. Машина ушла. Нас доставили в детприемник НКВД по ул. Смоленская, 26. И в следующий раз мы увидели мать через девять лет в 1946 году.

Мать подняли с земли, завели в здание. Была она, как во сне, ни на что не реагировала. Обыскали, взяли деньги, сняли обручальное кольцо. Дома кольцо мать не могла снять уже несколько лет, разрослись суставы. Здесь сняли. Завели в камеру, там уже было много женщин, таких же как она, арестованных ранее. На стене камеры женщины прочитали надпись, проступившую сквозь известь: "Лучше конец с ужасом, чем ужас без конца". Локосов. Об этой надписи я уже говорил да и с фамилией автора внимательный читатель уже встречался, в списке казненных он - девяносто восьмой. В этот же день мать допросил сержант госбезопасности Тонких, тот самый, который участвовал в расстреле ее мужа неделю тому назад. Записав анкетные данные, спросил:

С какого года Вы замужем?

- С 1922.

- Что Вам известно о контрреволюционной деятельности вашего мужа Игнаткина?

- О контрреволюционной деятельности мужа я ничего не знаю. Об этом он мне ничего не говорил. И все.

На другой день всех арестованных женщин перевели в городскую тюрьму по ул.Ингодинская, 1. Камера с двухэтажными нарами, куда поместили женщин, была переполнена. Спали по-очереди в страшной тесносте, но мать всего этого уже не замечала. Состояние, в котором она была в то время, описать невозможно. Чудовищная несправедливость и беда, свалившаяся на нее и ее семью, неизвестность о судьбе мужа и детей, лишила ее способности понимать происходящее. Она все время плакала. Числа девятого октября в камеру привели Дианову. Ее муж в списке казненных - девяносто второй. Она со станции Хилок приехала с передачей к мужу. В Чите увидела железнодорожную газету "Отпор", в которой тоже было опубликовано

сообщение о казни железнодорожников. Прочитав, газету спрятала в туфлю. Арестовали ее в закусочной, где она, узнав об аресте жен казненных, хотела переждать время до поезда, чтобы уехать из Читы. Так газета попала в камеру и несчастные женщины узнали о судьбе своих мужей. Это окончательно добило мать. У нее перекосило шею.

Какою мерою можно измерить жестокость, бесчеловечность властей и исполнителей их злой воли, подвергавший ни в чем не повинных людей таким неслыханным страданиям в угоду достижения своих экогоистических целей?!

17 октября 1937 года мать еще раз допросил тот же сержант Тонких. Допрашивать-то было не о чем! С начальником шестого отделения ДТО НКВД Сурниным они составили обвинительное заключение. Вот оно:

"Находясь в связи со своим мужем Игнаткина Мария Григорьевна, 1904 года рождения, способствовала контрреволюционной деятельности своему мужу, чем совершила преступление, предусмотренное ст.ст.17, 58-1а, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР.

На основании приказа НКВД N'00486 дело подлежит рассмотрению Особым Совещанием НКВД".

Здесь же мать спросили, что у нее изъяли при личном обыске. - Деньги и золотое кольцо, - ответила она. - Деньги 600 рублей записаны, а кольцо не значится, - сказал начальник шестого отделения.

- Значит кольца не было.

- Как же не было?! - возразила мать. - Вот и на пальце белая полоска под кольцом не загорела.

Вызвали следователя.

- Где кольцо?

Следователь зазаикался, стал ощупывать карманы.

- А, вспомнил, я его дома в другой гимнастерке забыл...

Бог с ним с этим кольцом, тем более что мама блыше уже никогда его и не видела.

10 декабря в камеру крикнули: "Транспортники, приготовьтесь!" К чему готовиться не объяснили. Первой вызвали Святославскую. Ее муж в списке казненных семьдесят второй. Вернулась она с громким плачем. "Осудили, восемь", - сквозь слезы выговаривала она. Женщинам показалось, что она гово-

рит "пятьдесят восемь". А это значит пятьдесят восьмая статья и смерть. Невообразимая паника возникла в камере, - женщины кричали, плакали. Некоторые кричали "Караул!" Но постепенно все прояснилось. Вызвали мать. Объявили 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Вот выписка из протокола Особого Совещания при НКВ СССР от 10 декабря 1937 года. (Обратите внимание на даты - все в один день. "Даешь темпы!").

2-7. Дело N 257/ДТО им.Молотова об Игнаткиной Мариии Григорьевне, 1904 г.р.

Игнаткину М.Г. - как члена семьи изменника Родины - заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет. Считать срок с 07.10.37. Дело сдать в архив.

Коротко и ясно. Это ей за мужа. За 15 лет, лкоторые она проездила с ним со станции на станцию, где он восстанавливал пути, мосты и Бог знает еще что. И за троих детей, которых она выпестовала. Ведь он то был всегда на работе. Да что там говорить!

Морозным февральским утром 1938 года несчастных женщин, осужденных совещанием НКВД, построили в колонну и под охраной стрелков погнали по Читинским улицам в сторону вокзала. Прохожие испуганно шарахались от этой скорбной колонны, окутанной морозным туманом. Никого знакомых. Вдруг она воскликнула: "Мама!" Это была мать Логвиновой. Ее муж Воронков в списке казненных был девяносто пятый.

Так в городе узнали, что жен казненных железнодрожников куда-то увозят. Пригнали на вокзал. "Садись!" - заорали конвоиры. "Как садись?" - не поняли женщины. Показали как. На корточки. Вот так и сидели несколько часов, захлебываясь слезами, сгорая со стыда. По первому пути проходил пригородный поезд - "Ученик" - так тогда его называли. И в каком-то безумном порыве мать кинулась под паровоз. Из-под самых колес ее выхватили Софья Кудрич, схватив за волосы.

- Что ты делаешь Мария?! - шепотом кричала Софья, сидя на корточках на перроне рядом с матерью, когда от пережитого волнения, к обеим вернулся дар речи. - Впредь забудь и думать о таком. Хотя наши мужья и погибли по лживому наговору, но правда все равно восторжествует и мы еще будем жить с детьми. И мы должны сохранить себя для них... А она знала, что говорила. Ее муж был директором Читинского паровозоремон-

тного завода, крупнейшего на Востоке. В списке казненных он девяносто четвертый. А сама Софья Александровна Кудрич была на редкость волевая женщина, с высшим образованием, и до этих трагических событий много лет возглавляла женсовет Забайкальской железной дороги. Это вместе с ней мама дожна была летом 1937 года ехать в Москву на Всесоюзный слет активисток железных дорог страны. Да вот не сподобилось обеим. И это именно ее одну из всех узниц подвергли допросам с пытками. Однажды ее увели на допрос и она трое суток отсутствовала. Следователи устроили ей "конвейер", добиваясь признания в контрреволюционной деятельности. Когда Софью Александровну втолкнули в камеру, ее трудно было узнать: в изодранном платье, с кровоподтеками, с чудовищно-распухшими ногами, она не могла стоять. Оказалось, что во время допросов, ее сутками держали на высоком табурете, ноги на котором не доставали до пола, отчего они сильно распухли и нестерпимо болели. Мать положила ее рядом с собой, как могла ухаживала за ней. Несколько дней ее колотило, как в лихорадке. При каждом лязге дверей она испуганно вздрагивала. После она рассказала, что отвергла все попытки следователей заставить ее дать ложные показания. Тогда ей дали прочитать показания ее мужа, в том числе и те, где он показал и на нее, что она якобы состояла в контрреволюционной организации. Но следователи просчитались. Эти показалния мужа окончательно убедили ее в том, что все это ложь. Она поняла, что и на себя он показал под пытками.

Недавно одна из правнучек спросила пробабушку: - Как же это ты смогла под поезд, а, баба? - Так ведь восемь лет! - воскликнула мать, тряся перед лицом руками с растопыренными пальцами. Восемь лет вдали от семьи, от детей и неивестно где! Это не так просто пережить человеку вся жизнь которого посвящена семье... И было видно, что в этот момент она была там, на Читинском перроне того февраля 1938 года.

Потом было девять лет в Каргале на точке N 26 в так называемом Акмолинском Лагере Жен Изменников Родины и это название дало широко известную ныне аббревиатуру "Алжир".

В лагере мать сначала работала на разгрузке вагонов с мукой, солью, другими грузами. Потом на сельхозработах. Работала из-зо всех сил и непереставая плакала. В 1939 году разрешили написать первое письмо. Узнала, что все дети живы-здоровы, учатся и постепенно стала успокаиваться. В 1940 году, как хорошую работницу, определили на курсы животно-

водов. Преподавали на них бывшие профессора Москвы и Ленинграда. После курсов до самого освобождения работала на животноводческой ферме.

Жизнь в Алжире я не буду описывать подробно. Это сделал ранее мой друг Игорь Поль. Его отец, Леонид Эмильевич, в списке казненных - шестнадцатый. Мать его провела в Алжире почти 10 лет. Повесть о ней и других узницах Алжира называется "Оглянись со скорбью". Издать ее планирует Восточно-Сибирское издательство в г.Иркутске в 1991 году.

7 октября 1945 года окончился срок пребывания матери в лагере и в тот же день ей выдали следующий документ:

СПРАВКА N 256492

Видом на жительство не служит.

При утере не возобновляется.

Выдана Игнаткиной Марии Григорьевне, 1904 года рождения, уроженка г.П.Забайкальский, гражданство СССР, национальность - русская, осужденной по делу УНКВД ДТО им.Молотова 10 декабря 1937 года, как член семьи изменника Родины, том что она отбывала меру наказания с 7 октября 1937 года по 7 октября 1945 г. и по отбытии срока наказания из Каргала НКВД освобождена 7 октября 1945 года и следует к избранному месту жительства: Карагандинская область, Ленинский район.

Подписи

Но это избранное место жительства определило само начальство Карлага. На той же ферме. Работать там же. Так же бесплатно, за пайку хлеба. Выдавая справку, мать предупредили, чтобы берегла ее пуще глаза. "Потеряете - будете снова отбывать срок".

К тому времени мы все трое, дети Игнаткиных, окончили техникумы и уже работали. Сестры, Надя и Оля, жили и работали вместе. В 1946 году Оля, запасаясь нужными и ненужными документами, поехала в Карлаг выручила оттуда маму. С тех пор она живет в семье Нади, теперь с внучкой Таней, а сама Надя умерла в 1969 году от болезни.

В 1956 году состоялся XX съезд КПСС, вдохнувший луч надежды в души оставшихся в живых жертв сталинского террора. В 1957 году по заявлению матери были пересмотрены

дела 1937 года на отца и мать. Вот выписка из заключения по делу отца:

"УТВЕРЖДАЮ"

Главный военный прокурор

Полковник юстиции

Горный 3 июля 1957 года

Игнаткин в суде виновным себя не признал и от своих показаний с признанием вины, которые он давал на предварительном следствии, отказался, как от ложных.

Дополнительным расследованием, проведенным в 1957 году, установлено, что Игнаткин за антисоветскую деятельность был осужден необоснованно.

По материалам следствия Игнаткин был завербован Мурашкиным. Фактически Мурашкин не являлся участником антисоветской организации и впоследствии это дело было прекращено в 1939 году, и Мурашкин из-под стражи был освобожден.

Кожевников, который якобы был связан с Игнаткиным по вредительской работе, не привлекался к уголовной ответственности.

Установлено вместе с тем, что в период расследования настоящего дела в ДТО НКВД ж.д. им.Молотова имели место необоснованные аресты. Арестованные подвергались мерам физического воздействия, показания их фальсифицировались, за что бывшие сотрудники ДТО Мартынов, Семенов, Куликов и другие, принимавшие участие в следствии по делу Игнаткина и его "сооучастников" осуждены в 1940 году (мат.пр-ки л.д.17-38).

В органах безопасности данных о связях с Японской разведкой Игнаткина, Чибрикова, Колесова, а также Лозовского не имеется.

Военный прокурор отдела ГВП

подполковник юстиции Устименко

"Согласен"

Пом.главного военного прокурора

подполковник юстиции Павлов

13 апреля 1957 года.

Вот теперь все по правде. Но естественно возникает вопрос: почему "дело" Игнаткина и его "соучастников" не было пересмотрено еще в 1940 году, когда за сфабрикование этого "дела" были осуждены сотрудники ДТО НКВД ж.д. им.Молотова.

Постараюсь ответить на этот вопрос, так как те, кому сам Бог велел на это ответить (а попутно и ответить за это), молчат до сих пор.

Сталин и его окружение все эти массовые расстрелы в 1937 и последующих годах проводили с целью уничтожить наиболее активную часть народа, чтобы начисто лишить его возможности оказывать хоть какое-нибудь противление режиму. А на оставшихся живых нагнать такой страх, который на десятилетия привел бы народ к рабской покорности. Фабрикованием ложных дел и расстрелами эти цели были достигнуты.

Но почему же тогда осудили за беззаконие некоторых сотрудников НКВД?

Сталин и его окружение отмывались от крови. Отмывались все той же кровью, но конечно чужой, не своей. Вот мы наказали преступников, совершавших неправедные дела, а потому сами мы справедливые. Виноваты эти нехорошие энкэвэдэшники.

Вот почему ни о каком пересмотре "дел" в те годы и речи не могло быть.

В 1957 году дело отца было пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР и матери выдали такую индульгенцию по форме N 30:

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР
17 октября 1957 г.
N 4р-09342/57
Москва, ул.Воровского, 13

СПРАВКА

Дело по обвинению Игнаткина Александра Агафоновича, работавшего до ареста 21 июня 1937 года начальником 4-й дистанции пути станции Чита, пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 1 октября 1957 года. Приговор Военной Коллегии от 29 сентября 1937 года в отношении Иг-

наткина А.А. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Игнаткин А.А. реабилитирован посмертно.

Председательствующий судебного состава
Военной Коллегии Верховного Суда СССР
полковник юстиции Костроин.

Дело матери было пересмотрено Военным трибуналом Забайкальского военного округа.

Военный трибунал Забайкальского
военного округа
25 октября 1957 г. N 646-т г.Чита

СПРАВКА

Дело по обвинению гражданки Игнаткиной Марии Григорьевны, 1904 года рождения, до ареста (7 октября 1937 года) - домашняя хозяйка, пересмотрено Военным трибуналом Забайкальского военного округа 17 сентября 1957 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 10 октября 1937 года отменено, дело прекращено и гражданка Игнаткина Мария Григорьевна реабилитирована.

Председатель Военного трибунала
Забайкальского Военного округа
Гвардии полковник юситции Астахов

Ни слова сочувствия, ни слова извинения за причиненные "неудобства".. Ни слова покаяния.

В 1959 году по достижении 55-ти лет матери должна быть назначена пенсия за потерю кормильца. Пенсия небольшая - 38 рублей. Но ей и в этой пенсии отказали. Ее просто отказались признать женой Игнаткина, по поводу смерти которого могла быть назначена пенсия. Дело в том, что отец с матерью венчались в церкви и мать представила свидетельство.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Означенный в сем свидетельстве гр.Александр Агафонович Игнаткин вступил в первый законный брак с девицей Марией Григорьевной Сенотрусовой.

Бракосочетание совершено причтом
Тарбагатайской Троицкой церкви
января 27 дня 1922 года

Священник Иоан Сукнев

Матери толково разъяснили, что на основании этого церковного свидетельства женой Игнаткина ее признать нельзя и по этой причине нельзя назначить пенсию: неужели не понятно?! Менее вразумительно прокоментировали тот факт что в 1937 году только за то, что она была именно женой Игнаткина, властьпридержавшие разгромили ее семью, отобрали детей и на девять лет отправили в концлагерь. Ничего себе - лучь надежды!

Позже народный суд Центрального района г.Читы на основании этого свидетельства и показаний свидетелей все-таки признал факт регистрации брака отца с матерью, и она, наконец получила свою замечательную пенсию.

В 1957 году мать обратилась с ходатайством о выдаче свидетельства о смерти отца. Разные были случаи с осужденными в 1937 году. Бывало и так, что расстрелянные иногда объявлялись. На ее настойчивые просьбы в УКГБ по Читинской области провели целое исследование. Оно представляет несомненный интерес.

"УТВЕРЖДАЮ"
Зам.начальника УКГБ при Совете Министров
по Читинской области полковник Черненко
15 января 1957 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

г.Чита 14.01.57

Я, инспектор учетно-архивного отдела УКГБ при СМ СССР по Читинской области, Сандрогайлова, рассмотрев заявление Игнаткиной М.Г., ходатайствующей о выдаче ей свидетельства о смерти ее мужа Игнаткина А.А.

НАШЕЛ:

По учетам 1-го спецотдела УВД по Читинской области значится Игнаткин А.А., корторый 29.09.37 года выездной сессией осужден к В.М.Н. Приговор исполнен. Принимая во внимание, что решение Военной Коллегии Верховного Суда об осуждении Игнаткина к В.М.Н. оглашению не подлежит, а заявителница Игнаткина М.Г. просит выдать ей свидетельство о смерти поэтому

ПОЛАГАЛ-БЫ

Смерть Игнаткина А.А. оформить через областное бюро ЗАГС г.Читы, указав, что от отбывал срок наказания 29.09.37 умер от склероза сердца.

Инспектор Сандрогайлова

"СОГЛАСЕН"

Начальник УОА УКГБ

при СМ СССР

по Читинской области

подполковник Стеганцев

Умер от склероза сердца. Дескать сам виноват. Плохое здоровье имел. Вот это творчество!

Каким безразличием, презрением к человеку пронизан весь этот документ, и как от четко обозначил искусство создания лжи, так сказать обнажил всю технологию ее проoизводства. Сначала упражнения скромного инспектора (что с него возьмешь нетитулованного), но потом! - и в этом вся соль - потом это произведение удостаивается подписей двух полковников - один "Согласен", другой "Утверждает", Вот для чего полковники! Теперь уже нет никаких сомнений и еще одна "узаконненая ложь" выдается за правду. Чудовищно и непостижимо! Неужели такая "правда" будет сопровождать нас и далее.

На этом я свой рассказ заканчиваю. Прощаясь с Вами, мой гипотетический читатель, я хотел бы надеяться, что этот мой бесхитростный рассказ о судьбе одной простой советской семьи, мысленно помноженный на пару другую миллионов, заставит Вас задуматься - как сделать так, чтобы ЭТО НИГДЕ И НИКОГДА НЕ ПОВТОРИЛОСЬ!

Н.Е.Пестов

День христианина.

Главы из книги

Афонский старец Силуан, великий подвижник и молитвенник земли русской, как-то сказал: "Знай, что когда случится беда народу, и душа заплачет пред Богом за этот народ, то он будет помилован. Для этого Дух Святой коснулся души и дал ей молитву за людей, чтобы они были помилованы..." Может и рубрика "Азы духовности", которую вводит редакция сподобит на молитву о России наших соотечественников. Чтобы заплакали, заскорбели, стеная как пророки древнего Израиля на реках Вавилонских и наши души, потому что еще никогда нечисточадящий дух Вавилона не приближался так близко к России как сейчас, и грязные волны ненависти, раскола, блуда, предательства и сребролюбия, этих "младенцев Вавилона" с такой силой и яростью еще не захлестывали русскую душу. Самое время обратиться сейчас к Божественным глаголам, ибо как сказал апостол Павел "... слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его. Ему дадим отчет". (Евр.4, 12-13).

Этой рубрикой мы хотим обратить внимание наших соотечественников на духовные и почти совсем не востребованные за советское время сокровища, тысячелетием собранные нашим народом, поможем вернуться к глубинным истокам нашего национального сознания, познакомим с трудами и молитвами как русских подвижников: старцев, монахов, иереев, так и древнехристианских пророков.

А начнем с публикации работ христианина, имя которого известно лишь немногим кругам интеллигентов и верующих. Его работы ходили в безавторских списках по церковным общинам. На этих чистопереписанных тетрадках и тщательно прошнурованных отпечатанных на машинках рукописях в целях конспирации стояло - диссертация на степень кандидата Богословских наук - и любые инициалы. И лишь немногие, посвященные знали, что это труды ученого, доктора химических наук, профессора Московского химико-технологического института Николая Евграфовича Пестова. Он родился в августе 1892 года, а почил в бозе январем 1982 года. Существует в химической науке так называемая точка "Пестова" и под его началом работало много профессоров, но в самый разгар хрущевских гонений на религию профессор Пестов отказывается от ректорского поста и уходит на пенсию. Из его кабинета выносят все книги по специализации, светскую литературу, остаются только немногие, духовные книги, молитвенники и Библия. Стены его кабинета, все четыре, были сплошь увешаны иконами, это были дары друзей и пожертвования верующих, и потому окна кабинета всегда были плотно зашторены. Горели только лампады. При свете лампад творились молитвы и беседа. Старая Москва и еще "та" Россия, не забывшая Бога, лампадного огня детских, говения Большим

постом и утренних молебнов в гимназии, потаенно и молча молилась, крестила, причащалась, отпевала, беседовала вот в таких старых, плотно зашторенных полутемных квартирах. Много "прихожан" перебывало и у Пестова. Ученые, писатели, врачи, крестьяне, домохозяйки, монахи, иереи - все те, кто ничего не забыл и не предал, не мельтешил заискивая перед прогрессивными деятелями шестидесятых, физиками и лириками, громогласно орущими о великих и братских ГЭС, ЛЭП и стройках социализма, они тихие, скромно одетные люди, смиренно беседовали в этой квартире с ее мудрым и гостеприимным хозяином. Духовное чадо Пестова, врач-психиатр, иркутянин Игорь Николаевич Белов вспоминает, что однажды, войдя в кабинет крестного, он застал там на коленях молющегося генерала Советской Армии. При свете лампад Николай Евграфович и написал главный труд своей жизни "Пути к совершенной радости" опыт построения христианского миросозерцания.

В этот труд входят прекрасные, чрезвычайно нужные сейчас книги "Душа человеческая", "День христианина", "Христианский брак", "В отчем доме", "Христианское воспитание детей" и другие. Обширная святоотеческая литература лежит в основании этих трудов. Слог Пестова строг, ясен, целомудрен, глубина воззрений чиста и светоносна, так светоносна бывает у нас глубина Байкала. Все камни на дне видны, кажется, рукой достанешь, а глубь бездонная. Собранные вместе эти книги составляют стройный свод руководств, необходимых христианину в жизни. Это и юности честное зерцало, и мудрость зрелой поры, и глубокое смирение старости. Как нужны сейчас эти книги молодой ищущей душе. Как хлеб, как маяки в этой гнилой пучине вавилонского моря, выводящие заблудших на берег Спасения.

Отрекшись от науки и мирского в последние годы своей жизни Пестов нес тяжкий и очень сложный подвиг, сродный старчеству. Он и внешне был очень благообразен, собран, красив. Высокий, осанистый, с серебряной бородою, с живым ясным взором, благодатною речью, внимательный и стремительный он неудержимо влек к себе людей. Покойная Татьяна Павловна Евфратова, монахиня в тайном постриге, рассказывала мне, что многие, впервые увидев его, безотчетно и сразу подходили под благословение, принимая его за духовное лицо. О нем можно рассказывать бесконечно и не утомишь читателя, но я уверена, что окрытие его еще предстоит всем нам. Книги его выйдут и займут свое место в Православной библиотеке вашего дома, а о нем самом напишут более близкие ему люди, те, с которыми он жил, работал, дружил, окормлял их духовно, дарил внимание и радость общения с ним. А пока предлагаем вам главы из его работы "День христианина". Кроме того письма Николая Евграфовича из своей личной переписки с ним любезно предоставил нам Игорь Николаевич Белов. Мы выбрали из работы Пестова главы о тех испытаниях, которые обычны для всякого человека и христианина во все времена, но, кажется, особенно внимательно следует прочитать эти страницы в наше беспокойное время. А из переписки те письма, которые определяют воззрения Николая Евграфовича на современность и его понимание нравственности, любви, долга. Кроме того сквозь строки этих писем как бы проступает благородный и высокий лик самого Пестова.

Валентина СИДОРРЕНКО.

Глава 17-я.

Дни нужды и материальных лишений.

"Не бедных ли мира избрал Бог".

(Иак. 2,5)

Многим из христиан приходится переживать в течение своей жизни дни нужды и материальных лишений.

Можно сказать, что у большинства истинных христиан нет больших излишков материальных благ - они не подобают им. Господь повелел: "продавайте имения ваши и давайте милостыню". (Лук. 12,33)

Поэтому христианам надо поступать так, как поет пророк Давид: "расточил, раздал нищим, правда его пребывает во веки; рог его вознесется во славе" (Пс. 111,9)

Господь обычно не спосылает Своим рабам опасного для человека богатства ("трудно богатому войти в Царство Небесное" - Матф. 19,23) и ведет чаще всего христианина тем путем, который характеризуется словами из книги Премудрости Соломона: "Нищеты и богатства не давай мне, - питай меня насущным хлебом. Дабы пресытившись, я не отрекся от Тебя и не сказал: "Кто Господь?" и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе" (Пр.30,3-9).

Ап.Павел пишет к Тимофею: "Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться, впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу" (1 Тим.6,8,9).

Как говорит о.Иоанн С .(x): "Бог мог бы сделать всех достаточными, даже богатыми, но тогда бы произошло великое забвение Бога, умножилась бы гордость, зависть и пр. И ты как возмечтал бы о себе, если бы Господь сделал тебя вскоре праведником.

Но как грех смиряет тебя, показуя тебе великую твою немощь, мерзость и непрестанную нужду в Боге и Его благодати, так нищего смиряет нищета и нужда в других людях.

Если обогатить нищих, то многие, многие из них забудут Бога и благодетелей своих, погубят души свои в роскоши мира сего. Так пагубно богатство и так ослепляет оно очи сердечные. Оно делает грубым и неблагодарным сердце".

Вместе с тем и избранным Своим Господь попускает впадать иногда в нищету для того, чтобы более наградить их за подвиг терпения. И в этом случае пусть христианин не прилагает особых усилий, чтобы добиться большого достатка.

Преподобный Серафим так говорил новоначальницам Дивеевской общины: "я мог бы сделать вас богатыми, но это для вас неполезно".

А Старец Силуан пишет: "будь доволен тем, что имеешь, хотя бы и ничего ты не имел. Будь доволен и благодари Бога, что у тебя ничего нет. Будь доволен тем, что ты слу-

(x) Прав.Иоанн Сергиев Кронштадский. - Прим.ред.

жишь Богу, и Он поставит тебя со Святыми".

Как пишет Еп. Феофан Затворник - "Что же наша доля, как ни Божья воля? - и довольство (материальное) и скудость, посылаемая нам Богом, несомненно, даются нам в видах нашего спасения".

Из средств, способствующих выйти из нужды, христианину надо проявить осторожность при занятии в долг. Здесь также надо проявить веру, как и при пользовании лекарствами, и думать: "если бы Господу было угодно, то Он Сам послал бы мне все, что необходимо мне по нужде моей".

Надо вспомнить случай, когда преп. Сергий целый день голодный работал над постройкой сеней одного инока и взял плату за них "лукошко заплесневелых хлебных корок"лишь когда кончил работу, хотя инок предлагал ему хлебные корки и до окончания работы.

Но если уж христианин решается просить в долг, то пусть смиренно просит об этом, как о милостыне ему. Он не знает - будет ли он в состоянии отдать благодетелю: может быть он ранее умрет или впадет в дальнейшем еще в.большую нужду.

Поэтому он может просить лишь при действительно крайней нужде, просить не более того, в чем сейчас нуждается и благодарить дающего ему в долг так, как будто тот дарит ему. Это, конечно, не исключает необходимости заплатить долг в назначенное время.

Известный английский благотворитель - Георг Миллер имел в жизни правило - ни одного из своих добрых дел не начинать в долг.

На его долю выпало счастье - создать приюты для 2000 человек бездомных сирот.

Он рассказал, что когда он встречался с нуждой в средствах для какого-либо доброго дела, то он не прибегал к займам и не просил средств у людей, а начинал усердно молиться об осуществлении предполагаемого дела.

И, по его свидетельству, Господь всегда слышал его молитву, посылал нужные средства и давал ему возможность осуществить доброе дело, не прибегая к долгам.

В тех случаях, когда неоплаченный долг тяготит душу заимодавца и вызывает его беспокойство, то это не может не сказаться и на душе того, кто взял в долг, лишая ее мира и спокойствия.

А.С.Н. передает следующий рассказ:

Одна послушница Шамординского монастыря увидела во сне подругу, также послушницу, умершую назад 40 дней.

Покойница сказала: "я пришла попросить прощения у такой-то женщины. Я ей осталась должна 10 коп. Но чтобы исправить это, я и отпущена, да и то на короткое время".

На другой день к послушнице явилась та женщина, справилась о покойнице и, узнав, что она умерла, жалела о потерянных деньгах. Чтобы долг не беспокоил покойницу, послушница уплатила 10 коп. сокрушавшейся о них женщине.

Так и малый долг лишил мира душу покойницы, так как давшая 10 копеек не имела сил простить долга и забыть о нем.

Глава 18-я.
Дни болезни и немощи тела.

1. "Вот ты выздровел, не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже" (Иоан.5,14)

2. "Я благодушествую в немощах... когда я немощен, тогда силен". (2 Кор.12,10).

В течение жизни многие дни человек должен проводить в болезнях и немощах тела. Как говорит Пророк Давид - "дней лет наших семьдесят лет; а при большей крепости восемьдесят лет; а самая лучшая пора их - труд и болезнь" (Пс. 89, 10).

Болезни и немощи не чужды и христианину вместе со всем человеческим родом.

По существу несчастье для человечества составляет не болезнь, а причина ее - болезнь души - страсти и грех, которые и лежат в основе болезни тела.

Как пишет о.Иоанн С.: "Все наши болезни суть наказание Божие за грехи; они очищают, примиряют нас с Богом и вводят снова в любовь Его".

Поэтому болезнь есть как бы напоминание нам от Господа про нашу более страшную беду - поражение грехом нашей души. Отсюда для излечения болезни нужно прежде всего покаяние. Господь прежде чем исцелить расслабленного простил ему его грехи (Мар. 2,3,12).

А когда он исцелил у "овечьей купели" болевшего 38 лет, то сказал ему: "вот ты выздоровел, не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже" (Иоанн.5,14).

Отсюда можно думать, что исцеление от болезней по молитвам Церкви или праведника ведет к прощению грехов и как результат этого следует выздоровление (Мнение о.Александра Ельчанинова).

Однако, болезнь и немощь - удел не только больших грешников. Более того, - слабое, болезненное состояние тела типично для носителей высокого Духа.

Господь сказал ап.Павлу: "Сила Моя совершается в немощи", и ап.Павел говорит о себе, что не благодушествует "в немощах, в обидах, нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа: ибо когда я немощен, тогда силен" (2 Кор.212,9-10).

Святые отцы считают вообще упитанность тела и избыток в нем физической силы препятствием к духовной жизни; на этом строится необходимость суровых аскетических подвигов для тех, кто хочет жить жизнью Духа и имеет слишком здоровое тело.

А вот и еще благое следствие болезней, про которые так писал Московский митрополит Филарет:

"Не бесполезно в болезни испытывать чувство отрешения от мира, чтобы и после болезни придерживаться этого чувства. Не удивительно, если чувство это не так легко при-

ходит после болезни, как во время болезни: в болезни Бог дарует его на потребу немощному, а в здравии требует, чтобы он подвизался обрести его".

Вот почему и праведники благодушно терпят и переносят свои немощи и болезни. Многие из них не считали даже нужным лечиться при болезнях.

Обоснование этого мы находим у преп.Макария Великого, который так пишет одному иноку. (х)

"Если веровал ты, что вечные и неврачуемые язвы бессмертной души и греховные болезни врачуются Христом, то уверовал бы, что Он силен уврачевать и временные телесные немощи и болезни, и к Нему Одному прибегал бы, презрев врачебные пособия и услуги...

Но, конечно, скажешь мне следующее: Бог на врачевание тела дал земные травы и лекарственные вещества, и для телесных немощей приготовил врачебные пособия...

И я согласен, что это так... но Господь к отраде и уврачевания тела, к удовлетворению нуждам его дал врачебные лекарства людям мирским и всем внешним; из дозволил пользоваться сими средствами, потому что они не в состоянии еще всецело вверять себя Богу.

А ты, инок, пришедший ко Христу, возжелавший быть сыном Божиим и родиться свыше от Духа... должен приобрести новые некие и необычайные пред всеми мирскими людьми и веру, и понятие и жизнь".

Некоторые святые не только не прибегали к врачебным средствам, но даже не осмеливались просить Бога об избавлении от болезни.

Так, однажды к преп.Пахомию пришел его ученик Феодор, мучимый жестокой головной болью, и просил преподобного, чтобы он молитвой своей утолил сильную головную боль. Но преподобный отвечал ему: "думаешь ли ты, что эта боль или другое подобное мучение приключается без воли и попущения Божия? Терпи и когда Бог благоволит, Он поможет и исцелит тебя".

Старцы преп.Варсонофий Великий и Иоанн также советовали своим ученикам, при наличии достаточной веры, при болезнях не лечиться у земных врачей, а предавать себя всецело Господу "Врачу душ и телес наших" (Отв.529).

Так преп.Вассонофий пишет: "О здоровье сына моего духовного могли бы помолиться Богу некоторые из находящихся здесь Святых, чтобы он не был болен ни одного дня, - и это исполнилось бы, но тогда он не получил бы плодов терпения".

Однако, в другом случае преп.Варсонофий Великий молил Бога об ослаблении телесных страданий одного своего ученика. Но в этом случае он услышал такой ответ от Бога: "оставь, да испытаю его для пользы души его, и да откроется через телесное страдание, каково терпение его, и что он должен наследовать за мольбы и труды".

Вот почему не лечился также и преп.Серафим Саровский. Он около трех лет страдал от водянки и половину этого времени провел в

(х) Беседа 48 "О совершенной вере в Бога".

постели. При крайнем обострении болезни, настоятель Саровской пустыни предложил Преподобному пригласить врача. Преподобный отвечал ему:

"Я предал себя, отче святый, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня убогого Господа ради небесным врачеством" (т.е. причастием Святых Таин).

По принятии Святых Таин Преподобному явилась Богоматерь и исцелила его прикосновением руки.

В другой раз, когда Преподобный лежал в изнеможении после избиения его разбойниками, он также был удостоен явления ему Божией Матери. При этом Богоматерь сказала в сторону врачей: "что вы трудитесь?" Очнувшись от забытья, Преподобный опять отказался от помощи врачей и после видения стал быстро поправляться.

Преп.Варсонофий Великий говорит: "покаянием можешь избавиться от наказательных болезней... будучи болен, я никогда не ложился и не оставлял своего рукоделия, хотя и сильные болезни меня постигали. Но незадолго, до того, как я заключился в келию, тщеславие ухитрилось и не стало допускать ко мне болезней; скорблю теперь, желая терпения, а что терпеть, не знаю".

Следует упомянуть также о том, что св.Отцы предлагают освящать принимаемое лекарство (как и все, чем пользуется христианин). Так, преп.Варсонофий Великий рекомендовал одному ученику принимать лекарство - розовое масло со святой водой.

Тот же старец при болезнях не советует усиленно просить об исцелении. Он говорит: "нехорошо с усилием молиться о том, чтобы получить исцеление, не зная, что тебе полезно. Предоставь это сказавшему: "знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прощения" (Мф.6-8). Помолись же Богу, говоря так: Владыко, я в руках Твоих, помилуй меня по воле Твоей, и если мне полезно, исцели меня вскоре".

Проси помолиться о том же и Святых и веруй несомненно что Бог сотворит полезное для тебя, и благодаря Его во всем вспоминая слово Писания - "за все благодарите" (Фес. 5,18) и получишь пользу душевную и телесную".

Итак, в болезнях нам также надо надеяться всего не столько на помощь земных врачей, сколько на милость Божию и для того приносить покаяние и искать исцеления в таинствах исповеди, причащения и елеосвящения.

Следует всегда помнить, что лечится ли христианин у врачей, или не считает нужным это делать, - самым важным является во всех случаях смиренное упование на прощение грехов и милосердие Божие. Об этом так говорят старцы Варсонофий Великий и Иоанн: "Те, которые прибегают к врачам и которые не прибегают к ним, поступают так в надежде на Бога. Прибегающие говорят: "во имя Господне вверяем себя врачам, да через них Бог подаст нам исцеление".

А неприбегающие в надежде на имя Его не прибегают к ним, и Он врачует их. Итак, если ты употребишь врачевание не согрешишь; а когда не употребишь, не высоко-

мудруствуй. Знай же, что хотя бы и к врачам прибегнешь, но будет лишь то, что угодно воле Божией".

О том же говорит так и Старец Силуан со Старого Афона:

"Душа, предавшаяся воле Божией, легко несет всякую скорбь и болезнь, потому что и в болезни она молится и созерцает Бога. "Господи, Ты видишь мою болезнь. Ты знаешь, как я грешен и немощен, помоги мне терпеть и благодарить Твою благость". И Господь облегчает болезнь, и душа чувствует Божию помощь и бывает весела перед Богом и благодарна".

О подобной помощи болящим говорят Святители Иоанн Златоуст и Амфросий Медиоланский.

Они утверждают, что Бог особо близок Своею благодатию к находящимся в скорбях, печалях и болезнях. Он посещает их, услаждает их невзгоды различными радостями и милостию Своею, подобно тому, как это делают милосердные женщины, услуживая болящим и тем доставляя им облегчение в болезни и успокаивая их своим состраданием и любовью.

Следует упомянуть, что и при нежелании искать помощи у врачей христианин может погрешить; и в этом деле, как и во всяком, христианину нужна также рассудительность.

Примером этому может служить случай с одной духовной дочерью известного московского пастыря о.Валентина Амфитеатрова.

Она сильно болела глазами, но не хотела лечиться и настойчиво просила о.Валентина, чтобы тот исцелил ее глаза своей молитвою.

Видя в этом желании чудесного исцеления отсутствие смирения и проявление гордости, о.Валентин отказался молиться за нее и предложил ей обратиться к врачам, т.е. идти путем, как идут все люди.

Старец о.Нектарий Оптинский указывал, что в "исповедальной книжке есть вопрос - "не пренебрегаешь ли ты лечением", и добавляя "И доктора от Бога и лекарства тоже".

Вот еще несколько примеров, как старцы относились к болезням:

В своих записках Старец Силуан со Старого Афона пишет:

"Тому, кто предался на волю Божию, жить много легче, потому что и в болезни, и в бедности. и в гонении - он думает: "так Богу угодно, и мне за грехи нужно терпеть". вот у меня много лет болит голова, и трудно мне терпеть, но полезно, потому что через болезнь смиряется душа. Душа моя пламенно хочет молиться и совершать бдения, но болезнь мне мешает, потому что больное тело требует покоя и отдыха: и я много просил Господа исцелить меня, но Господь не послушал меня, значит мне не на пользу.

Вот и другой случай со мной был, и Господь скоро услышал меня и спас. Однажды в праздник в трапезе дали рыбу. Когда я ел, кость вошла в горло, очень глубоко в груди. Я призвал святого великомученника Пантелеимона, прося исцелить меня, потому что доктор не сможет вынуть кость из груди. Когда я сказал "исцели", получил ответ в душе: "выйди из трапезы, надуйся и кость выскочит вместе с кровью".

Я так и сделал: вышел, надулся, кашлянул, и кость большая с кровью выскочила. Понял я, что если Господь не исцеляет мою голову, значит для души полезно так болеть."

Учитывая эту пользу душе от болезней, Оптинские старцы рекомендовали многим "подлечиваться", а не лечиться, т.е. искать лишь восстановления трудоспособности, а не совершенного избавления от болезней.

Вот как к болезни относился праведник и великий молитвенник о.Иоанн С.: ""Ты просишь у Господа, чтобы тебе любить Его любовию, как смерть крепкою, или до смерти. Внемли, вот Господь посылает тебе лютую внутреннюю болезнь, приближающую тебя к самой смерти.

Не ропщи же на Господа, но терпи ее мужественно, с благодарением Господу за это отеческое Его посещение, это будет значит то, что ты называешь любовью к Богу, как смерть крепкою. И при сильных ударах или корчах болезни уповай, что Бог не только от болезни, но и от самой смерти силен избавить тебя, если Ему угодно... Когда же видишь болезненное разрушение тела, то говори: Господь дал, Господь и взял, да убудет имя Господне благословенно" (Иов.1,21). Ты привык смотреть на тело свое как на неотъемлемую собственность, но это крайне неправильно, потому что твое тело - Божье здание...

Не пощади же, не возлюби для Него тела своего тленного, но отдай его добровольно и всецело Господу - в волю наказующего тебя Господа, как Авраам сына своего Исаака во всесожжение, не теряя веру в благость Божию, не упадая духом, не показывая Богу устами безумия, якобы неправильно тебя так сильно наказующему - и ты принесешь великую жертву Богу, как Авраам, или как мученик...

Итак, терпи великодушно свою болезнь и не только не унывай, напротив, если можешь, радуйся своей болезни... Радуйся тому, что Господь взыскал тебя временным наказанием, да очистит душу твою от грехов...

Радуйся, что не предаешься тем страстям, которым предался бы, будучи здоров. Радуйся, что несешь крест болезни и, значит, идешь "узким скорбным путем, ведущим к Царству Небесному".

А вот что про болезни пишет о.Александр Ельчанинов:

"Болезнь не несчастье, а поучение и Божие посещение. Больного преп.Серафима посетила Матерь Божия, и нас, если мы смиренно переносим болезни, посещают высшие силы...

Болезнь - самое благоприятное время для возвращения своего сердца к Богу. С выздоровлением эта возможность опять отходит в бесконечную даль...

Сколько прошло перед моими глазами случаев, когда безнадежно плотские люди, под влиянием болезни, делались тонкими, одухотворенными, умилительными".

При болезнях и скорбях следует учитывать, однако, и следующее предупреждение о.Иоанна С.:

"В болезни и, вообще, в немощи телесной, равно как и в скорби, человек поначалу не может гореть к Богу верою и любовию, потому что в скорби и болезни - сердце болит, а вера и любовь требуют здорового сердца; поэтому и не надо очень скорбеть о том, что в болезни и скорби мы не можем, как бы следовало, веровать в Бога, любить Его и усердно молиться Ему. Всему время. Иногда и молиться не благоприятное время".

Глава 19-я.
Смерть близких.

"Не хочу же оставить вас, братия, в неведнии о умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды". (1 Фес. 4,13).

Когда человек долго и тяжело страдает перед смертью (например, при болезни рака), это считается духовными людьми хорошим признаком милости к нему Бога и предзнаменованием спасения его души (Есть поговорка: "За рак - в рай попадешь").

Наоборот, внезапная смерть без болезни и без возможности приготовления к ней покаянием считается неблагоприятным признаком.

Последнее, впрочем, не имеет отношения к смерти праведников, которые ко времени отхода с земли подвигами благочестия приготовлены для Царствия Божия (вспомним, например, о кончине преп.Серафима Саровского).

Вместе с тем, как пишет Еп.Игнатий Брянчанинов, - "Внезапная смерть не случается с людьми, желающими очистить себя покаянием, хотя бы они по временам и побеждались своими немощами".

Как пишет о.Александр Ельчанинов:

"Рождение мистично - к нам приходит вестник из другого мира.

Смерть близких еще сильнее будит в нас мистические чувства - уходя от нас, они из ткани нашей души протягивают за собой длинный провод и мы уже не можем жить только этим миром - в наш теплый уютный дом поставлен телефонный аппарат в бесконечность...

Смерть близих - опытное подтверждение нашей веры в бесконечность. Любовь к ушедшему - утверждение бытия другого мира. Мы вместе с умирающими доходим до границы двух миров - призрачного и реального: смерть доказывает нам реальность того, что мы считаем призрачным и призрачность того, что считали реальным...

Зрелище смерти всегда поучительно. Какая бы она ни была, она всегда - чудо и таинство. Наша мысль, а если это близкий человек, - наша любовь, вместе с умирающим, как будто переступает эту грань, заглядывает в иной мир и удостоверяется в его существовании.

Советы близким умершего: оторвать свои чувства и боль от телесности, которая пойдет в землю, не терзать себя воспоминаниями земных чувств и земных радостей, связанных с умершим, а перешагнуть, хотя бы мысленно, с умершим в тот мир, утешаться любовью близких с совместными молитвами, дать отдых своим нервам и своему телу...

Скорбь по умершему - неверие, язычество. Надо придти к христианскому ощущению реальности Царства Небесного...

У умерших наступает непосредственное ощущение и видение духовных сущностей, нападение демонов и т.д.

Наше горе, смущение, слезы, а иногда и отчаяние усугубляют смущение души: ведь она еще очень близка к нам, она - одно существо с нами, и если при жизни закрытая телом, она не всегда чувствовала душевное состояние близких, то сейчас она особенно беззащитна против нашего отчаяния, усиливающего ее смущение.

Вот почему наш долг перед почившими - оказать им помощь при-

ведением себя в состояние молитвы - гармонического светлого вибрирования, которое распространяется и на них.

Всякая смерть - урок для нас оставшихся: она чудо, как и чудо рождения: "како предахомся тлению": она - напоминание о нашей близкой смерти, и в построении плана нашей жизни...

Пусть наша вера и вообще наша духовная жизнь слабы, но ведь наша любовь к почившим, ведь она-то не слаба; ведь и от того и скорбь наша так велика, что велика наша любовь.

Так пусть она же, эта наша любовь выведет нас из мрака скорби. Напряжением нашей любви переступим и мы тот роковой пjрог, который переступили они. Войдем усилиями нашего воображения в тот мир, в который вступили они, дадим в своей жизни больше места тому, чем они сейчас живут, - и постепенно, незаметно наша печаль обратиться в радость, которую никто от нас не отнимет".

Есть одна склонность у христиан, которую они заимствуют у неверующих людей мира: это стремление скрыть от умирающих близких серьезность их положения и близость смерти.

Господь посылает длительные предсмертные болезни, как последнее средство, служащее для спасения души: Он хочет, чтобы в это время душа задумалась бы над жизнью, заглянула бы в себя, осознала бы свою нечистоту и непригодность для вечного блаженства, ужаснулась бы своему недостоинству, и в страхе вспомнила бы о Боге и с покаянием и надеждой на Его милосердие устремила бы к Нему свое сердце.

Этому благому промыслу Божию очень часто мешают близкие тяжело больных.

Как пишет Еп.Феофан Затворник: "Благоразумие окружающих болящего не должно бы, повидимому, отвлекать его внимание от мыслей - "не умереть бы".

Но у нас, по обыкновению, в большинстве подобных случаев, всячески стараются как бы разуверить больного в грозящей ему опасности, хотя нередко и сами сознают, что больной безнадежен. Понятно, что такое лицемерие у постели болящего, как и чем не оправдывай его, кроме нравственного вреда ничего не может ему принести, а нередко и самих, так неуместно лицемерящих, в случае неожиданно ускорившейся смерти больного, без должного христианского напутствия, подвергает тягчайшей скорби.

Мало разве умирают у нас без надлежащего подготовления исключительно лишь по нерадению окружающих больного родственников?

И допустившие такую неосмотрительность, не убиваются ли горем, иногда целую жизнь, считая себя виновными в том, что допустили своего близкого человека умереть без христианского приготовления?"

Также и Оптинские Старцы считали, что врач обязан предупредить больного о приближении смерти.

И, очевидно, не только скрывать не надо опасность перед больными из христиан, но даже может быть несколько преувеличивать ее и говорить, что нельзя иметь надежды ни на лекарства, ни на врачей, так как последние только люди.

Есть случаи из жизни подвижников благочестия, когда они предсказывали скорую смерть

кому-либо из близких к ним, причем эти предсказания потом не оправдывались.

Но те, кому они предсказывали, были впоследствии им глубоко благодарны. Это предсказание заставляло их во время - еще когда у них были и время и силы - покаяться, изменить свой образ жизни и в усиленных духовных подвигах приготовить себя к переходу в иной мир.

В тех случаях, когда хотят прекратить или облегчить предсмертные страдания больного, надо прибегать к усиленной молитве о нем.

Преп.Афанасий Афонский, в тех случаях, когда узнавал духом, что какому-нибудь больному иноку его монастыря исцелиться не было воли Божией, то совершал всенощное бдение и просил Бога, чтобы Он, как благоутробный, успокоил его, избавляя таким образом и больного от мучений и окружающих от тяжести длительного ухода за больным.

И к утру, когда молящиеся кончали свои молитвы, кончал обычно свою жизнь и больной.

Здесь следует, однако, заметить, что чего бы ни просили молящиеся, им следует заканчивать свою просьбу так, как заканчивал свою молитву Господь в Гефсиманском саду:

"Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет" (Мф. 22,42).

Глава 2-я.

Подготовка христианина к смерти своего тела.

"В чем застану, в том и сужу" (слова Господа по преданию).

Иногда слышишь от некоторых верующих пожелание умереть. Какое неразумие.

Наши короткие дни жизни - это бесценное сокровище, которое надо использовать как можно лучше, чтобы в течение этих коротких мгновений (по сравнению с вечностью) "собрать" для "неба" (Мф.6,20) как можно больший духовный капитал - запасти побольше духовного елея". (Лук.19,23. Мф.25,1-13).

И готовы ли мы к переходу? Хватит ли нам там наших "духовных запасов"? А может быть мы совсем еще не подготовлены к возвышенным ощущениям жизни духа?

Поэтому надо дорожить каждым днем жизни в теле, а время смерти последнего предоставить Господу.

Положим, кто-нибудь из нас заразил бы палец чумой и узнал бы от врачей, что для спасения своей жизни ему надо продержать свой палец 10 секунд на огне. Неужели не потерпел бы он эти 10 секунд, как бы больно ни было?

А наша жизнь, по сравнению с вечностью, не короче ли 10-ти секунд? Почему же не хотим мы перетерпеть в ней немного и провести ее так, как велит Господь - в беззаветном служении ближним, в молитве, в тщательном соблюдении всех Божиих заповедей, не пренебрегая самой малейшей из них?

Но мы в этом отношении так неразумны и близоруки, что продолжаем вести себя как самые малые дети.

Вместе с тем, мы не можем сказать, что мы не боимся смерти тела.

Говоря об обывательском отношении к смерти, о.Иоанн С. пишет: "Что для человека всего ужаснее? Смерть? Да, смерть. Всякий из нас не может без ужаса представить, как ему придется умирать и последний вздох испускать. А как терзаются родители, когда умирают их любезные дети, когда они

лежат перед их глазами бездыханными?"

О том же говорит и о..Александр Ельчанинов:

"Смерть всегда зло и ужас, будет ли это смерть старика или ребенка, грешника или праведника. Смерть всегда победа дьявола, временная, но все же победа. Тело наше, созданное для бессмертия, подчиняется злому закону смерти, отделяется от души, распадается, обращается в ничто.

Грехом смерть вошла в мир, - она входит в нас с детских наших лет, она бороздит морщинами греха лицо, заставляет погасать живой огонь глаз, делает расслабленным тело... Но смерть, самое страшное для человека, - верующему не страшна, как не страшны для крылатого существа все бездны, пропасти и падения".

Но по маловерию многие и из христиан бывают заражены взглядом на смерть безбожного мира, который считает смерть величайшим из бедствий и некоторые даже надеются, что некогда она может быть будет преодолена наукой.

Когда молятся в церкви о даровании нам "христианския кончины живота нашего" - молятся о даровании нам возможности подготовки к смерти, покаяния перед ней и причащения Святых Таинств непосредственно перед смертью.

Предание оставило нам слова Господа: "в чем застану, в том и сужу".

Здесь указывается на возможность того, что смерть застанет нас в такой момент, который будет решающим для нашей судьбы и вечности. Благо, если смерть застанет нас за добрым делом - в молитве, в состоянии покаяния, в примирении со всеми людьми и т.д.

Очевидно, что душу нашу постигнет тогда, по словам Господа, светлая, светлая участь. Но горе, если смерть застанет нас в состоянии совершенного и нераскаяного смертного греха, или где-либо в увесилительном месте, во вражде с кем-либо и т.п.

Ведь не случайный момент выбирает Господь, посылая нам смерть. И тогда сама обстановка смертного часа будет для нас осуждением. Отсюда будет понятным то, что Старцы Старого Афона не считают возможным судить о праведности иноков ранее того времени, когда они увидят, как иноки умирают.

Обычно людям Бог не открывает часа их смерти, так как это им неполезно. Об этом так пишет преп.Варсонофий Великий одному состоятельному больному, запросившему его о том, будет ли он жив или умрет - раздавать ему свое имение, или делать это еще рано?

"Если я скажу, что ты умрешь, то спасение твое будет как бы вынужденным; потому что видя себя в устах смерти, ты, как бы по необходимости, откажешься от своего имения. А если ты еще надеешься долго жить, и, пожелав спастись, утвердишь мысль твою во благом (т.е. раздашь имение), то хотя и тотчас умрешь, спасение твое будет по твоей свободной доброй воле".

Однако, многим из достигших святости Господь открывал о часе их смерти заранее.

Более того - некоторым из них дана была даже возможность самопроизвольно отдалить этот час. Так было с преп.Иоанном, сподвижником преп.Варсонофия Великого.

Когда он сказал молодому игумену Елиану о том, что он (Иоанн) умрет через неделю, то Елиан стал умолять его отсрочить день кончины, чтобы наставить его - Елиана в управлении монастырем. И преподобный, сжалившись над Елианом,

остался жить еще лишние две недели.

С другой стороны в истории Церкви имеются случаи и добровольного приближения дня своей кончины.

К праведнице - молодой истальянской девушке Джемме Гальтани некоторые христиане обращались с просьбой - обратить на путь покаяния близкого им человека, погибающего во грехах.

Джемма начинала усиленно за него молиться, и в качестве умилостивления за его грехи, просила Господа сократить срок ее жизни на известное количество лет.

Господь внимал ее молитвам, нераскаянные грешники действительно каялись и совершенно изменяли свою жизнь. Но, в связи с этим, Джемма умерла в раннем возрасте.

В истории и православной - русской Церкви описаны случаи сокращения жизни по послушанию и молитвам Святых и праведников. Так умерла любимая духовная дочь преп.Серфима Саровского - Елена Васильевна Мантурова.

Вот как описывается ее смерть в "Летописи Дивеевского монастыря" (стр.394):

Призвав Елену Васильевну, Преподобный сказал ей: "Ты всегда меня слушала, радость моя, и вот теперь я хочу тебе дать одно послушание.... Исполнишь ли ты его, матушка?"

На согласие Елены Васильевны Преподобный склазал: "Вот видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец то твой болен и пришло ему врлемя умирать, а он мне еще нужен для обители нашей... Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила Васильевича".

"Благословите, батюшка", смиренно отвечала Елена Васильевна.

С того же дня она захворала и вскоре умерла.

Такие же два случая, умирания за других, по молитвам московского протоиерия Валентина Амфитеатрова описываются и в жизнеописании этого великого пастыря и светильника благочестия наших дней (Изд.1912 г.)

Таинственна воля Божия, от которой зависит день кончины человека. Однако, в описанных выше случаях смерти за других можно видеть очевидную целесообразность в исполнении подобных просьб духовных пастырей. Те, кто умирали, были вполне уже готовы к смерти.

Добровольная же и преждевременная кончина лишь увеличивала их венцы по заповеди Господней "нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоан.15,13).

Те же, кому по молитвам пастырей продлевалась жизнь, очевидно, также духовно много выиграли, имея возможность еще более приложить к своим трудам новые труды ради Господа и тем более очистить свою душу от греха.

Велики и радостны обетования Христа для тех, кто последовал за Ним: "Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (1 Кор.2,9). Эти сокровища не временные, а вечные. И каждый может приобрести их. Для этого христианин должен жить так, чтобы дерзновенно сказать с ап.Павлом: "Для меня жизнь - Христос, и смерть - приобретение". (Фил.1,21).

И тогда вместо скорбной песни - "Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть", - у христианина в душе зазвучат другие победные слова ап.Павла: "Смерть - где твое жало? Ад - где твоя победа?" (1 Кор.15,55).

ПИСЬМА

Дорогой Игорь Николаевич!

Ваше письмо получил лишь 24-го января - долго шло. У нас все благополучно: Зоя Вен, чувствует себя вполне удовлетворительно, дети хорошо учатся и все мы справляемся с нашими делами.

Давно не видал Дим.Евг.(х) и не знаю - видался ли он с Л.И.

Относительно ее "скептицизма" - надо его потерпеть. Этот "скептицизм" разлит повсюду, всех он затопляет и без "особой помощи" его преодолеть невозможно.

Вполне с Вами согласен, что Тат.Пав.(хх) очень редкий человек и действительно "чудесный".

Согласен с Вами, чо "количество добрых дел пропорционально духовному благостоянию". Однако в жизни ударение надо делать прежде всего на благосостоянии, а добрые дела лишь следствие, которого может и не быть, и это от человеа не зависит (например, про болези, старость и т.п.) Обладать "опытом", его понимать и его помнить - это великое дело.

И еще великое дело - это к каждому человеку относиться так, как будто я его вижу последний раз в жизни - т.е. с максимальной любовью или в других случаях (когда любви не чувствуешь), то с максимальной приветливостью, вниманием, сочувствием и доброжелательством.

Все это я пишу не потому, что Вы этого не имеете - нет, это я у Вас видел в большей степени, чем у других, но я ставлю себе такие и - увы! - так часто замечаю, что я этого не достиг.

Будем надеяться, что мы Вас в мае увидим и можно будет и о личном рассказать и от Вас услышать. Зоя Вен (ххх) и дети шлют Вам сердечные приветы: дети Вас часто вспоминают - Вы произвели на них сильное впечатление.

С сердечным приветом Ваш Н.П-ов.

4.2.66 г.

* * *

Дорогой Игорь Николаевич!

Простите, что несколько задержался с ответом на Ваше последнее письмо от 28.1.

Письмо было интересно, и пробудило у меня ряд мыслей. Вы пишите, что "до сего для меня еще трудно бороться и т.д." и что "часто они одерживают надо мною верх".

Приготовьтесь к тому, что это все продолжится у Вас, как и у всякого "борющегося" - вплоть до самой смерти. Совершенствование - это такая лестница, у которой нет конца и последующие ступени делаются все труднее и труднее. Открываются все новые горизонты своих недостатков,

все более закоренелых и привычных, у которых все более глубокие корни, поэтому и вырывать эти "плевелы" из души все труднее.

А "критику" не только надо "не терпеть", а ее надо искать, с ней очень и очень считаться. Ведь это свет на потемки нашей души, в которой мы очень плохо сами разбираемся.

"Трудно быть прахом, попираемым всеми" - пишите Вы.

Уж это такая сложная и трудная должность, на которой Вы работаете - и это все неизбежно. Но кроме неприятностей в ней есть и положительные стороны: у того, у кого "руки на всех" - есть возможность многим помочь, а это дает и радость и бодрость, и большое внутреннее удовлетворение. Учитесь "всех успокаивать" и тогда жизнь Ваша пройдет не напрасно.

Рад, что количество "друзей" у Вас прибывает. Я сам хорошо чувствую верность русской поговорки - "не имей сто рублей, а имей 100 друзей".

Очень рад, что Нина xxxx) Вас поддерживает. А что душа у ней "своеобразна", то не удивляйтесь: души женщин сильно разнятся от наших и у них действительно свои, особые пути к "становлению". Изучайте ее душу и ее психологию.

Чему я еще более рад, так тому, что на Нину Татьяна Пав. произвела самое благоприятное и сильное впечатление. Это залог того, что миросозерцание Т.П. Нине и нравится и она готова за ней следовать. Как бы хорошо было, если бы Т.П. почаще вас навещала. Я буду просить ее об этом.

Ваши последние слова о "помощи" - всегда в моем сердце и на нее Вы можете всегда расчитывать.

У нас все по старому: и я и З.Вен. пока на ногах и справляется со всеми нашими делами. Но мысли о неизбежном рано или поздно переселении в другой мир все чаще приходят на сердце и к этому надо, очевидно, готовиться.

Давно Вас не видел лично - как бы хорошо Вам слетать в командировку в Москву. Вы не пишите - как дела с аспирантурой (заочной) и Вашей работой по диссертации.

Дим.Ев. иногда заглядывает и кажется совсем здоров.

С сердечным приветом Ваш Н.П-ов.

16.2.67 г.

* * *

Дорогой Игорь Николаевич!

Простите, что несколько задержался с ответом на Ваше письмо от 6.11: хотя я и "пенсионер", но как-то последнее время все чем-то занят первоочередными заботами и делами, хотя за ответ Вам уже брался неделю тому назад.

Вы конечно скажете, что большая занятость человека - это хороший признак, в особенности в моих летах (78 л.), и я с Вами соглашусь. Важно жить, а не "прозябать".

На 3 дня к нам (по командировке) приезжал N. Не понравилось ему у нас: все у вас суетно и беспокойно; и народ все приходит, и телефон все время в работе.

А.З.Вен. его и спрашивает: "А у вас дома разве иначе!" "Совсем иначе - у нас дома очень покойно: к нам никто не ходит и мы ни к кому не ходим". Иначе говоря - "и нам никто не нужен и мы никому не нужны".

Вот подумайте - какой ужас! Ведь это "живые мертвецы". Таким его (Сережу) сделала его неверующая жена. И зачем тогда жить, если кругом нет людей, которым я нужен, которых я люблю, которым я помогаю в чем могу и радостью и печалью которых живет и моя душа.

А у нас все как будто по старому. Лишь Симе (внуку) приходится тяжеловато на военной службе. Первый месяц у него - это "карантин" и он в Моск.обл. копает в болоте траншеи" и т.п. Еще плохо, что на его фигуру ничего не влезает, и если его товарищам дают в таких случаях "спецовки", то он всегда в очень тесном мундире и трещащем по швам казенном белье.

Очень сочувствую Вам в Вашей работе по психиатрии. На мой взгляд эта специальность очень неблагодарна и эффект от лечения более часто просто безнадежен. На мой взгляд к таким проблемам надо подходить совершенно по другим путям...

Нельзя ли поскорее закончить Вашу диссертацию? Боюсь, что она Вам уже сильно "приелась".

Моя загадочная фраза "ожидаем приближение первых ласточек" никакого отношения к Дим.Ев. не имеет.

Это мои мечты о смягчении той атмосферы, которая меня угнетает, и об изменении которой мечтает моя душа...

Из "памятных дней" я могу лишь сказать, что у Зои Вен. ее день "именин" - 31 декабря нов.ст. А что касается моих памятных дней, то мне всегда жалко своих друзей - что им приходится меня помнить и трудиться над описанием строк с официальными (т.е. безсодержательными) поздравлениями.

От меня и З.В. - привет Ниночке.

С дружеским поцелуем Ваш Н.Пестов.

24.11.70 г.

Примечания к письмам.

х) Дмитрий Евгеньевич Мелехов, доктор медицинских наук, профессор, крупный специалист в области психиатрии. Ближайший, горячо любимый друг Н.Е.Пестова. Жил и умер в Москве.

хх) Татьяна Павловна Евграфова - монахиня в тайном постриге. Соратница Н.Пестова. Жила и умерла в п.Листвянка Иркутской области.

ххх) Зоя Вениаминовна Пестова - супруга Н.Пестова.

хххх) Нина Михайловна Белова - супруга Игоря Николаевича Белова.

В. АГАЛАКОВ

Хлеб для человека.

Якутское книжное издательство опубликовало двухтомный труд заслуженного деятеля науки, старейшего якутского профессора Г.П.Башарина "История земледелия в Якутии" (XYII в. - 1917 г.) (тт. I-II, 1989-1990). Это фундаментальное исследование создавалось более тридцати лет.

Долгие годы чиновники от издательских комитетов и науки препятствовали публикации исследования. За самостоятельность и неординарность мышления Георгий Прокопьевич Башарин был исключен из КПСС, лишен степеней кандидата и доктора наук, ему угрожали арестом и т.д. Теперь все это, к счастью, позади. И вот она, его работа, результат целой жизни.

С 1955-1956 годов в Якутии началось свертывание хлебопашества, была провозглашена так называемая "политика зеленки". "Зеленка" (т.е. неспелый хлеб) была объявлена силосной культурой, в "зеленке" видели очередные "перестройщики" избавление республики от завоза мяса, масла, картофеля и овощей. Однако практика тридцати последних лет показала, что за такой продолжительный срок не только не получилось самообеспечения республики мясом, маслом и другими продуктами, но и шел процесс сокращения поголовья скота. До сих пор более половины продуктов животноводства завозится извне. "Политика зеленки" лишила народ своего хлеба, а животноводство - земледельческой базы. Посев зерновых на "зеленку" означал фактическое прекращение производства хлеба для человека, крайне отрицательно отразился и в картофелеводстве и овощеводстве. Вышло так, что новые поколения в Яку-

В дополнительных материалах к "делу о ста сорока миллиардах", комиссия Верховного Совета РСФСР сообщила о том, что Председатель Совета Министров республики с ведома Председателя Верховного Совета (ныне Президента) подписал документы о предоставлении кредитной линии на 330 миллиардов сроком на пять лет представителю фиктивной иностранной компании. Этот факт пресса почему-то обошла молчанием. А он весьма красноречив, если вспомнить, что всем фермерам Союза кредит определен всего лишь в один миллиард, да и то они не знают, как эти деньги получить; если вспомнить, как по крохам собирал в это же время Президент страны займы по всему миру; если вспомнить, что на повестке дня парламентариев стоял вопрос о приватизации, а приватизация есть не что иное как распродажа средств производства в руки частника.

"...в апреле 1991 года римской полицией был арестован гражданин Италии Р.Коппола... его полномочия российского консула... были отменены правительством РСФСР еще в начале этого года. Свидетельствами о связях Копполы с итальянской мафией и тем более о том, что он является "одним из крестных отцов" этой мафии, посольство (итальянское; И.К.) не располагает". ("Аргументы и факты" N 23, 1991 г.)

С личностью Копполы разберется итальянская полиция, а нас, граждан России, не может не тревожить тот факт, что демократическое крыло правительства республики является таким притягательным для преступного мира, будто бы оно медом мазано.

Думаю достаточно примеров, подтверждающих мысль о том, что большинство в республиканском "парламенте" России принадлежит советской буржуазии или тем, кто у нее на службе. Они-то и ведут нас, под непрерывный и оглушительный шум радикальной прессы, к рынку. Идеология же бизнесмена и преступника настолько близки, что... Впрочем вот еще факт.

Преступность в ФРГ, одной из самых процветающих стран Запада, "в восемь раз выше на сто тысяч человек" (то есть, на душу населения), чем в СССР - так сказал В.Бакатин, когда был министром Внутренних дел. Радикальные "Аргументы и факты" не сумели опровергнуть этот прискорбный для западной демократии факт, лишь уточнили, что тяжелых преступлений - убийств, грабежей, изнасилований - там совершается "всего лишь" в два-три раза больше, чем у нас, зато в десять-пятнадцать раз больше совершается... корыстных преступлений (плюс связанные с торговлей наркотиками). Вот те раз! Нам посылки шлют (победителям от побежденных?!), а свой народ у них почему заворовался; или с жиру бесится? В том-то и дело, что бизнес стоит выше норм морали, нравственное мироощущение дельца и уголовника настолько близки, что грань между ними теряется, и человек, стремящийся разбогатеть (а золотой телец был и останется всегда тем сатаной, которому молится деловой люд в странах рыночной экономики), постоянно ходит по лезвию криминальной бритвы.

В США абсолютное число преступлений в 1989 году более чем в четыре раза превышало число преступлений в СССР, при меньшем населении, и выросло в следующем

производства хлеба и других продкутов земледелия в самом Ленском крае. Возникновение здесь земледелия явилось одним из важнейших результатов вхождения Якутии в 1630-х годах в состав Российского государства. То была великая трудовая эпопея, а подлинными ее героями были русские крестьяне.

Историческая заслуга этих крестьян, как показывает автор, состоит еще и в том, что они приобщили к земледельческой культуре якутов и часть эвенков. Русские крестьяне учили аборигенов пахать землю, производить хлеб, картофель и овощи, снабжали их семенами. Но и якуты не оставались в долгу, помогали русским крестьянам рабочими лошадьми, мясомолочными продуктаи своего скотоводческого хозяйства. Якуты добивались отвода им хлебопахотных участков в соседстве с селениями русских крестьян. Русские и якутские земледельцы уже XVI в. называли друг друга друзъями и братьями.

Немалый вклад в распространение земледелия в Якутии внесли некрестьянские категории русского населения. Так, в 1830-1840-х годах купцы Колесов, Шилов и Леонтьев добились отвода им сотен десятин земли у села Маган. близ Якутска, для хлебопашества и огородничества. У них возникли земледельческие хозяйства фермерского типа. Земли, имущество и инвентарь этих хозяйств передавались по наследству. Здесь выросло производство хлеба на рынок.

В первой трети XIX в. некоторые из декабристов занимались посадкой картофеля, производили опыты посева зерновых. А.Н.Андреев построил одну из первых мукомольных мельниц в Олекминском округе.

На Вилюе Н.Г.Чернышевский поощрял стремление местных жителей заниматься хлебопашеством и огородничеством, давал им, как он писал жене, "мудрые советы относительно земледелия". В 70-90-х годах XIX в. Якутском, Вилюйском и Олекминском округах политические ссыльные П.Алексеев, В.Шаганов, М.Загибалов, П.Ер-

молов, А.Сипович, Э.Студзинский, В.Серошевский, В.Короленко, Э.Пекарский и многие другие активно занимались выращиванием хлеба, картофеля и овощей.

В книгах Г.П.Башарина приведено много интересных данных о результатах утверждения зернового хозяйства, картофелеводства и овощеводства на северо-востоке Сибири в дореволюционое время, даны весьма любопытные цифровые показатели. Невозможно не обратить внимания хотя бы на некоторые. В начале XX века, пишет автор, незадолго до Октябрьской революции, образцы хлебных злаков Якутии экспонировались на международных выставках, проводился их биохимический анализ. И оказалось, что белковые вещества ржи, например, в Баягантайском наслеге одноименного улуса доходили до 19,1 процента, в Нюрбе - до 18,8 процента, в разных частях Якутии эти вещества составляли, в среднем, 15,3 процента. В конце XIX - начале XX в. белки в яровой ржи США составляли 14,89 процентов, Европейской России - 14.76 процентов. Для данной культуры всех стран мира типично только 11-12 процентов. Белковые содержания ячменя в Батагайском наслеге Дюпсинского улуса доходило до 17,93 процентов. Белковое содержание ячменя всех стран мира составляет, в среднем, только 11-12 процентов. В Якутии выращивалась твердая пшеница. Ее белковое содержание в селе Владимирском (около Якутска) составляло 24,36 процентов, в Борогонском и Намском улусах - выше 20 процентов. Белковое содержание пшеницы США составляло 14,92 процентов. Белки пшениц всех стран мира имеют в среднем 13,89 процентов.

Овес Якутии отличается богатым жиром, клетчаткой и золой. Его белковое содержание составляло, в среднем, 16,3 процента. Данный показатель овса всех стран мира представлял, в среднем, только 11,75 процента.

Современному читателю интересно будет узнать, что в досоветском Ленском крае производилось 12 видов овощей: капуста, огурцы, морковь, репа, редька, свекла,

горох, брюква, бобы, горчица, лук и мак. Вдобавок к этому производились опыты посева льна, конопли, выращивания тыквы, дыни и даже арбузов.

Развитие хлебопашества в Ленском крае к началу XX века дало поразительные результаты. Русские крестьяне в Якутском, Олекминском и Вилюйском округах обеспечивали себя хлебом собственного производства, а многие из них в урожайные годы продавали излишки хлеба на рынке.

Профессор Башарин, изучив историю земледелия в экстремальных природно-климатических условиях Севера, ввел в науку понятия "географический оптимизм" и "географический пессимизм". Географический оптимизм - это вера в возможности и перспективы развития жизни народа, его хозяйства, экономики и культуры в данной стране (области, крае)., Географический оптимизм в условиях приполярной Якутии победил.

После революции в советской Якутии н основе прошлых достижений происходило расширение посевной площади, рост производства хлеба, картофеля и овощей. Если до 1917 г. площадь под посевом зерновых дошла до 16 тысяч гектаров, валовой урожай - до миллиона пудов хлеба, то в 30-х годах площадь расширилась до 100-110 тысяч гектаров, валовой сбор зерновых увеличился в 405 раз. В 1935 г. собрано в республике 4320000 пудов и в 1936 г. - 4854019 пудов разного хлеба. В годы Великой Отечественной войны хлеб своего производства спас народ Якутии.

В послевоенный период шел процесс восстановления довоенного уровня посева зерновых и их валового урожая, картофелеводства и овощеводства. Но в 1955-1956 гг., как уже говорилось, руководство ЯАССР грубым административно-командным методом фактически запретило производство хлеба, ввело "политику зеленки", направленную на создание кормовой базы для скота. Была допущена серъезная ошибка, к исправлению которой страстно призывает Г.П.Башарин. В своем труде он

стремится дать историко-теоретическое обоснование необходимости всемирного развития замледелия в Якутии как основы решения проблем продовольствия, социального развития сельского хозяйства в республике. Он зовет к перестройке всей системы сельскохозяйственного производства у себя на родине, чтобы оно обеспечило население своим хлебом и многими другими своими продуктами, уверен, что это не только возможно, но и вполне естественно. В основе этой уверенности - огромный земледельческий опыт сибиряков, богатая родная земля, которой посвящены яркие, поэтические страницы в конце завершающего тома.

Исследование Г.П.Башарина по истории земледелия в Якутии - не только фундаментальный научный труд о прошлом. Оно по смыслу и направленности глубоко современно, публицистично, имеет общественно-полезное, практическое значение. Двухтомнику этому, думается, предстоит долгая жизнь.

Свое счастье

О.Афанасьева

В последнее время меньше пишут о любви как о чувстве светлом, возвышенном. Литературе и киноискусству нередко более интересны отношения между мужчиной и женщиной, не оставляющие глубокого следа в их душах. Читателя и зрителя постепенно приучают к мысли, что по другому быть не может. Поэтому, можно только приветствовать появление книги Б.Лапина "Своя жена"(1), в которой сделана попытка ответить на вопрос, что же нужно человеку для счастья, если любовь стала чем-то старомодным.

События разворачиваются так, что каждый герой способен принять только тогда окончательное решение, когда приведет в согласие разум и чувства. Их потребности во многом отразили запросы наших современников. Сказанное относится прежде всего к Юльке ("Юлька"), в которой только при общении о бесхитростным, порою излишне простоватым Михаилом, просыпается все лучшее, за что во все века прославляли Женщину. Любовно описывает автор величественную красоту тайги, ставшую своего рода чистилищем для героев. В душе городской девушки, немного запутавшейся в своих симпатиях и антипатиях, постепенно возникает ощущение праздника, которое является ни чем иным, как зарождением большого счастья, пока неосознанаваемого. "Вещие сны", отражая путаницу в мыслях, помогают найти верное решение. Тайга притягивает к себе, становится частью души. Не будь ее, трудно было бы объяснить решительность Юльки в выборе спутника жизни. Герой повести "Караван" определяет: "Натуральный ты человек, Кеша!", т.е. искренний, с чистой душой.

(1) Лапин Б. "Своя жена". Иркутск. 1990.

Юлька с Михаилом из тех людей, которых "мало, а все же есть".

Дарье ("Своя жена") не приходится совершать почти невозможное - преодолевать по зимней тайге недельный путь за три дня. На ее долю выпало принять и простить предавшего семью мужа. Через воспоминания Витька мы можем составить довольно полное представление об его избранницах. С одной жизнь потеряла всякмй смысл, с другой сулит только хорошее. В какой-то момент он начинает тосковать о более красивой жизни. Людмила Павловна с ее привлекательностью, целеустремленностью оказывается нужным человеком. У Витька запросы невелики, характер легкий. Получил то, что хотел: семья не в тягость, материально обеспечен, себя другим человеком чувствовал. В отлаженном новой женой механизме занял отведенное место. Не роптал, что годен оказался лишь для приготовления коктейлей. Даже то, что радеть стал лишь об одном: как бы карман набить любым способом, не очень тревожило. Жил как получалось, душа ни о чем не болела. Потрясение от содеянного Людмилой Павловной прошло, хоть и не без следа. То, что ноги привели его к дому жены и матери не случайность. Только вернувшись в родной дом вспомнив прожитые с Дарьей годы, понял, что здесь его место, где все мило и знакомо. Витек вряд ли способен осознать, как велика роль женщины в сложившихся семейных отношениях. Одно он понял: именно Дарья умела повести дело так, что муж всегда чувствовал себя хозяином.

Думается, притягательная сила этой женщины не только в умении встретить с достоинством бывшего мужа, разом показав свое отношение к происходящему. Или, как думает Витек, в умении сохранить заведенный им порядок. Скорее всего, она сохранила те качества, которые постепенно оказались утраченными прекрасной половиной, увлекшейся эмансипацией. Именно эта обыкновенная женщина "вся по нему". Она дополняет, где нужно - решает, чаще оставаясь в тени. Нет в душе

покоя до тех пор, пока не решено, кто из двух женщин его половина. С уверенностью можно предположить, что только любовь Дарьи способна смягчить любые удыры судьбы. Именно ее отсутствие так изменило Витька.

Не каждому дано ждать долгие годы и довольствоваться малым, как мог терпеливый Званцев ("Грядет всемирное потепление"). Он давно и твердо решил, чего хочет. Живет, веря в настоящую любовь, которая обязательно должна быть "терпелива". Все материальные блага имеют для него второстепенное значение. Хотя имеет порой больше других. Он добрый чудак, умевший уважать чужую тайну и чувства, даже если сам от этого только страдает.

У каждого свое счастье. У Юльки оно в немедленном исполнении желаний. У Дарьи - в уверенности в себе и своей любви. Верочке необходимо самоистязание, скрытое от других. Чтобы найти счастье ей нужно его постоянно упускать. Но обрести его можно лишь тогда, когда в сердце живет искреннее чувство. Судя по тому, как нелегко приходится героям, если выбор сделан неправильный, поспешный, можно предположить, что любовь как источник счастья - понятие неустаревающее.

О России великой.

(По следам исторических документов.)

Владимир Юдин.

Английский экономист Э.Тори писал, что Россия к 1930 году достигнет небывалых темпов социально-экономического развития, у нее не будет конкурентов ни в Европе, ни в Америке, если Запад не остановит ее... (см. его работу "Россия в 1914 году"). Речь идет о России дореволюционной, "отсталой", "азиатской", "дикой" и "невежественной", как любят витийствовать недоброжелатели.

Современный ученый, кандидат юридических наук А.Кузьмич свидетельствует: "Интересное письмо императора Вильгельма к царю Николаю обнаружено недавно в германских архивах, но тщательно скрываемо гласностью: "Социалисты занимаются подстрекательством войны, этого терпеть нельзя, теперь в особенности. Если это опять повторится, то я введу осадное положение и прикажу всех их подряд посадить за решетку... Мы больше не можем терпеть никакой социалистической пропаганды"(1). Письмо датировано 29-м июля 1914 года.

Первая мировая война, как явствуют факты и документы, явилась попыткой подорвать могущество России, по существу поставить страну на колени и заставить выполнять договоренности 1884 года.

Что это за договоренности?

В 1884 г.в Берлине ведущими капиталистическими странами мира был принят "Акт Берлинской конференции", закрепивший принцип эффективной оккупации,

(1) Кузьмич А. Россия и рынок. - Воскресение. Русская независимая газета. - 1990. - N 4. - С.7.

в соответствии с которым каждая страна обязана добывать сырье на своих территориях и пускать его в оборот, а если не позволяли технические средства, то интенсивно допускать к эксплуатации другие страны и картели. Согласно этому акту Россия, обладающая "неисчерпаемыми" ресурсами сырья и энергии, рассматривалась наряду с Южной Африкой в качестве сырьевой колонии, а ее население - рабами стран с развитой рыночной системой. Так Россия стала объектом экономических и социально-политических притязаний со стороны международных концернов.

Февральская и Октябрьская революции, братоубийственная гражданская война в России часто рассматриваются имманентно, вне связи с международными событиями, как следствие накопившихся внутренних противоречий в стране. Это так и не совсем так. "Поджигателями войны, как отмечал сам кайзер, оказывается, были... социал-демократы. Это заставляет пересмотреть многие устоявщиеся догмы. Тот факт, что и российские социал-демократы также подталкивали Россию к войне в Германией, сегодня также ни у кого не вызывает сомнения. Развал российской империи, ее армии, развязывание гражданской войны - все это было делом рук международных коррумпированных элементов", - читаем мы в указанной статье А.Кузьмича.

Поэт тех лет М.Волошин с болью в сердце писал:

Вслед героям и вождям
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам!
Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды...

Последствия экономической блокады, со стороны западноевропейских стран для послереволюционной России были ужасающими, ее убытки, как свидетельствуют документы, во много раз превышали даже убытки во вторую мировую войну. А.Кузьмич образно сравнивает Россию после братоубийственной гражданской войны с "тяжко избитым человеком, валявшимся на международной дороге"... "Естественно, - продолжает А.Кузьмич, - что ничем иным, кроме как сырьевой колонией других стран, она быть не могла. Декрет СНК от 23 ноября 1920 года, предоставивший западным картелям на 70 лет все основные источники сырья и энергии с правом неограниченной эксплуатации русских, одобренный X съездом РКП(б) под лозунгом "милитаризации труда", - живое свидетельство этому. НЭП, проводившийся якобы для соревнования "разных видов собственности", являлся ширмой для дурачков с улицы, как говорят дипломаты. К 1929 году все, что можно было продать - было продано. Частный бизнес сам выдохся из-за отсутствия скудного сырья,. которого не хватало даже на государственныее предприятия. Вывозилось до 90 процентов. Об этом свидетельствует такой факт. Американская фирма "Форд" собиралась производить автомобили на территории СССР за счет его сырья, но с продажей в России за золотые русские червонцы. Отказали. сырья не хватало, не вкладывалось это в кредит русского "пайка". Тот факт, что после 1945 года Россия сумела за 10 лет полностью восстановить свое хозяйство, выйти на передовые рубежи мира - это следствие той временной передышки, которую она получила после войны, и права использовать свое сырье на собственные нужды. Курице, несущей золотые яйца, позволили подышать воздухом и встать на ноги. Но уже в 50-х годах в жизнь стал активно проводиться план "Закона США от 10 октября 1951 года о взаимном обеспечении безопасности" западного блока и входящих в него стран. В разделе 514 намечалось: "сократить истощение ресурсов США и обеспечить соответствующие поступления важного сырья странам блока"... за счет

стран сырьедобывающих, т.е. СССР, Китая, ЮАР, Индиии и т.д. Так закладывались правовые основы "золотого миллиарда населения под солнцем благосостояния".

Желающих познакомиться с перипетиями сложной борьбы за выживание, которая разворачивалась в 60-е и 70-е годы (правление Хрущева, Брежнева, Андропова), мы отсылаем к указанной статье А.Кузьмича. Там же читатель может познакомиться с перспективами рыночных отношений, внедряемых в нашей стране сегодня.

В условиях подлинного плюрализма и гласности, думается, наша печать должна предоставлять слово не только адептам "рынизации", но и их противникам, кто не без оснований считает этот роковой шаг добровольным сползанием в бездну, как уже случалось с великой Россией, но горький опыт истории, увы, нас так ничему и не научил...

Длинные корни экономического и духовного закабаления России уходят в века, когда из нее пытались сделать колониальный придаток "цивилизованного" Запада. Наибольшую интенсивность эта остервенелая агрессия откровенно русоненавистического характера получила в XIX столетии в связи с развитием промышленного производства, когда проблема сырья и дешевой рабочей силы обозначилась со всей очевидностью, остро и неотвратимо. Туда же тянутся и корни пресловутой "революционности" русского народа - концепции откровенно надуманной, отнюдь не свойственной миролюбивой русской душе, цинично дискредитирующей наше национальное самосознание.

"Советская публицистика, как правило судит о России не конкретно--исторически, а на основе сталинской или нынешней России. А это ведет к ложному образу и русской истории и русского человека. На основе сегодняшнего состояния производства, сегодняшней подготовленности крестьян и рабочих к труду судят в целом о работоспособности русского человека, о его желании и умений хозяйствовать. А ведь от прежней России остался

лишь обрубок... В равной мере по нынешнему отношению нашей интеллигенции к Марксу нельзя судить о приверженности русских к идее диктатуры пролетариата и классовой борьбы" I.

Аналогичные взгляды высказывают современные писатели. "Революционность" русского народа, по мысли А.Солженицына, - это поклеп и клевета на наших соотечественников, во все времена отличавшихся многотерпением, трудолюбием, отсутствием какой-либо агрессивности, воинственности, захватнической психологии. Замечательно, что Солженицын никогда не стремится вывести революционную идеологию и идеологию вообще из какой-либо национальной принадлежности, как это, к примеру, делал В.Гроссман в своей печально известной повести "Все течет", в которой нетерпимость Ленина и большевиков к политической свободе объясняется Гроссманом "азиатчиной" русского характера.

"Если бы В.Гроссман хорошо знал историю социалистической мысли, он бы обнаружил, что "нарушать житейские принципы морали ради принципов грядущего" учили не только Бакунин и Нечаев, но и Карл Маркс. Когда Ленин учил молодежь, что нравственно все, что служит делу победы коммунизма, то он повторял Маркса. По-видимому, когда речь идет о революционере, тем более о стороннике учения о диктатуре пролетариата, то вопрос о национальном характере отступает на задний план. Русские Ленин и Бухарин намного ближе по своим чувствам и убеждениям к еврею Бела Куну или к поляку Дзержинскому, чем, допустим, к русскому В.Г.Короленко. (...) Есть что-то надуманное и ложное в этом назойливом подчеркивании русскости, и ленинской ортодоксальности, и ленинской жестокости, доходящей до фанатизма веры в революцию. Если уж говорить честно, то беда Ленина в том, что у него не хватило русскости, не хватило внутренней сопричастности и к русской жизни и к русской истории. У него не было

I. Ципко А. Хороши ли принципы? (Новый мир. -1990. - N 4. - С.179.

подсознательного, органического самоощущения принадлежности к России, внутреннего понимания того, чего хотят и ждут миллионы и миллионы его соотечественников. Поражение Ленина - его неудачная попытка в 1918-1920 годы ввести в России с помощью штыка коммунистические способы организации труда - свидетельствует о том, что он плохо знал свою страну, плохо знал жизнь. Его трагедия состояла в том, что ни во что не ставил многовековые традиции русской жизни, православия, никогда серьезно, предметно не думал о них. Солженицын ближе к истине, чем Гроссман, когда упрекает Ленина в недостатке простого человеческого патриотизма, простой боли за людей" I.

А.Солженицын выше национальных предрассудков. Для него национальный фактор - безусловно, важный сам по себе - отступает на задний план, на переднем плане - идеологические, политико-мировоззренческие устремления личности, истоки коих следует искать прежде всего в состоянии души отдельного человека.

Известный писатель В.Кондратьев писал автору этих строк: "Наверное, как и я, считаете Вы марксизм социальной заразой конца прошлого и начала нынешнего века, от которой спасла мир снова несчастная Россия, своей кровью и неисчислимыми жертвами, как спасла в свое время от монгольского нашествия и фашизма. Видать, такая судьба у нашего Отечества. Наверное, Вы, как и я, рады, что наконец-то эта утопия потерпела сокрушительное поражение... Я считаю: этой заразой были заражены все нации. И марксизм интернационален, а потому вина общая и выделять кого-то особенно - неправомерно" II.

В пользу того вывода, что предреволюционная Россия являлась могущественной экономической державой и представляла собой грозную политическую соперницу западным демократиям, говорят многочисленные факты

I. Ципко А. Указ. работа.
II. Кондратьев В.Л. Письмо В.А.Юдину. - 2 ноября 1990 г.

и цифры, приводимые как в нашей, так и зарубежной печати. К примеру, известный русский ученый - эмигрант первой волны Борис Бразоль составил интереснейшие выкладки по всем ведущим отраслям государственной и хозяйственной жизни самодержавной России. Его исследования выдержали несколько изданий за рубежом, и вот, наконец, увидели свет на Родине: фрагмент труда Б.Л.Бразоля с Нью-Йоркского издания 1968 года перепечатала газета ""Литературная Россия (7 декабря 1990 г.). Там же приведена характерная цитата известного экономиста Эдмонда Тьери: "Если у больших европейских наций события между 1912 и 1950 годами будут протекать так же, как они развивались между 1900 и 1912 годами, то к середине настоящего века Россия станет в ы ш е в с е х в Е в р о п е (разрядка моя. - В.Ю.) как в отношении политическом, так и в области финансово-экономической". I.

Бывший российский министр земледелия Кривошеин заявил немецкому профессору Зеерингу, приехавшему в 1912 году в Москву во главе комиссии, которой было поручено ознакомиться с результатами Столыпинской аграрной реформы, ошеломившей своими успехами Запад: "России необходимы 30 лет спокойствия, чтобы сделаться наиболее богатой и процветающей страной во всем мире". II

К несчастью, история великой России повернулась вспять, от богатства и процветания - к мукам и потрясениям...

I. Бразоль Б.Л. Царствование императора Николая II. - Литературная Россия, - 1990. - 7 сентября. - С. 18.
II. Ципко А. Указ. работа.

Павел Забелин

Когда золото темнеет...

Литературное обозрение с прологом и эпилогом

Пролог

"Не продается вдохновенье",
или редакторский большевизм

1.

А что если нам с вами, люблезный читатель, оставить на время даже программу "ВИД", не то чтобы "видеоклубничку", да взобраться на борт некоего корабля под названием "Восточно-Сибирское книжное издательство" (познакомиться со всеми его палубными надстройками, полочками, появившимися в 1990 юбилейном году /Ленин, Победа и др./). Клянусь мощами предков, это будет любопытно, хоть и затруднительно: ждут какие-то открытия, горизонт расширяется далеко за байкальские цепи. На палубе сталкиваются почти все времена, невозвратимое былое, дивное настоящее.

Тут, чтобы устоять, придется схватиться за леер.

Корабль на что-то натолкнулся, накренился, пошел, как выражаются судоводители, с дифферентом на нос.

Глянув окрест, вы увидите целую флотилию судов с дифферентом.

Видать, есть пробоины ниже ватерлинии красной.

Вас охватит ранее неведомое чувство беспокойства, страха, недоумения, оно может смениться желанием спуститься в трюм, залатать, задраить, выпрямить. Тут вы обнаруживаете, что корабль прохудился, вода, поступающая из-за борта, тоже застоявшаяся. Вы выскакиваете на бак, чтобы дать сигнал "SOS", но в эфире сплошной треск: "партия", "демократия", "плюрализм", "приватизацйя".

А давно ли флотилия так стройно, так величественно, в кильватер, двигалась? На флагштоке суперлинкора "Кремль. СП СССР" развевался вымпел социалистического реализма. Крейсеры, миноносцы, сторожевые корабли вместе с подлодками послушно несли вахту, выполняя все команды, вплоть до разворота против мирового идеологического ветра и "Свистать всех наверх!" Сейчас флотилия смешалась, как в парусные времена. Где свои, где чужие - не понять. Лезут на борт с абордажными крючьями капитаны, боцманы, матросы, то бишь публицисты, историки, крити-

ки самых разных направлений одновременно. В выражениях не стесняются.

С долею спасительной иронии вы вдруг вспомните советского флагмана: "В нашей буче, боевой кипучей..."

А что если прислушаться к критикам?

А что это за право такое - критиковать, да еще авторитеты?

Мало у кого из абордажников рыльце не в пушку: были аппаратчиками, аллилуйщиками, огнепоклонниками партийности - стали "демороссами", арендаторами, программистами базара. Дружили-дружили с молодых лет, вместе не пускали в "стан бессмертных" мужичков разных - нынче вдруг разошлись. Один стал заядлым русофилом, другой "апрелевцем". Сколько янусов двуликих, Бог мой! А пишет, как и писал: неинтересно, без души, рассуждает за своих героев, лишенных самодвижения, скользя по пейзажу, диалогу. Вообще, стали больше не писать, то есть сочинять, а выступать.

Важно шуметь: это все-таки легче, чем творить.

Быть на виду-быть практиком.

Быть критиком, судьею литературы, художественного вкуса, адвокатом заветов, святости искусства - быть идеалистом по природе.

Мы испытали это на себе и говорим: "Хвала собственному идеализму!" Вера в добро, истину, отчаянная защита красоты, граничит с донкихотством, когда вокруг процветает посредственность, усиленная приспособленческой демократией, этой богиней безначалия, произвола? Эстетический энтузиазм обращается в трагикомизм?

И все же: чтобы стать критиком Печального образа, нужна долгая ночь бодрствования с верным до гроба читателем Панса.

2.

Рука всевышнего редактора. Русскость и подтасовка. Мастера переживаний.

Что происходило с Землею, разрезаемой, заливаемой, иссушаемой, вырубаемой, то же самое происходило и с литературою под партийным надзором книгоиздателей. Основа государственно-идеологической деятельности была высочайше утверждена, освящена именами классиков всевозможных. Как известно из новейших публикаций, демиурги-радетели мирового коммунизма Маркс, Ленин, Сталин, Троцкий и мнози иже были сатанистами: ненавидели не только русских, но и все человечество, рассматриваемое как стадо. Партократор со своею дворнею верит в Антихриста как бога зла, ненависти, мести за свое личное краткосрочие сладостно-физического существования. Невиданное во всемирной истории истребление сотен миллионов православных марксистами - это ритуальное побоище, религиозно оправданное Второзаконием Моисея. Средства для истребления родовой христианской культуры были испытанными большевистскими: отбить всякую память народа, а его мировую культуру присвоить, ассимилировать.

Местные культуртрегеры всего лишь следовали столичным.

Рассмотрим же одну давнюю любопытную традицию.

Люблю молодца за обычай.

"В.-С. кн. из-во" в 1980 г. одарила публику сборником "Я встретил вас...", лирика русских поэтов, составленная редактором Л.В.Иоффе. И объединились поэтические строки от века куртуазного до времен нашенских о любви, Богине-Вдохновительнице. Юнец не заметит подтасовки, когда лирика русских поэтов выстраивает, выравнивает классическую галерею, автором которой является редактор со своей колокольней: Державин, Пушкин, Бунин, Вознесенский, Гитович, Лермонтов, Левитанский, Некрасов, Ошанин, Тютчев, Есенин, Евтушенко, Языков, Эренбург, Твардовский, Светлов.

С легкой руки редактора читатель обязывается накрепко запомнить: "Антокольский П.Г. - известный советский поэт"; "Поэзия Баратынского носит свободолюбивый характер"; "Бальмонт - поэт и переводчик" (хотя при жизни императорской Академией почитался официально великим. - П.З.); "Вяземский был близок с декабристами"; "Вознесенский - известный советский поэт" и т.п. Ю.Кузнецов, Н.Рубцов - естественно, просто поэты, неизвестные. Так набирается колода бессмертных русских авторов любовной лирики в 155 персон.

"И божество, и вдохновенье..."

Без изысканных тропов, образов общепринятым русским слогом Пушкин в рамках лирического жанра-послания, признания - выражает суть небесного огня, окрыления, вносимого ликом одухотворенной Афродиты. Богомольное преклонение "перед святыней красоты". Бесовство отбрасывается прочь как недостойное поэтического изображения. Лирика в начале всего извлекает возвышенную чистоту переживания как нисхождение Духа Святого. Пушкин, Тютчев, Языков, А.Толстой - поэты христианские.

И то же в вас очарованье,

И та ж в душе моей любовь!...

Важны не абсолютная чистота крови, а православная душа, благородные традиции рода, национальный строй речи, лексики.

Для безбожника самое главное: отрицание души, космополитическая ассимиляция чуждой ему народной поэтической культуры. Он самовыражается.

Подлинная лирика рождается, как ветер, волна, содержание лирического стихотворения непередаваемо прозою (по Гегелю). Ложен жанр из рассудка - из желания непременно написать стихотворение с помощью изысканной техники.

Известна песня на слова А.Вознесенского "Сага".

Ты меня на рассвете разбудишь,
проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь.
Ты меня никогда не увидишь.

И т.д.

Мы привыкли к хорошо выполненному орнаменту чувств, строк. Стоит только присмотреться к "Саге", увидишь одну техничность, явление рассудочности, преднамеренности, пресыщенности, самодовольство авторского двойника, эстетизацию переживания с помощью приема, повторов, вариаций. И почему "сага"? Чтобы только привлечь внимание, удивить образованностью? Классическая сага (скандинавская) - жанр эпический (читайте "Словарь литературоведческих терминов". М.: 1974. - С.339).

Вторжение голого эстетства всегубительно.

Вместе с тем кому возбраняется обладать пушкинским даром проникновения в психологию французов, испанцев, проникновения, уважительного, без презрения? Вспомним святой гнев русского поэта: "Смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы... На что он руку поднимал?"

В сборнике публикуется "Романс" А.Дельвига - песнь о неповторимом миге счастья, упоения, удесятеренном родными картинами: весна, "с нагих полей сбежала тень", рощи, ласточки у окна. Искренние, простые, как народная песня, строки, автор которых и не думал проситься в классики.

Хитроумен подбор стихотворений современных русских авторов.

За общепризнанными строфами проглядывает некая подколодная редакторская идея: вот вам ваш Николай Рубцов с его беспорядочной, жестокой русской душой! В самом деле, при желании можно и так истолковать "Прощальную песню": непутевый мужичок, вечный бродяга, мечтательный, безответственный, неинтелектуальный. Сам виноват в разрыве со своей такой же бабенкой.

3.

Популярные серии с "троянским конем". Достоевский как "национальный враг". Нельзя без ложки дегтя. Русофобия.

Что в Москве, что в Барнауле или Ярославле гоняются за сериями "В.-С. кн. из-ва" "Литературные памятники Сибири, "Полярная звезда" и др.

Выпуски романов, повестей старосибирских авторов сопровождаются предисловиями, комментариями "школы Яновского", той литературной публицистики, которая местное литературное движение связывало с ленинской периодизацией освободительного движения. Сами же заправилы-методологи прекрасно знали, что никакой русской революции не было, а была иудейская и началась она давно, с радищевских путешествий, встреченных настороженно зрелым Пушкиным.

При всем при том никто не может снять общеполезности серий для историка литературы, культуры, социальных движений. Иркутск, к примеру, первым в советской стране издал "Чураевых" Г.Гребенщикова (1883-1964), великое наследие которого возвращается на Родину из Русского Зарубежья. Появление "Жития протопа Аввакума" можно назвать актом подвижничества редактора Н.Сеппинг. Однако цель старая: обличить самодержавие, христианство, передернуть карту.

На одном из собраний писателей, читателей в городе А.Байбородин обратил внимание несколько лет назад:

- Вот передо мною из серии "ЛПС" А.Сорокин и Г.Вяткин, составители, примечания, послесловие - Е.Беленький, В.Физиков. Редактор Л.Васильева. Вот что подчеркивается комментариями:

"- С другой стороны, - продолжал Алексей Максимович, - на вас заметно влияет мрачная философия Достоевского... Нет, мы слишком долго покорялись и прощали и не слушать, а преодолевать должны Достоевского. ОН - НАШ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВРАГ... (С.435-436)".

Один из великих гуманистов, пророков оказался национальным

врагом! Не потому ли, что в "Бесах" уже действуют настоящие большевики, ленинцы?

Между тем, Достоевский, видя вторжение Сиона в Россию, звал ко всеединению народов в Государственности Православной Церкви.

Читайте же об этом в "Трех речах" В.Соловьева!

"В одном разговоре Достоевский применял к России видение Иоанна Богослова о жене, облеченной в солнце и в мучениях хотящей родити сына мужеска: жена-это Россия, а рождаемое ею есть то Новое Слово, которое Россия должна сказать миру. Правильно или нет толкование "великого знамения", но новое Слово России Достоевский угадал верно. Это есть слово примирения для Востока и Запада в союзе вечной истины Божией и свободы человеческой". (Избранное, М.: 1990, с.105-106).

"Полярная звезда" тоже уникальна по документам, письмам, сочинениям декабристов, но не канонизируйте, комментаторы-ученые, своею волею новоявленных святых!

Завоевание Руси изнутри - поскольку в открытом бою мужик неодолим - началось еще с киевских времен под видом греков, прибалтов, поляков, немцев, французов, проникавших во все сферы управления, придворную знать, дворянство, духовенство, чиновничество, в их семьи, искусство, дабы все и вся ассимилировать, выродить, превратить в раба, послушника. К этому закоренелому талмудистскому империализму имела прямое отношение идеология - практика смут, непрерывных брожений, революций, поисков "демократии" - масоны-иудеи, приверженцы Второзакония Моисея как древнейшего религиозного завета для Богом избранного народа. Массонство является международной революционной организацией. Оно дьявольски обожает маски Прогресса, Просвещения. Под масонским воздействием "западничества" формировалась российская "обличительная литература", столь превозносимая Белинским, ярым ненавистником славянства, Добролюбовым, Чернышевским, Марксом, Лениным, Горьким, целой армией советского литературоведения, от академиков до вузовских ассистентов. Первыми обличителями были масоны Н.И.Новиков и А.Н.Радищев, внесшие в общество смуту, иудейский д Франции-1789, сомнения в истинности самодержавия (православия), идеологию/ непрерывного эшафота, гильотины. Затем были декабрисы - с которыми Пушкин политически порвал в 1821 г. - решившиеся на террор, на ту отмену крепостного права, которая бы дала свободу "третьему сословию", ростовщичеству, разорила истинных хозяев земли. (Не эта ли "демократия" повторяет себя ныне?).

Разумеется, "Полярная звезда" о сем умалчивает.

Декабристы возводятся на пьедестал мучеников, просветителей русского народа, сибирских крестьян, местных племен - кстати, стоявших к философии природы гораздо ближе политссыльных, а цареубийцы не могли пользоваться народной любовью христиан.

Почти не найти примеров непоказательных.

И.И.Попов. Забытые Иркутские страницы. 1989.

Имя редактора газ."Восточное обозрение" (1894-1906), народо-

вольца, писателя, близко иркутянам.

Перенося в 1887 г. ввиду цензурных условий издание "ВО" из Петербурга в Иркутск как город "живого пульса общественной жизни", его создатель, великий сибирефил Н.М.Ядринцев писал:

"Я верю, что патриотизм - великая сила. Он дает пищу сердцу, он дает веру. Сохраните же эту святыню газеты. Вы должны полюбить Сибирь, пожалеть ее и отнестись к ней сердечно. Хорошо обличать, но не нужно негодовать на всю страну, на весь народ. Вот об этой и мягкости к народу прошу Вас". (См. приложение к изданию, с.342). Божественный патриарх областничества просчитался в своем доверии к И.И.Попову.

Несомненна культурно-историческая роль "ВО" с его 48-ю литературными сборниками, но вместо воспитания любви к своему краю, ее народам выходило чаще всего именно обличение, негодование на всю страну, весь народ. А могло ли быть иначе?

И.И.Попов был сослан в Сибирь как народоволец.

Партия смутьянов-ходоков была справедливо отвергнута мужиками-общинниками как святотатская. Кроме того, многие народовольцы потому и стали отцами эсеров, что были иудеями.

Среди ближайших друзей, знакомых, сотрудников, авторов "ВО" именно было предостаточно иудеев, народников, эсеров, эсдеков, врачей, юристов, чиновников. А они не могли любить местные народы, их вековую культуру. Она насаждали недоверие к самодержавию, обличали купцов, попов, мужиков, казаков, сеяли смуту...

Роберт и Рафаил Адельгеймы, музыканты, И.А.Аннин (Сац), Рафаил Александрович Иванов, - обо всех с любовью вспоминает загадочный Иван Иванович Попов, но только не о людях низшего сословия, судьбах, мужицких, приискательских, бурятских, хоть и дачничал в Смоленщине, в деревнях. Зато его память озаряется особым светом, когда он рассказывает о том, как ловко однажды на страницах "ВО" провели генерал-губернатора Горемыкина. Проклятая царская администрация терпела целое гнездовище политически осужденных, даруя им право гражданской деятельности. А они только и расчитывали на мягкую славянскую душу, дабы тут же предать ее. Этот сатанизм потом был стократ подхвачен ленинцами-троцкистами, победившими правительство Арона Кирбиса (Керенского).

"Забытые иркутские страницы" одна из привычных страниц "В.-С. кн. из-ва", равно сибирской исторической науки.

При нынешней ностальгии по добрым старым временам наслаждение доставили нам "Записки иркутских жителей", 1990. Составитель, примечания - М.Д.Сергеев. С поэтом-декабристоведом Марком Сергеевым мы, кажется, спорим. Составитель, литературовед научно-интересен, приятным слогом рисует портреты авторов воспоминаний-Е.Авдеева-Полевая, Н.Щукин, И.Калашников, М.Александров, В.Вагин - представителей старинной иркутской интеллигенции, искренне любивших свой город. Отмечена такая особая черта замечательной семьи Поле-

вых, других подвижников культуры, "сохранения для потомков коренных начал русской жизни", как собирательская, публикаторская деятельность.

Н.Щукин, необыкновенный знаток якутских обычаев, северной природы, описывает встречу в Якутске с декабристом А.Бестужевым-Марлинским, живо передает его исповедь о восстании, свидании с государем, перед которым повинился, а Рылеев наговорил дерзостей. Мало известная страница для тех кто бы хотел по-современному заняться изучением психологии декабристов, а также натуры Николая Первого, стоявшего на страже православия.

В 1884 г. на городском вечере в честь 300-летия вхождения Сибири в состав России В.Вагин произнес речь о необходимости приумножать достояние края общим христианским рвением, а не разрушать. "Записки иркутских жителей" могут стать началом новой перспективной серии (город на Ангаре в 20-о веке), но без восхваления слишком желанных имен, событий и осуждения своего недавнего, непрерывно свергаемого прошлого. Есть потенции.

Местный редакторский большевизм не является каким-то островком на сияющих гладях союзных просторов книгопроизводства. Русофобия, ненавистническое отношение к русскому народу, этому видите ли, сборищу исконных выродков - одновременно с неуемным желанием ассимилировать, присвоить его великую национальную культуру, а равно и земли его - исподволь определяла весь характер литературного процесса в стране под масками высокоидейных комиссаров, всевозможных островских-корчагиных, ревромантизма, смены литературных стилей, классовго и общечеловеческого и т.п. Русофобия, по наблюдениям благородного И.Шафаревича, исходит из неких архетипических черт русичей: рабская психология, отсутствие чувства национального достоинства, нетерпимость к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти, преклонения перед чужой властью, приверженность к жестокости, "тоска по Хозяину", мессианское стремление спасти мир то Православием, то социализмом. Автор книги "Есть ли у России будущее" (1991) легко доказывает, что концепция сия, взятая на вооружение диссидентами, ревнителями европейской демократии, многими нашими литературно-художественными журналами типа "Знамени", "Октября", "Юности", "Невы", "Даугавы", не выдерживает критики, рассыпается в прах даже при поверхностном рассмотрении. Мессианизм, к примеру, - изобретение европейское, иудейское (учение о Мессии-Помазаннике, расисткая идеология Второзакония Моисея в Библии, исповедующая жестокость по отношению ко всем не-иудейским народам, кроме избранного Малого); русский народ пошел против власти на раскол в 17 в. во имя независимости церкви, Петр I был для него Антихристом; он отстоял свободу свою и Европы от Наполеона и Гитлера; социализм изобрели на Западе и принесли в Россию в 19 в. Вершители Октября, аптекманы, бронштейны, апфельбаумы, радеки, смилги за несколько лет сумели обойти на вираже всю предшествовавшую мировую жестокость, всех царств, войн, инквизиций, превзошли также будущие репрессии фашизма и "сталинизма". Больше-

вики-русофобы, масоны, сионисты в первую очередь внедряли через печать, литературу ненависть к деревне, крестьянской цивилизации, православной церкви: Троцкий, Бухарин, их верные приспешники в новой советской поэзии В.Князев, В.Маяковский, А.Мариенгоф, А.Безыменский.

И.Косинский в полемической заметке "Причастен к преисподней?" ("Наш современник", 6, 1991) напоминает о садических строках этих мессианистов красного террора.

Теперь не промахнемся мимо.

Мы знаем кого - мети!

Ноги знают, чьими

трупами им идти

(Маяковский)

Массовый террор!

Метлами ветру будет

Говядину чью подместь.

В этой черепов груде

Наша красная месть.

(Мариенгоф)

Недалеко ушли от них многие стишки Михалкова, пьесы Погодина.

А литкритик В.Соловьев с апломбом берется за моральную реабилитацию преуспевшего и при Сталине, и после певца пролетарского гуманизма.

Эта чудовищная теория-практика лишь меняла свои личины при старых-новых большевистских помазанниках-мессиях, изобретателях движения демократических реформ, вскормленных цекистской номенклатурою и перекочевавших в Кремль.

И.Шафаревич напоминает об одном из многочисленных стихотворений, появляющихся на страницах "Юности", "Вандея", 6, 1988, направленная против "деревенщиков". "Литературная Вандея, в речах о родине радея..." "За экологию природы, встает, витийствуя она, но экология свободы ей непонятна и страшна".

Газета "Русское товарищество" под рубрикой "Без комментариев" приводит откровенно циничное признание "Вестника еврейской советской культуры" ("НС", 1, 1991):

"Наши предки кинулись сразу во все стороны - в Германию за знанием, в Америку - за богатством, в Россию - за властью - и в Палестину".

Вместо возмездия русский мужик, эта холуйская смесь злобы, зависти, спас евреев от газовых камер. А ему, мужику, по-прежнему даруется красный террор под видом демократии Европейского типа, общего рынка, приватизации, биржи, бартера. При этом читатели постоянно вводятся в заблуждение легендой о страданиях еврейского народа. "Так однажды в программе "Взгляд" проходил сюжет об израильской нумизматической выставке в Москве. Журналист спрашивает у израильского представителя: "А вам не страшно было сюда приезжать, не боитесь ли вы в Москве?" Это прозвучало так, будто евреев в Москве едят". Даже "иностранец был ошарашен". ("НС", 1991, 6).

Прорасисткие тенденции часто прорываются в "голубом ящике", который стал основою образования оболваненной публики.

11 мая 1991 г. по ЦТ была показана премьера музфильма "Кабаре моей жизни". Певица Алла Баянова (ТПО "Союзтелефильм"). Сама исполнительница, дочь эмигрантов, в

самом преклонном возрасте вернувшаяся на русскую землю, стояла на сцене рядом с А.Вертинским. П.Лещенко - явление в своем легком роде: культура городского романса, цыганской песни. Но как ведут себя организаторы вечера, что они говорят! А.Канделаки, И.Кобзон, В.Васильев и др. буквально стелются по полу студии. Им невдомек, почему Вертинский был вынужден петь в кабаре. Им хочется всесоюзного кабаре, которое бы полностью затопило русскую песню, все бы разменяло на цыганщину: "Эх, пить будем и гулять будем!..." Плюс русофобская подтасовка открытым текстом. И.Кобзон с чувством произносит: "Вы россиянка, вы русская"! - на что не решается даже сама неувядаемая Алла Баянова. Но зато она признается в любви к Кобзону, называет его Осиком. Царица ночных заведений Парижа похвасталась, что в течение года получила квартиру в Москве. Да. А вот молодому, редкостному оперному певцу Д.Ховростовскому приходится жить и петь, в основном, за рубежом. Браво, брависсимо!

А в День Победы по ЦТ торжественно объявили о возвращении на экран спустя 20 лет к/ф "Солдаты" по мотивам повести В.Некрасова "В окопах Сталинграда", запрещенного ввиду диссиденства покойного автора. Мы заволновались. Отечественная критика на все лады превозносила повесть как правдивое произведение о ВОВ. "Литературная газета" не пожалела площади для описания жизни опального повествователя, завсегдатая парижских "бистро", любителя покурить - выпить. Но после демонстрации "Солдат" лавры непризнанного в своем отечестве классика сморщились, опали, оставив погребальный проволочный хомутик.

Привычная ситуативная пара: умный, интеллигентный лейтенант Керженцев, которому война помешала стать архитектором, и двое славян: связной Валега, разведчик Седых. Керженцеву в госпитале так и кричат: "Там к тебе какой-то славянин пришел!" Эти двое русичей могут только глупо улыбаться, подобострастничать. Это амплуа славянина. Идея булгаковского "Собачьего сердца" хорошо усвоена. В.Некрасовым - фамилия-то какая взята без зазрения совести! Другом Керженцева является кроткий, очкастый Фарбер, математик. Одним броском эти два командира овладевают немецкой траншеей. Фарберы - господа духа, умеют музицировать, доблестны. Все остальные - слуги, тупые, скудоумные работяги, жестокие , если им удается выслужиться. Таков капитан Абросимов, котрый гонит роты на пулеметный огонь, а сам остается в траншее. А между тем, евреев в окопах было мало. Они отсиживались в штабах, в интендантских частях. Известно, что Жуков за брошенные склады при наступлении немцев на Москву расстрелял два десятка евреев. Такова вежливая наглость иудея в литературе: подтасовка, перевертывание исторической истины, расистская идея почище гитлеровской. Писатель снабдил свою повесть бесцветными диалогами; окопов, в сущности, нет, как и художественного действия. Русской речи нет. Есть скудость немецко-русского разговорника.

/Продолжение следует/

ПРОЗА и ПОЭЗИЯ. ГЕРОИ И СТИЛЬ

Альманах "Сибирь". Как быть интересным? Судья и защитник. Боязнь забыть слово. Оживление Веры Павловны. Стихи как стихи. "Яканье" и "шипенье". "Стихи по кругу". В.Пламеневский - это поэт. Русский стих - что такое?

Итак, 1990-й непосредственно во всем своем пугающем объеме судов на плаву.

1.

Начнем с альманаха, с лица его - критики.

"Сибирь", которую в свое время крестил водою Беломор-канал сам Горький, долгие десятилетия исправно тянула байкало-ангарский воз с поклажею социалистического реализма: герой-преобразователь, романтика будущего-настоящего. Движение по кругу вроде бы бесконечно, но воз иногда или утыкало в угол, неожиданно выгибавший брезентовую петлю шкива с кремлевским указателем. На стыке 60-70 прорвались на круг А.Вампилов, В.Распутин, "иркутская стенка". Критика неустанно напоминала об именах погребенных - В.Трушкин и др. Сами погребатели (Г.Кунгуров, к примеру) с достоинством ходили по кругу. Альманах переходил на другую орбиту, но после гибели Вампилова нередко обнаруживал тяготение к прежней полуофициальной, полуприятельской круговине с основою выборного долженствования. В эти годы появился поэт А.Горбунов, но страницы "Сибири" заполнялись корявыми или гладкими стишками прошедших через дружескую канцелярию конференций "Молодость. - Творчество. Современность".

Наступила некая плодоносная осень - перестройка, запланированная сионистами давно, как выяснилось, стали цыпляток считать. Молодок во дворе почти не оказалось. Имен мало: В.Хайрюзов, Т.Суровцева, А.Кобенков, А.Байбородин, Г.Вихров. Лишь ярче заблистали "старички": В.Распутин, Е.Суворов, А.Зверев. Критику низвели до уровня товарищеской заметки, похлопываний по плечу. Именами "томовцев шестидесятых и живем в основном. Порою столичные журналы печатают наших земляков быстрее, чем "Сибирь" родимая.

Оживление началось год-два назад. Но, переходя на новый круг, альманах оказался перед высокими стальными дверьми, изготовленными руками базарных, высочайше узаконенных дельцов, приватизаторами бумаги, типографий. Да и кому нужна на рынке так называемая художественная проза рядом с "порнухою", юлиано-семеновщиною?

Альманах - не журнал, но журнальное издание, даже по своей растянутой периодичности. Обязательны рубрики, циклы, серии - переход от случайности к

необходимости, к своему лицу, которое враз поблекнет без независимой литературной критики, без художественной прозы, без художественных стихов. Мало привлекательного в одном только местничестве - тоже требующем направленности, публицистичности настоящей.

Что значит быть интересным?

В нашем историческом прошлом популярность журналов всплывала на приливах свободомыслия, надежд на решительные перемены, обновленной вкусовщине: мода, Париж, гризетки - которыми не брезговали даже авторы некрасовского "Современника", Иван Тургенев. "Жюль-жаневское" зубоскальство на светские темы было в почете весь век "девятнадцатый железный". Пушкинская затея издать серьезный литературно-художественный журнал провалилась с трагическим блеском наивности русского человека. Дивный издатель - редактор положил свое детище в гроб рядом с собою. Он был до тла разорен всякою всячиною, издававшейся ловким трио Булгарин-Греч-Сенковский - при их, конечно, торгово-просветительском искусстве. Некрасов, Добролюбов, Чернышевский сконцентрировали внимание общества на обличительных тенденциях литературы, к коим ими было приспособлено творчество Гоголя, Гончарова, Островского, Тургенева. Призывы эзоповские к крестьянскому топору были тоже своеобразной читательской приманкой для всяких честолюбцев-демагогов. Позднее продолжателей стиля "козери" и "а ля революсьон" было предостаточно - часто они пользовались толстым кошельком иудеев-торгашей, масонских лож. Набольшевичинное горьковское "Знание" держалось на приспособленном обличительстве, демократии...

Как бы мы ни сетовали на отсталость нашего общества перед ликом Европы, Америки, Японии, читатель у нас все же иной, нежели при Чехове, Куприне. Подавляющая часть населения, тем более в с о л и д н о й по характеру Сибири, суть взрослая, думающая. Орех от шелухи отвевать умеем. Мы купим серьезный журнал, в котором есть все: социально-политическая, судебная хроника, новые документы по истории Отечества любезного, литературы, искусства, юмор, сатира, рисунки, фото, новая талантливая проза, новые стихи и та самая искомая литературная публицистика, которая стоит на страже святых законов поэзии, художественной достоверности, художественного вкуса. Новизна материалов - принцип.

Альманах пробудился, но... критика еще староватая.

Критику начали сравнивать с хирургиею.

Сравнение хромает, слишком приближаясь к трупу.

Хирургия - вивисекция, вмешательство, резание, удаление.

Но даже для хирурга - это самое последнее дело, когда надо браться за ланцет в кругу операционных сестер.

Критик - все-таки не потрошитель, не вивисектор.

Значит, призывать к осторожности его предосудительно.

А мы так привыкли: раз хирург - будь осторожен, жалей, пользуйся анестезией.

Еще как пользовались!

Усыпить, обезболить ум, душу, самосознание с помощью концепции личности и действительности, прогресса, пролетарского гуманизма, идейности, историзма. Горе тому, кто посмеет быть самим собою! Мы, хирурги-эстетики, того подвергнем вивисекции без всякого следствия да еще во имя класса-гегемона.

Термин "критика" был введен на Руси Кантемиром - по французски, значит судить, рядить; способ литературно-эстетического рассмотрения. Отчего бы не согласиться!

В.Семенова в своем обзоре "Критика 60-х на страницах "Ангары" (N 4), в жанре многотрудном, определяет нормативно-установочный характер ее (В.Трушкин, В.Гайдук, Н.Кузнецова, А.Абрамович, Л.Лисин, Е.Макарова, А.Московский, В.Найдаков, Е.Шастина, С.Баранова, Е.Папопорт и др.). Из этого ряда выделяются Б.Кислов, заявивший в 1968 году о независимости эстетического принципа от партийности, В.Трушкин, автор одной из первых статей о повести В.Распутина "Деньги для Марии", Н.Тендитник, заговорившая о "деревенской прозе", о "Предместье" ВА.Вампилова, о художественной подлинности местной повести (В.Шугаев, В.Гусенков, Ю.Скоп), первых опытах военной прозы - Д.Сергеев, И.Черемных. Хвала! Я в свое время затевал разговор на эту тему - в книге "Литературный разъезд", сильно не понравившейся редакции альманаха, напечатавшего извращенную стенограмму обсуждения в пятом выпуске 1975 г. Автора тогда сочли "литературным скандалистом". Но мне тогда и сейчас было странно одно: почему рецензии не читаются, а пишутся для писателей, авторов, издателя?

Критика у нас определилась в двух ипостасях: литературоведческая и жэссеистская. Первая танцует от классической "печки": канноны реализма; вторая (А.Кобенков) судит об авторе в рамках произведенного нужного впечатления. Одна отпугивает читателя своею ученостью, другая направлена к читателю, но может эстетски самоуглубиться до пристрастности, вызвать недоверие.

Обзор В.Семеновой привлекателен для знатока новизною наблюдений, характеристик. "В критике, как и в художественной литературе, как и в жизни, идеалы не только не изменялись, но как бы укреплялись в прежнем виде - за счет небольших поправок в истории и за счет героизации хозяйственных преобразований" (с.99). Одну из таких поправок В.Семенова высмотрела в статье историков-приспособленцев С.Коваля и В.Агалакова "Начало социал-демократического движения и Л.Н.Толстой" ("С", 1961, 3). "Как же Толстой "объективно" участвовал, "субъективно" не разделяя?" А вот как: тексты толстовских памяток, воззваний подправлялись: "толпа" заменялась на "люди", к подписи Л.Толстого присоединялось "Издание Комитета Сибирского Социал-демократического союза." Ни больше, ни меньше!

"Интересно, знал ли великий писатель о своей "объективной причастности" к сибирскому социал-демократическому движению и как к этому относился?" (с.96). Это пример, показательный для уровня научности и нравственности целых поколений историков-

конформистов, невиданных в истории человечества.

Однако мы по-прежнему мало интересны по причине статичности критического материала, пренебрежительного отношения к построению статьи, стилистике фразы, как правило, приклеиваемой к наблюдению, а не ведомой внутренним ходом главной мысли, главного интереса. Литературно-критическая статья - жанр п о в е с т в о в а т е л ь н ы й. Это своего рода союз прозы и драмы, рассказ о прошлом соединятся с живым настоящим. "Роман кисейной девушки" Д.Писарева (о скучных повестях Г.Помяловского), "Критика гоголевского" периода русской литературы и наши с ней отношения "А.Дружинина, к примеру, читаются интереснее самих предметов рассмотрения: это статьи-рассказы, статьи-повести. Мы же, как гирями, притянуты к хронологическому п е р е ч и с л я ю щ е м у принципу композиции. Предается забвению золотое правило римской эстетики: "Не в последовательности времени, а в последовательности фактов". В том отборе, который содействует развитию документально-эстетической мысли с привлечением параллелей, сопоставлений."

Соединились бы литературоведы и эссеисты.

И, о, радость! - такой брак состоялся.

Какова пашня - таково и брашно.

Усилиями В.А.Семеновой, уже как редактора, явился столичный критик Станислав Золотцев, "Боязнь забыть слово". Письма о поэзии сибирскому другу."

Литературная критика вновь после И.Фонякова выступила в эпистолярной форме с явною надеждою на роман московской просвещенной музы и провинции. Книга, безусловно, ценна: это обзор современной поэзии Сибири, Д.Востока, вырваны из забвения многие имена с рассмотрением поэтического "я"; поднята проблема национально-ассимиляционных начал языка поэзии, авторской культуры Омичи, новосибирцы, кемеровчане, иркутяне, читинцы, улан-удэнцы словно собрались в один круг на диспут перед не совсем заполненной аудиторией, поскольку интерес к поэзии упал ввиду желудочного гласа перестройки или заменился снова вскипевшей эстрадной пошлостью. "...Беда в том, на мой взгляд, что многие авторы стремятся стихотворческим пером выполнять те задачи, которые выполнимы более естественно пером публициста, очеркиста". (с.82). Есть стремление высветить подлинность имен, которые бы принесли откровение всесоюзному читателю (иркутянин А.Горбунов, новосибирец А.Плитченко и др.) С.Золотцев привлекателен гражданской определенностью. Одни из лучших страниц книги - рассмотрение программы "восьмидесятников", "метареалистов" с их словесно-синтаксическим фокусничеством - А.Парщиков, А.Еременко, Н.Искренко, В.Коркия и другие новоарбатовские стихотворцы, противники "национального уровня" поэзии. "Словесный ширпотреб, в какие бы он одежды ни рядился, даже волшебным голубым экраном не может быть превращен в жгучее и страстное искусство слова". (с.76). Критик, обобщая опыт "семидесятников", напоминает как об имени старейшины С.Маркова, так и о тех, кто готов был принят в члены СП собач-

ку официального старосты всесоюзной литературы...

Эпистолярная форма является одним из видов прозы, в том числе обращение, рассуждение, с ними соседствует доверительность тона. Жанр послания, письма, отклика требует искренности, не терпит фальши.

Письма-рассуждения С.Золотцева оживляют композицию, перекидывают мостики от одного имени к другому, но временами превращаются в "оживляж", в прием, заманивание, Перед нами не переписка, не диалог, а тринадцать посланий неизвестному адресату, который должен принять к сведению или исполнению наставления столичного мэтра. Возникает элемент искусственности.

В старину уважалось аристотелево золотое правило нравственности: добродетель, в том числе дружелюбие - середина между избытком и недостатком. Поэтическая основательность дружбы начинается с совпадения идеальных представлений о главном: что такое поэзия, лирика? - ибо рассматривать в одном ряду поэмы и чисто лирические жанры неосмотрительно.

С.Золотцев определяет суть поэзии строкою С.Маркова: "Вероятно, боязнь забыть слово и породило поэзию". (с.6) - "как самое главное, заветное".

Однако поэзия, кровь ее - лирика, шире, глубже формально - авторских представлений.

Первичность стиха неожиданно стягивается с первичностью исторического времени.

Даже самого симпатичного автора среди сибиряков А.Кобенкова он упрекает в отставании от времени. А разве не опрофанились многие именитые литературоведы, критики с этим главным критерием м/ленинской эстетики: историзмом, равно передовизмом да партийностью?

Сбой в главном тезисе приводит к раздвоенности наблюдений. Письмо лишается доверительности адресата.

Что же касается золотой середины, С.Золотцев без обиняков заявляет: я - "поэт и исследователь поэзии". (с.5). А далее выстраиваются знакомые гомологические ряды:

"Семидесятники", поясним, это поэты, вышедшие к читателю в семидесятых (стало быть, это и Ю.Кузнецов, и В.Устинов, и А.Кобенков, и Р.Бухараев - то-то примеры "стандартного поэтического мышления", ничего не скажешь!)" (с.69). Вот уж действительно!

Временной признак - совсем не основание для объединения несоизмеримых Ю.Кузнецова и А.Кобенкова. Первый - русский по духу поэт, первостепенный в России; второй обладает скромным даром собеседника, друга еврейской культурной семьи, не стесняется своих симпатий - и на здоровье. Каждая нация интересна, когда она нация, а не религиозно-социальная секта или каста.

Приводимые в качестве примеров самобытности строки чаще похожи на царапающиеся металлические стружки, сам резчик при этом не озабочен, какой жанр он выстругивает - важно одно: непрерывно "якать, я шел, я слышал, я вспоминал, одним словом," я однажды лежал на зеленой траве" (А.Кобенков).

И вот - как высшая награда -
шуршит трава под головой,
и воздух жрет, свалившись
рядом,

салага мой полуживой.

Это любимые С.Золотцевым строки из "Марш-броска с молодым солдатом" А.Кобенкова. Однако прислушаемся: сколько здесь "шипения", неблагозвучия - "высшая", "шуршит," "свалившись", "жрет", "полуживой"! Это и есть слепой русско--язычный стих, на поводке у грамматики.

Все перешьется, перепишется
иглой тепла, пером добра,
уже сегодня легече дышится,
чем, например, позавчера.

Перед сей показательной звукозаписью С.Золотцев сообщает, что написал статью об Анатолии в "Энциклопедию сибирской литературы".

Исчезает разговор о лирическом жанре.

Это же не монолог на любую тему, не сигнал в газету с помощью рифмовочки.

Как показательные, не риторические приводятся в "Боязни забыть слово" следующие вирши А.Гребнева (Пермь):

Винить-корить природу
мало проку.
И не ее за это я виню,
но хлеб под снег уходит на корню
ударили зазимки раньше сроку!
А между тем - дожди ливмя -
и сплошь
комбайны в полевом болоте
вязли...
Но все равно помыслить
можно разве,
чтобы погибла этакая рожь?!

В самом деле, мало проку от такой прозы, загоняемой в размер.

С.Золотцев по справедливости указывает на газетность многих стихотворцев, но ему часто нравятся как раз риторические строки, ритмизованное красноречие. Благословляется жанровая размытость монолога, рождаемого гостиничным воображением командированного редакцией. Стоит задуматься не только о прозаической преднамеренности идеи, стиля, но и над преднамеренностью симпатий...

"Поэт и исследователь" не отходит от въедливой социологичности, привязки к нужной теме - линии. Это не позволило, например, разглядеть лирического героя Р.Филиппова. Его музу отличает "высокая газетность" (А.Кобенков); "журналист явно отодвигает в сторону поэта", - сумел добавить С.Золотцев. А какого из приводимых примеров не отодвигает? Между тем, у Р.Филиппова есть свой лирический двойник, добродушный, требовательный к себе сибиряк, забайкалец. Есть в "Сибирских ямбах" свой лиризм, уважительность к жанру.

Бывает, что и курица петухом поет.

По птичке и гнездышко.

Критика, занимаясь посредственностью и не видя ее, неизбежно сфальшивит, не доскажет, запутает - нередко и осознанно.

Чем определяется нынешний литературный процесс и какова роль литературной критики в нем?

В.Гусев находит в нем падение текущей литературы ("Советская литература", 8, 1990). Спасают публикации из прошлого, "торопливые подражания Булгакову, Платонову, западному черному модерну". "Ху-

дожественной критики у нас сейчас вообще нет".

Для "октябриста" А.Бочарова литературный процесс определяется противостоянием русских "националистов" и великих гуманистов-"общечеловеков" типа А.Сахарова, который произносит ласкающие слух слова:

"Лишь в демократических условиях может выработаться народный характер, способный к разумному существованию во все усложняющемся мире". ("Октябрь", 8, 1990).

Тактика доказательств как подтасовок-смесителей до смехотворности стародавняя. В одну линию выстраиваются писатели, утверждающие "приоритет личностных и гуманистических начал": П.Нилин, В.Быков, В.Тендряков, А.Битов, Ю.Казаков, В.Гроссман, Б.Пастернак. (Там же).

Гераклит изрек непререкаемую истину: "Природа творит согласие через раздор" - борьбу противоположностей.

Это гармония "лука и арфы", это закон развития.

Общество, его литература - тоже.

Литературный процесс - взаимодействие идейно-эстетических направлений, течений, стилей. Так что, было бы странно, если бы было наоборот.

Борьба естественна, но без эстетизации взаимоненависти. Поединок честный, рыцарский, в открытом поле, где всегда побеждает сильнейший, т.е. Бог как Добро, Свет, а не сатана как исчадие асизма, узаконенного ростовщичества, гешефта под флагом демократии, свободы, общечеловеческих ценностей, любви к ближнему, т.е. к иудею, а не к христианину или мусульманину.

"Октябристка" из "Знамени" Н.Иванова верно полагает, что литературный процесс существует благодаря антиутопическому мышлению, которое "отличается решительным стремлением вернуть человека к настоящему, помочь ему преодолеть утопическую иллюзорность". (1990, 8). Согласны! Но какому человеку? (вообще, что ли?). А как сладостен Н.Ивановой этот привычный гомологический ряд, куча мала из антиутопистов: "Мы" Е.Замятина, "Чевенгур" А.Платонова, "Стихи о неизвестном солдате" О.Мандельштама, "1984" Дж.Оруэлла, "Процесс" Ф.Кафки, "Кролики и удавы" Ф.Искандера, "Остров Крым" В.Аксенова! Они что, все моисеевы второзаконники?

Представим эту антиутопную когорту как идейно-эстетическое направление, художественно состоявшееся - какая-то колонна вышла в поле навстречу? Да, вышла: "русофилы", "черносотенцы", "шовинисты", то бишь вееликодержавные. Есть ли у них что-либо состоявшееся? А почему бы и нет. Ведь не сбросишь со счета В.Шукшина, А.Вампилова, В.Белова, В.Распутина, В.Личутина, Ю.Бондарева, В.Лихоносова! А у рыцарей демократии и "общечеловечества" "Выходит как-то так, что все имеют право любить свою работу и свой народ, кроме русских: и израильтяне, и арабы, и англичане, и французы, и шотландцы, и баски, и латыши, но вот русские, утверждающее не расовое свое происхождение, а принадлежность к не такой уж второстепенной культуре, сразу называются шовинистами". (З.Шаховская, По поводу двух писем, "НС", 9, 1991).

(Окончание в следующем номере)

Иркутская летопись

ЛЕТОПИСИ П.И. ПЕЖЕМСКОГО И В.А. КРОТОВА

1848 г. 5 января в Иркутске, по получении с почтою (известия), было отправляемо молебствие по случаю достижения Великим Князем Константином Николаевичем совершеннолетия и произнесения торжественной присяги в исполнении обязанностей службы - 26 ноября 1847 г. в Большой придворной церкви Зимнего дворца в С.-Петербурге.

9 января р.Ангара против г.Иркутска покрылась льдом при 32 градусах холода и при посредственном возвышении воды.

Января (1) в Иркутске было совершено погребение баталионного командира, подполковника Кожевина, со всеми воинскими почестями; провожали до могилы солдаты и полковая музыка; погребен на общем кладбище.

Января (2) скончался законоучитель гимназии, протоиерей Благовещенской церкви Павел Колодезников.

28 января, в день рождения Великого Князя Михаила Павловича, родившегося в 1798 г., было отправляемо торжество по случаю исполнения 50 лет от рождения: с вечера во всех церквах города было отправлено всенощное бдение, а в день рождения в кафедральном соборе преосвященный Нил архиепископ совершал литургию и отправлял благодарственное молебствие со всем градским духовенством при собрании всех начальств, как военных, так и гражданских; был большой парад у собора и артиллерия с четырьмя пушками; по окончании молебствия произведен из пушек 31 выстрел, а вечером в городе было освещение.

3 февраля в церкви Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев было совершено отпевание двух сыновей протоиерея той церкви Алексея Шергина: первый, Евгений, на 9 году от рождения, скончался 31 января, а второй, Николай, на 4 году от рождения, скончался на завтра, т.е. 1 февраля; погребены в одной могиле на общем кладбище.

9 февраля, в 9 часу по полудни, в Иркутске было видно на небе, на северо-востоке, большое зарево, очень красное (3), ночью был большой ветер.

11 марта, по получении с почтою (известия), было отправляемо торжество по случаю обручения Вели-

(1) Продолжение. Начало см. "Сибирь", 1991, N 1-6.
(2) Число не обозначено.
(3) Вероятно, северное сияние.

кого Князя Константина Николаевича с принцессою Саксен-Альтенбургскою Александрою Иосифовной, совершенного в С.-Петербурге 6 февраля. В Иркутске с вечера отправлено было по всем церквам всенощное бдение, а поутру, в кафедральном соборе, молебствие с коленопреклонением, был целодневный колокольный звон.

На 14 марта, во 2 часу по полуночи, в Иркутск прибыл из С.-Петербурга генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-майор Николай Николаевич Маравьев с супругою; при въезде в город был встречен у Триумфальных ворот полицмейстером Гаврилом Егоровичем Тюменцовым.

На 10 марта ночью р.Ангара против города раскрылась от льда, быв покрытою 60 дней.

На 18 мая ночью в Иркутск пришла Московская почта, которая по распутице не приходила с 29 апреля. Всех почт в просрочке накопилось семь, подходил уже срок восьмой почте. Такой медленности еще никогда в Иркутске не бывало. Говорят, что причиною были глубокие снега, от коих сделалась большая грязь и разлитие рек.

29 мая, в 4 часа пополудни, в Иркутск прибыли по кругоморскому тракту китайские курьеры с бумагами к губернатору; квартировали в доме чиновницы Пирожковой. По исполнении своих обязанностей 4 июня выехали обратно в Кяхту через Байкал на пароходе.

2 июня в Иркутске заложено деревянное здание для благородного собрания в 1 части города, в публичном саду, у Спасской церкви, против губернского правления, на сборную сумму чиновников и купцов. Всею постройкою управлял, по назначению генерал-губернатора Мураьева, не состоящий на службе штаб-лекарь Иван Сергеевич Персин. 16 сентября того же года, по окончании всей работы, строитель Персин всех работавших плотников и других мастеров угощал обедом в том же самом здании, совсем отделанном.

11 июня, в 12 часу ночи, по 3 ч.города, по 2 Солдатской ул., у Иркутского мещанина Булгачева сгорел деревянный дом.

15 июня, по 2 ч.города, у церкви Преображения Господня, была закладка каменной ограды иждивением почетного гражданина и кавалера Ефима Андреевича Кузнецова. Сам преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, совершил молебствие и окропил святою водою начавшуюся строиться каменную ограду.

24 июня вместо Иркутского Иркутского полицмейстера, коллежского ассесора Гаврила Егоровича Тюменцева поступил к исправлению должности Ирк. полицмейстера чиновник особых поручений ген.-губернатора Вост.Сибири Муравьева, капитан Егор Александрович Корженевский, а в 1851 году переведен на Тельминскую фабрику директором вместо г-на Бродниковского.

25 июня, в 3 ч. пополудни, из Иркутска выехал по Московскому тракту Генерал-Губернатор Восточной Сибири Муравьев по своим

губерниям до границы Восточной Сибири для свидания с Генерал-Губернатором Западной Сибири, князем Горчаковым.

1 июля в Иркутске и по Сибири прекращены в обращении ассигнации и переменены на кредитные билеты, и с сего 1 июля ассигнации нигде не принимаются.

2 июля, в 3 ч. по полудни, выехал из Иркутска по Заморскому тракту Нил, архиепископ Иркутский, для обозрения церкви Никольской пристани, переносимой на другое место, ближе к Байкалу. Того же месяца 4 числа прибыл обратно в Иркутск.

7 июля, в 6 часу по полудни, выехал из Иркутска в трех экипажах по Московскому тракту в свои поместья в Казанской губернии бывший Иркутский губернатор, действительный статский советник Андрей Васильевич Пятницкий с супругою своею, Любовию Александровной. Получил увольнение от службы 10 мая 1848 года. На проводины не было повещаемо ни одно сословие граждан и на перевозе через Ангару никого не было, кроме близких к нему чиновников и нескольких купцов, и те провожали только до перевоза. Он был человек добрый и скромный, к гражданам был очень снисходителен и благосклонен, и были им все довольны, но из боязни неприятностей со стороны Генерал-Губернатора Муравьева не было сделано от общества больших проводин, которых он был достоин.

2 июля, вечером, прибыл в Иркутск свиты Его Императорского Величества полковник Веригин для формирования по новому учреждению Сибирских казаков; квартировал в доме купца Зубова. Он ездил за Байкал; по возвращении из-за Байкала в августе месяце вскоре уехал в С.-Петербурге.

10 июля, в 12 часу дня, в Иркутск прибыл обратно Генерал-Губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев.

25 июля, во 2 часу по полудни, выехал из Иркутска по Московскому тракту до Балаганска преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, для крещения Баганских инородцев. 31 июля, в 9 часов утра прибыл обратно в Иркутск. В Балаганске он совершил крещение братских (бурят) до 110 чел. Некоторые из почетных инородцев приехали сами в Иркутск и были крещены в кафедральном соборе.

8 августа выехал из Иркутска в С.-Петербурге председатель Иркутской казенной палаты, статский советник Павел Клементьевич Лавриновский с семейством. Ему повелено состоять при Министерстве Финансов.

9 августа выехал из Иркутска за Байкал для обозрения губернии Генерал-Губенатор Муравьев.

11 августа, в 2 ч. дня, выехал из Иркутска в Тунку для обозрения устраиваемой там Ниловой пустыни преосвященный Нил, ерхиепископ Иркутский.

В первых числах августа в Иркутске, по распоряжению и.д полицмейстера Корженевского, учреждены по всякому городу де-

сяточные караулы из жителей города. Всякий домохозяин поочередно должен был ночью выходить в караул на улицу и охранять свой десяток - назначенные полицией десять домов. Из частной управы были выданы на каждый десяток дощечки с печатью. Всякий хозяин, откараулив ночь, передавал на другой день эту дощечку соседу. Этот караул состоял из обоего пола: где нет в дому мужчины, должна была выходить в караул и женщина. Такой порядок продолжался до октября месяца; в первых числах октября были отобраны выданные частною управою дощечки, и тем десяточный караул в Иркутске прекратился.

30 августа, в 3 часа по полудни, в Иркутск прибыл обратно из Тунки преосвященный Нил.

3 сентября, в 1 часу по полудни, прибыл в Иркутск состоящий в должности Иркутского гражданского губернатора статский советник Владимир Николаевич Зарин с семейством, состоящим из супруги и двух его племянниц.

22 сентября, в 12 час. дня, в Иркутск прибыл обратно из-за Байкала Генерал-Губернатор Николай Николаевич Муравьев с супругою.

На 25 сентября, в 12 часу ночи, по 2 части города, в Благовещенском приходе, по ЗВверевской улице у казака Садовникова сгорел сарай, который был наполнен сеном.

25 сентября в Иркутске скончался заштатный протоиерей Никифор Парняков, имевший более 70 лет от рождения. Прежде он был протоиереем кафедрального собора и членом духовной консистории.

7 октября, по получении с почтою (известия), преосвященный архиепископ Нил отправлял благодарственное Господу Богу молебствие с коленопреклонением по случаю бракосочетания Великого Князя Константина Николаевича с Великою Княжною Александрою Иосифовною, совершенного в С.-Петербурге 30 августа. Был трехдневный колокольный звон; вечером в городе освещение.

5 ноября, в 8 часу вечера, в Иркутске видимо было небесное явление - на северо-востоке большая краснота в виде зарева продолжалась до 12 часов ночи с разными изменениями: исчезала и снова опять появлялась в разных видах. Многие жители были испуганы: сочли за большой пожар. 6 числа, вечером, в то же время на небе была видна такая же краснота, но гораздо менее и не долго.

В ноябре в Иркутске переведен сенной и дровяной базар на новое место, из Преображенского прихода, где он был на месте прежних кузниц, помещен в Благовещенском приходе, где был прежде арсенал.

1849 г., 8 января, р. Ангара против города покрылась льдом при 23 градусов холода; возвышение воды было несколько более прошлогоднего.

13 февраля, в 9 часу вечера, в Знаменском монастыре (предместьи) сгорел до основания большой дом умершего купца Николая Филипповича Брянского.

21 марта р.Ангара против города раскрылась ото льда, быв покрытою 72 дня.

В половине марта проехала через Иркутск в Пекин Пекинская духовная миссия; проживала в Иркутске недолго; уехала в Кяхту по Байкалу. Миссия состояла из следующих лиц: начальник миссии - архимандрит Палладий Каваров, уроженец Казанской губ. и воспитанник Казанской семинарии, окончивший образование в Александро-Невской академии. Он уже был в Пекине с 1840 по 1846 год в сане иеродиакона; иеромонахи Евлампий Иванов и Павел Цветков; иеродиакон Иллалрион Оводов; студенты Николай Успенский и Михаил Храповицкий, все пятеро - воспитанники той же академии; агроном Константин Скачков, воспитанник Ришельевского лицея; врач Степан Базилевский, воспитанник С.-Петербургской медико-хирургической академии; художник Иван Чумутов, из воспитанников Петербургской академии художеств. Для сопровождения миссии в Пекин был назначен приставом полковник горных инженеров Е.П.Ковалевский, известный красноречивыми описаниями своих путешествий, которых он много совершил по разным частям света, и еще в конце 1848 г. только что возвратился из Египта.

16 апреля совершено погребение чиновника особоых поручений при Генерал-Губернаторе Восточной Сибири, ротмистра Василия Михайловича Муравьева, родного племянника Генерал-Губернатора Муравьева, проживавшего с Генералом в одном доме. Приглашения были по билетам в дом Генерал-Губернатора к выносу тела. В 9 часов утра прибыл в дом Генерал-Губернатора Муравьева преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, с духовенством; из дома следовал за гробом по Большой ул. до Благовещенской церкви, где отслужил литию и ушел в церковь для разоблачения; а процессия, сопровождаемая архимандритом Нифонтом с духовенством, последовала в Знаменский монастырь; гроб был поставлен на катафалк, играла музыка и пели два хора певчих. По прибытии процессии в монастырь приехал преосвященный Нил и совершил литургию и отпевание в присутствии Генерал-Губернатора Муравьева с супругой и прочих чиновников. Преосвященный проводил гроб до могилы, приготовленной в ограде Знаменского монастыря. По кончании погребения приглашены были все в келии игуменьи для поминовения усопшего.

15 мая, в 3 часа по полудни, выехал из Иркутска по Якутскому тракту состоящий в должности Генерал-Губернатора Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев с супругою в дальний путь - в Камчатку. По распоряжению преосвященного Нила, провожали из города с колокольным звоном, а почетный гражданин Ефим Андреевич Кузнецов на первой станции от города - Хомутовой - угощал обедом.

12 июня в кафедральном соборе, по прочтении Высочайшего Манифеста о движении российской армии для содействия Императору Австрийскому в потушении мятежа в Венгрии и Трансильвании, преосвященный Нил, архиепископ Ир-

кутский, с градским духовенством отслужил молебствие при собрании военных и гражданских чинов и всех сословий.

1 июля, подле Знаменского девичьего монастыря, после литургии была закладка для училища девиц духовного звания на каменном фундаменте, иждивением Иркутского 1-й гильдии купца Ефима Андреевича Кузнецова. Пожертвовано им на это здание 150000 руб. ассигнациями. Заведение принято под покровительство Императрицы Александры Федоровны и наименовано "училищем Евфимия Кузнецова для девиц духовного звания".

По совершении литургии в Знаменском монастыре преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, с духовенством изволил идти на место закладки со св.икононами и по совершении молебствия о окроплении св.водою положил первый камень в основание здания.

8 июля в кафедральном соборе преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, отправлял молебствие с коленопреклонением по случаю открытия военных действий против Венгрии в помощь Австрийскому Императору.

31 июля в кафедральном соборе преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, с градским духовенством отправлял панихиду о упокоении Великой Княжны Александры Александровны, старшей дочери Наследника и внучки Императора Николая Павловича, скончавшейся 16 июня на седьмом году от рождения.

К 6 августа в Иркутске, при церкви Преборажения Господня, постройка каменной ограды с железною решеткою совсем окончена и решетка выкрашена.

16 августа, в 3 часу по полудни, из Иркутска выехал по Кругоморскому тракту в Тунку преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, и 4 сентября, во 2 часу по полудни, прибыл обратно.

На 20 августа, в 11 часу ночи, по 3 части города, в приходе Крестовоздвиженской церкви, у чиновницы Песковой горел сарай.

5 сентября, по получении из почтамта присланным духовным лицам наград, преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, в келиях своих возложил наперсный крест на благочинного протоирея Прокопьевской церкви Алексея Шергина, и потом протоирею Спасской церкви Прокопию Громову выдал присланную камилавку.

18 сентября в кафедральном соборе Нил, архиеп.Иркутский, с градским духовенством отправлял благодарственное Господу Богу молебствие по поводу того, что 1 августа венгерские мятежнические войска, находившиеся под предводительством их генерала Георги, положили пред русскими оружие, в числе 11 генералов; 20 тыс. пехоты, по 2 тыс. кавалерии, и при них около 130 орудий. Был военный парад; палили из пушек, вечером в городе было освещение.

7 октября, по получении с почтою манифеста о смерти Великого Князя Михаила Павловича, после-

довавшей 28 августа в Варшаве после краткой, но тяжкой болезни, в кафедральном соборе преосв. Нил, архиеп. Иркутск, с градским духовенством отправлял панихиду, о коей повещены были все военные и гражданские начальства и градское общество всех сословий.

9 октября в Иркутске было отправлено торжество по случаю окончания войны с мятежными венграми; с вечера на 9 число во всех церквах города было всенощное бдение, а в день торжества - военный парад и целодневный колокольный звон.

11 октября в Спасской церкви после поправок полов и иконостаса преосвящ. Нил, архиепископ, освящал престол во имя Спаса Нерукотворного Образа.

30 октября, в 3 часу по полудни, прибыл в Иркутск бригадный командир, генерал-майор Запольский; был принят на квартиру в дом бывшего баталионного командира Клеветского, в Чудотворском приходе.

10, 11 и 12 ноября в общественном зале против Воскресенской церкви были общественные выборы на трехлетнее служение в градские службы. Избраны: градским головою Василий Николаевич Баснин; кандидатом по нем - Василий Яковлевич Донской, в банке Медведниковой старшим попечителем - Петр Васильевич Содатов. Были избраны и другия лица во все общественные службы.

20 ноября, вечером, прибыл в Иркутск по Якутскому тракту ген.-губ. Вросточной Сибири Муравьев с супругою из поездки в Камчатку. На обратном пути из Камчатки проживал в Якутске более месяца в ожидании зимней дороги.

26 ноября, в 8 час. утра, по 2 ч. города, при институте благородных девиц Восточной Сибири загорелось здание, занимаемое больницею; по прибытии пожарной команды вскоре потушено.

28 декабря, в 6 часу утра, по 1 ч. города, в Тихвинском приходе загорел каменный двухэтажный общественный дом, занимаемый казенной палатою, сгорел весь, остались только каменные стены. Пожар продолжался весь день до вчечера и ночь. Пол и потолки в нижнем этаже, заваленные верхними потолками с землею, горели понемногу целые три дня; несколько раз заливали их водою, и они вновь загорались. Казенная палата нв время была переведена в госпиталь - прежний каменный дом Мыльникова. Говорят, что в казенной палате сгорело много бумаг: во время пожара горевшие бумаги летали по Троицкой церкви.

20 декабря р. Ангара против города покрылась льдом при 10 градусах холода; возвышение воды было очень малое. В исходе декабря в Иркутске изменен набор почты: вместо четверга стали набирать в пятницу, а отходить в Москву начала она по субботам утром, вторая московская почта осталась попрежнему - в понедельник. Приход в Иркутск московской почты назначен в субботу и в понедельник.

1850 г., 1 января, в кафедральном Богоявленском соборе, по окончании литургии, Иркутские граждане,

избранные от общества на трехлетнее служение, принимали присягу.

28 января прибыли в Иркутск китайские курьеры от китайского правительства с бумагами к гражданскому губернатору; квартировали по 3 ч., в доме Власовой. 7 февраля выехали обратно из Иркутска в Кяхту.

На 3 февраля ночью, по 3 ч. города, против прежнего арсенала, где ныне(1) сенной и дровяной базар, во вновь выстроенном купцом Трапезниковым ряду воры сбили у трех лавок замки и увезли из них все товары (тут торговали мелочным товаром и чаем), а караульного удавили и повесили на веревку тут же у лавок.

5 февраля, по получении с почтою (известия), было отправляемо торжество по случаю рождения у Наследника Престола сына, нареченного Алексеем, родившегося в С.-Петербурге 2 января. С вечера было отправлено во всех церквах города всенощное бдение, а поутру, перед обеднею в кафедральном соборе преосвященным Нилом с градским духовенством отправлено было благодарственное Господу Богу молебствие; был целодневный колокольный звон.

На 26 февраля, в 1 часу ночи, по 2 ч. города, при доме института благородных девиц Восточной Сибири сгорел до основания флигель, занимаемый кухнею и больницей, подле дома Ефима Андреевича Кузнецова. С самого здания института, к стороне пожара, была снята крыша и из помещения института вынесена мебель и все вещи; даже из церкви вынесен был иконостас.

26 февраля отправляемо было торжество с целодневным звоном по случаю крещения Великого Князя Алексея Александровича, совершенного в С.-Петербурге 22 января.

12 марта, по получении с почтою (известия), отправляли торжество с целодненым звоном по случаю рождения у Великого Князя Константина Николаевича сына, нареченного Николаем, родившегося в С.-Петербурге 2 февраля.

16 марта, в 7 часов вечера, по 3 ч. города, на Большой ул., против дома Ив.Вас.Балакшина, у мещанина П.М.Суханова сгорели до основания сарай и дом.

В марте месяце получен в Иркутске с почтою Высочайший Манифест, данный 11 января 1850 г., коим повелено произвести новую народную перепись (ревизию). Эта перепись по числу-девятая в России. Действие 9-1 переписи дожно было начаться со дня получения на месте Манифеста, для подачи ревизских сказок назначено два срока: первый - со дня издания Высочайшего Манифеста по 1 ноября 1850 г., а в губерниях Ставропольской и Сибирских - по 1 февраля 1851 г. и дополнительный, с платежом пени - со дня окончания первоначального срока по 1 февраля, а в губерниях Ставропольской и Сибирских - по 1 июня 1851 г. Платеж государственных податей земской повинности и общественных сборов по новой реви-

(1) Т.е. в конце пятидесятых годов.

зии должен был начаться со второй половины 1851 г., а в губерниях Ставропольской и Сибирских - с 1 января 1852 г.

6 апреля р.Ангара против города раскрылась ото льда, быв покрытою 107 дней.

24 апреля, на второй день пасхи, отправляли торжество с целодневным звоном, а с вечера - всенощным бдением, по случаю крещения Высоконоворожденного Великого Князя Николая Константиновича, - совершенного в Петербурге 14 марта.

1 мая, в 9 часу утра, по 2 ч. города, против алтаря Благовещенской церкви, на доме чиновника Ильина загорелась крыша; по прибытии пожарной команды крышу разломали и тем прекратили пожар.

4 мая, в 1 часу по полудни, по 2 ч. города, в Преображенском приходе, у моста р.Ушаковки сгорела кузница Потапова.

16 мая, во 2 часу по полудни, по 2 части города, у р.Ушаковки загорелись торговыя бани купца А.Е.Гранина; разломаны до основания.

7 июня, в 11 часу утра, выехал из Иркутска за Байкал, на горячие воды, Иркутский гражданский губернатор Владимир Николаевич Зарин с семейством.

15 июня, в 4 часу дня, по 3 ч. города, позади дом купца Пестерева, при доме умершего мещанина П.А.Кузнецова загорел сарай, вскоре потом загорел и дом Кузнецова и подле него другой дом, бывший чиновника Сарапулова, а ныне мещанина Черкашенина. Сгорели оба дома во всеми службами и еще соседняя баня купца Котельникова; у мещанина Чагина сломали баню. Дом купца Н.В.Пестерева был в большой опасности; из дома и из магазина под домом выбрались совсем; также выбрались и из дома Котельникова. День был очень жаркий и ясный; сгоревшие здания были охвачены пламенем быстро, даже пожарная машина 3 части, бывшая близко у огня, сгорела совсем, едва успели спасти лошадей из-под нее.

22 июня в Иркутск прибыли китайские курьеры от китайского правительства с бумагами к гражданскому губернтору; квартировали в доме Власова, по 3 ч. города.

По исполнении своих поручений 29 июня уехали обратно из Иркутска через Байкал в Кяхту.

9 июля, утром, прибыл в Иркутск из Красноярска Сибирский линейный баталион N 12 с командиром оного маиором Лебедевым и помещен в казармах. В тот же день в роще, против казармы Иркутский городской голова Василий Николаевич Баснин угощал прибывших солдат обедом, вином и пивом. Во время обеда изволил быть тут и сам Генерал-Губернатор Муравьев; пили шампанское за здравье Государя и проч. По пробытии в Иркутске трех дней солдаты начали выступать из Иркутска по-ротно за Байкал, по дороге к морю.

12 июля, в исходе 10 часа вечера, в Иркутске чувствуемо было землетрясение.

26 июля, в 11 часу утра выехал из Иркутска по Московскому тракту, для обозрения епархии, преосвященный Нил, архиепископ Иркутский. 7 августа прибыл обратно в Иркутск.

5 августа, в 5 часу по полудни, прибыл в Иркутск из-за Байкала Иркутский гражданский губернатор Владимир Николаевич Зарин с семейством.

9 авгулста, в 11 часу вечера, в Иркутске чуствуемо было землетрясение.

3 сентября, поздно вечером, из Иркутска выехал в С.-Петербург Генерал-Губернатор Восточной Сибири Муравьев с супругою.

5 сентября, в 2 часа дня, из Иркутска выехал в Тунку преосвященный Нил, архиепископ Иркутский.

На 11 сентября в 11 часу ночи в Иркутске, во второй части, в приходе Владимирской церкви, при доме чиновника Ланганца, что подле дома купца Прокопия Мыльник5ова, сгорел до основания сарай.

15 сентября в Иркутск прибыл вновь назначенный председатель казенной палаты, статский советник Какуев.

18 сентября прибыл в Иркутск из Тунки преосвященный Нил, архиепископ Иркутский.

25 сентября, утром, в Иркутск прибыл вновь назначенный комендант артиллерии, полковник Ренгарт, вместо генерал-майора Каниболотского.

26 сентября, в 1 часу по полудни, скончался почетный гражданин, Иркутский 1 гильдии купец, статский советник и кавалер орденов Св.Владимира 3 ст. и Св.Анны 3 ст.Ефим Андреевич Кузнецов, на 67 году от рождения. В день кончины его в кафедральном соборе литургию совершал преосвященный архиепископ Нил. По окончании литургии преосвященный изволил прибыть в дом Ефима Андреевича Кузнецова навестить больного в течение нескольких уже месяцев. В присутствии владыки больной испустил последний вздох, и сам преосвященный изволил при себе положить усопшего на стол и отслужить по нем первую литию, архиерейские певчие пропели "со святыми упокой". Накануне погребения, 29 сентября, был вынос тела из дома в кафедральный собор, где покойный служил церковным старостой, по церемониалу, утвержденному Иркутским гражданским губернатором Зариным. В 2 часа по полудни собрались в дом усопшего: градское духовенство, чиновники и граждане всех сословий; принесены были из всех приходских церквей хоругви. В 4 часа, по прибытии в дом усопшего Кузнецова архиепископа Нила и по совершении им обычной литии началось шествие в собор. Всей процессией распоряжался полицмейстер Корженевский. Впереди и по сторонам ехали жандармы верхами и шли полицейские служители, за ними следовали полковые музыканты и играли погребальный марш, потом хор певчих казачьих, за ними ученики семинарии и духовного училища, по два в ряд; за ними несли

панихиду и свечи, а потом шел духовник усопшего, священник Преображенской церкви Дмитрий Попов и по бокам два диакона со свечами; далее - хор солдатских певчих, потом ремесленный голова с ремеслинниками со значками каждого ремесла и мещанский староста с общественниками.

Все шли по два в ряд. Крышку гроба несли два гласных, Курносвов и Михеев и два заседателя городового суда, Чирков и Корюхов, все в мундирах; за ними несли на бархатных подушках две медали, первую - гласный Пономарев, вторую - член благотворительного общества Пуляев в мундирах; чиновники несли два ордена, тоже на бархатных подушках: орден Св.Анны 3 ст. - советник губернского суда Заборотский, орден Св.Владимира 3 ст. - советник губерского правления Скрябин. За ними следовал городской голова Баснин и судья городского суда Белоголовый с почетными гражданами, купечеством и чиновниками из разных мест.

За ними шло младшее духовенство из всех церквей города, по два в ряд, а по сторонам всей процессии несены были хоругви причетниками в стихарях. Гроб усопшего по вынесении из дома был поставлен на катафалк с балдахином, нарочно для сего устроенный, который везен был на четырех лошадях, покрытых черным сукном; по сторонам несли факелы. На катафалке у гроба стояли два члена сиропитательного банка Медведниковой, Караулов и Герасимов, и два члена городской думы - гласные Пежемский и Сапожников, все в мундирах.

За гробом шли архиерейские певчие, потом протоиереи, архимандрит Вознесенского монастыря Нифонт и, наконец, сам преосвященный Нил, архиепископ Иркутский.

В заключении процессии ехала на карете супруга усопшего. Вся эта печальная процессия окружена была множеством народа; следовала по улице мимо 2-й частной управы, по выходе на Большую, поворотила по улице Ланина мимо Владимирской церкви, а оттуда, возле ограды духовной семинарии и вышла к собору. По прибытии к собору сняли с катафалка гроб почетные граждане и купечество, внесли в церковь и поставили в холодном храме на катафалк, нарочно для сего устроенный. При принесении в церковь литию о упокоении усопшего, по окончании коей архиепископ Нил произнес приличное слово.

На другой день, 30 сентября, после литургии, которую совершал архиепископ Нил со старшим духовенством, проповедь говорил протоиерей Спасской церкви Прокопий Громов, в коей изложил обзор всей жизни усопшего. По отпетии процессия следовала таким же порядком, как и на выносе, со всеми теми же лицами на тех же местах и так же сам преосвященный Нил следовал со всем духовенством. Только музыканты шли уже позади всей духовной процессии. Следовала она из собора мимо главной гауптвахты по Заморской улице, потом поворотила мимо 3-й частной управы прямо к дому покойного Кузнецова; по совершении тут литии проследовала к церкви Преображения Господня, в ограде коей приготовлена была могила, где и погребено тело усопшего, против алтаря холодной церкви.

11 декабря р.Ангара против города покрылась льдом; возвышение воды было посредственное, холода не более 15 градусов.

1851 г., 7 февраля, в Иркутск прибыли китайские курьеры - монголы; квартировали в доме Власова, выехали 24 февраля обратно.

25 февраля, по получении с почтою (известия), отправляемо было торжество молебствием и целодневным звоном по случаю обручения Великой Княжны Екатерины Михайловны с его Великогерцогским Высочеством герцогом Георгием Мекленбург-Стрелицким, соверешенного в С.-Петербурге 21 января.

11 марта отправляемо было торжество по случаю бракосочетания Великой Княжны Екатерины Михайловны с его Великогерцогским Высочеством герцогом Георгием Мекленбург-Стрелицким в С.-Петербурге 4 февраля. В Иркутске отправлены по всем церквам заутрени, а 11 числа молебствие и продолжался три дня колокольный звон.

21 апреля р.Ангара против города раскрылась ото льда, простояв покрытою 130 дней. Это самое долгое стояние льда.

2 мая, в день преполовения Господня, было освящение двух икон - Святителя Николая Чудотворца и Ефимия архиепископа Новгородского Чудотворца, привезенных из Москвы по заказу покойного почетного гражданина, Иркутского 1-й гильдии купца, статского советника и кавалера Ефима Андреевича Кузнецова на собственное иждивение. Еще при жизни Кузнева оне предназначены по его распоряжению в иконостас в новый собор, предполагаемый созидаться на пожертвованный от него на этот предмет капитал - двести пятьдесят тысяч рублей серебром; величина икон - около трех аршин. Святители оба изображены в рост человека; ризы на них серебряные позолоченные; весу серебра в обеих ризах около четырех пудов, в венцах есть украшение камнями; киоты для них привезены оттуда же; рамы бронзовые с колоннами отличной работы; стекла в киотах цельные во всю икону. Иконы поставлены в кафедральный колодный собор, в иконостас. Ценность этих икон с киотами около десяти тысяч рублей серебром. Освящение их происходило нижеследующим порядком: предварительно иконы были принесены из дома покойного благотворителя Кузнецова, занимаемого ныне его наследником, чиновником Фавстом Петровичем Занадворовым, в приходскую церковь Преображения Господня, при коей в ограде погребен Ефим Андреевич Кузнецов. В день Преполовения в том храме, где стояли упомянутые иконы, совершена была поздняя обедня. Литургию совершал Спасской церкви протоиерей Прокопий Громов со священником того храма Дмитрием Поповым и Благовещенской церкви священником Николаем Колодезниковым. По окончании литургии в церкви отслужили по усопшем панихиду, потом начался крестный ход с новыми иконами вокруг церкви и на могилу жертвователя Евфимия Кузнецова и супруги его Ефимии Васильевны, тут же покоющейся, на могиле отслужили литию по усопшем; потом

иконы понесены были в сопровождении хоругвей и священно-церковно-служителей с пением и колокольным звоном в собор при стечении народа. По прибытии к собору остановились с иконами у места, изготовленного против собора на берегу р.Ангары для освящения воды, которое каждогодно бывает в день Преполовения, по случаю крестного хода вокруг города. В кафедральном соборе совершал литургию преосвященный Нил, по окончании коей начался из собора крестный ход на приготовленное место для освящения воды, где стояли и принесенные новые иконы обыкновенным порядком. По совершении водосвятия, преосвященный совершил обряд освящения новых икон Святителя Николая Чудотворца и Евфимия Новгородского Чудотворца, окропив святою водою; потом сотворили краткую литию о усопшем пожертвователе икон, певчие пропели "вечную память". По окончании сего обряда новые иконы понесены были в собор в сопровождении самого преосвященного Нила, а крестный ход последовал своим порядком в сопровождении архимандрита Нифонта со всем градским духовенством.

На 4 мая, в 1 часу ночи, по 2 части города, против Успенской церкви Медведникова, у Иркутского купца Андрея Евсеевича Венедиктова сгорел до основания большой флигель с мелочною лавкою.

В мае месяце в Иркутск прибыл полковой старшина, майор Моллер, по вновь учрежденному образованию Иркутского конного казачьего полка - начальник. В апреле 1851 г. в Иркутске получено Высочайше утвержденное в С.-Петербурге 4 января 1851 г. положение об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках. В состав Иркутского казачьего полка вошли все казаки Иркутского городового полка, проживающие в Иркут[illegible] - [illegible]07 душ и в [illegible]х округах и [illegible]ениях Иркутской губернии и Тункинского отделения - 1266 душ, а всего вообще 1973 души; к ним причислены подгородные селения крестьян, коим объявлял высочайшую волю, объезжая селения, сам бригадный генерал-майор Запольский. Поступили в состав Иркутского казачьего конного полка селения крестьян: 1) Максимовское - 205 душ; 2) Смоленщина - 130 душ; 3) Окинина - 29 душ; 4) Олха - 190 душ; 5) Кузьмиха - 90 душ; 6) Ершова - 35 душ; 7) Маркова - 29 душ; 8) Мельникова - 22 души; 9) Веденщина - 187 душ; 10) Баклаши - 84 души; 11) Моты - 95 душ; 12) Большая Разводная - 138 душ; 13) Малая Разводная - 46 душ; 14) Крыжановщина - 77 душ; 15) Щукина - 85 душ; 16) Пашкова - 10 душ; 17) Грудинина - 71 д.; 18) Михалевское - 56 душ; всего на 18 селениях крестьян поступило в казаки 1579 душ. А всего вообще казачьего народонаселения зн[illegible]тся по новому положению с причисленными крестьянами 3552 души.

27 июня, в 4 часа по полудни, из Иркутска по Якутскому тракту выехал преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, для обозрения епархии. 7 июля в 8 часов вечера прибыл обратно.

3 июля, в 12 часу ночи в Иркутске скончался диакон Крестовоздвиженской церкви Александр Петров Лавровский на 41 году от рождения, в день свое тезоименитсва, после десятидневной болезни, со-

стоявшей в бреду, по словам лекаря г. Белитского, от воспаления в мозгу. Погребен 7 июля на общем кладбище. Он первоначально служил псаломщиком 6 лет в Благовещенской церкви и 18 лет диаконом тоже Благовещенской церкви, а 25 декабря 1850 года переведен ко Крестовской церкви тоеже диаконом. Остались после смерти его сиротами жена и шестеро малолетних детей.

11 июля после трехдневного дождя вода в Ангаре так возвысилась, что острова против города Телячий и другие были покрыты водою, а Иркут совсем вышел из берегов и покрыл весь остров на противоположном берегу публичного сада; кусты на этом острове были до половины в воде, а по лугу и дороге к Вознесенскому монастырю текла вода; мосты по дороге все вынесло и сломало, так что всякое сухопутное сообщение с монастырем по лугу пересеклось; перевоз через Ангару Московского тракта был переведен ниже Вознесенского монастыря в селение Жилкину. На лугу пасущийся табун лошадей и рогатого скота спасался только на реках, еще не покрытых водою, а вода все еще возвышалась. 11 числа с полудни принуждены были послать туда для спасения скота карбаза крытые и перевозные, сколько было готовых; переправа через реку была слишком трудна, по большому разлитию воды, но перевозку скота скоро остановили, потому что 12 числа был день ясный и вода быстро стала убывать. По Иркуту лежащим селениям причинено много вреда, у иных уносило целые дома, амбары и бани; в селении Смоленщине очень повредило крупчатую мельницу Котельниковых и большой амбар с пшеницею подмыло; речка, на которой стояла мельница, направилась по другому месту. Речка Ушаковка, хотя и возвышалась, но прибыль воды была посредственная. Это наводнение было несколько более бывшего в 1836 году в августе месяце.

31 июля в Знаменском монастыре было погребение подполковника артиллерийской роты Самуила Карловича Клайгенса, скончавшегося 27 июля на 42 году от рождения, квартировавшего в Знаменском монастыре (1) в доме умершего купца Щеголева. При погребении следовали за гробом, который везли на катафалке, команда артиллерии и баталион солдат со знаменем и музыкою. Погребен в ограде Знаменского монастыря. После смерти его осталась супруга его Дарья Ивановна и дочь 16 лет. Командир был скромный и очень добрый человек.

5 августа в Иркутске было погребение проживающего в Усолье на службе, привезенного для погребения в Иркутск, горного полковника Меиуса, скончавшегося в Усолье уже в преклонных летах. Он принадлежал к исповеданию лютеранскому, но за отлучкою пастора лютеранской церкви, с разрешения преосвященного Нила, архиепископа Иркутского, священник Воскресенской церкви Василий Карташов с диаконом отслужили по усопшем литию и следовали за гробом до кладбища. Гроб везен был

(1). т.е. в Знаменском предместье.

на катафалке, и за ним следовала полковая музыка.

12 августа, в 3 часа по полудни, в Иркутск прибыл обратно из С.-Петербурга Генерал-Губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Николай Николаевич Муравьев с супругою; встречен был с колокольным звоном в церквах, стоящих по пути к дому генеральскому.

16 августа из Иркутска выехал по Московскому тракту бывший Иркутский гражданский губернатор, действительный статский советник Владимир Николаевич Зарин с супругою и племянницею к месту своего назначения - во Владимир - гражданским губернатором.

17 августа, в 9 часу вечера, в Иркутске был гром и два сильные удара, одним из них - последним, ровно как пушечным выстрелом, - ударило в столб повети, устроенный для метки сена при доме Иркутского мещанина Михаила Петровича Щегорина, против 2-й частной управы; столб расщепало на части.

1 сентября из Иркутска выехал за Байкал Генерал-Губернатор Муравьев и 30 числа того же месяца прибыл обратно в Иркутск.

3 сентября в Иркутске было погребение отставного генерал-майора Захара Григорьевича Клеветского, скончавшегося 31 августа на 73 году от рождения. Отпетие происходило в Чудотворской церкви; гроб везли на катафалке; следовали за гробом солдаты с музыкою и двумя пушками; по окончании духовного обряда производилась пальба.

8 октября отправляли торжество молебствием и целодневным звоном по случаю рождения в С.-Петербурге 22 августа Великого Князя Константина Николаевича дочери, нареченной Ольгою.

18 октября, в 1 часу по полудни против кафедрального собора на Ангаре было освящение вновь устроенного для опыта самолета для перевоза через Ангару иностранцем Липгардом. По приглашению строителя самолета Липгарда кафедральный протоирей Фортунат Петухов с архиерейскими певчими на самолете служил молебствие с водосвятием. по окончании молебствия на самолете, вошли туда полковые музыканты и многие из зрителей - почетные лица, и самолет пошел за реку Ангару, а музыканты играли марш; перейдя Ангару, тот же час возвратился назад на прежнее место; ход его вперед и обратно продолжался не более 6 минут. На берегу собралось очень много зрителей; при этом опыте был исправляющий должность гражданского губернатора Александр Михайлович Карпинский, многие чиновники и градский голова Василий Николаевич Баснин.

22 октября по 3 части города на Большой улице, задами смежно с отделением кантонистов, во вновь выстроенном театре Маркевичем (это здание длиною 17 сажен, шириною - 12, а вышиною - 4 сажени - два яруса лож и галерея) в первый раз давала представление труппа строителя театра Маркевича; поставлены были три пьесы: 1-я "Рус

ский человек добро помнит", 2-я "Девушка-моряк" и 3-я "Жена за столом, а муж под столом".

Собрание было большое, изволил быть и сам Генерал-Губернатор Муравьев и с ним много чиновников, так что все места в театре были заняты и билетов не достало.

8 ноября поздно вечером в Иркутск прибыл из Петербурга первый военный Иркутский губернатор, генерал-майор Карл Карлович фон-Венцель с супругою.

15 ноября, по получении с почтою (известия) отправляемо было торжество по случаю крещения Великой Княжны Ольги Константиновны, совершенного в С.-Петербурге 1 октября 1851 г.; был целодневный звон.

1 декабря в общественном доме против Воскресенской церкви открыт отдел Сибирского географического общества одушевленною речью Генерал-Губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева; второе заседание посвящено было составлению программы занятий и избранию сотрудников.

24 декабря р.Ангара против города покрылась льдом при 13 градусах холода и при порядочном повышении воды.

1852 г. 1 января в кафедральном Богоявленском соборе, по прочтении Высочайшего Манифеста о исполнении совершеннолетия сыну Государя Императора Николая Павловича, Его Высочеству Николаю Николаевичу и о принятии им присяги на верность престолу и отечеству, Нилом, архиепископом Иркутским, с градским духовенством совершено было благодарственное Господу Богу молебствие; потом из собора был крестный ход во вновь открываемый приют для детей женского пола, принятый под покровительство Государыни Императрицы Александры Федоровны и наименованный Александрийским. По принесении св.икон и по прибытии генерал-губернатора Вост.Сиб. Муравьева и военного губернатора фон-Венцеля, с прочими чиновниками, в назначенный для приюта дом бывшего общего управления, подле дома, занимаемого гражданскими губернаторами, прибыл и сам преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, отправил с водосвятием молебствие, окропив святою водою питомиц, поступивших первоначально в приют, и произнес краткую речь; провозглашено было многолетие всему Августейшему дому, основателем и учредителем своего благотворительного заведения на сумму, пожертвованную добрыми дателями. По окончании сего торжества иконы и духовенство возвратилось в собор с колокольным звоном.

В первых числах февраля поступил на место исправляющего должность Иркутского полицмейстера Федорова новый полицмейстер, маиор Евреинов.

5 апреля р.Ангара против города раскрылась ото льда, был покрытою 102 дня.

17 апреля ночью, в 1 часу, по 1 части города, по Заморской ул., в доме мещанки Зайцевой, произошел пожар; сначала загорелось в

доме Зайцевой; потом загорел большой дом чиновника Михайла Павлинова, прежде бывший Михайла Апрелкова, и подле него еще дом - бывший мещанина Заболовского, а ныне занимаемый Бахматовым; все три дома со службами сгорели до основания, только остался один сарай Зайцевой и едва спасли здание провиантской комиссии и флигель главного управления Восточной Сибири.

5 мая в 4 часа дня, по 1 части города, при доме чиновника Федора Карышева загорел сарай и по близости другой сарай - купца Ивана Степановича Хаминова; оба сарая загорели один после другого вскоре: пожар был большой, едва могли спасти два больших дома купца Хаминова, из которых выбирались со всем имуществом.

26 мая из Иркутска выехал за Байкал генерал-губернатор Муравьев, для обозрения Забайкальского края. 24 июля прибыл обратно в Иркутск.

На 27 мая ночью, в 12 часу, по 3 части города, на берегу Ангары, на протоке, у чиновника по горной части Николая Никифоровича Ковригина был пожар: сгорела на доме крыша и обгорел снаружи угол дома, а внутри дома ничего не горело.

12 июня у церкви Благовещенской была закладка новой каменной ограды вокруг церкви, старанием старосты той церкви, Иркутского купца Николая Васильевича Пуляева, на собранный капитал от доброхотных дателей.

17 июня, в 4 часа по полудни, по 3 части города, в Солдатской ул., на задах дома купца Сапожкова был пожар, у чиновницы Рудаковой: сгорел небольшой сарай с амбаром.

27 июля, в 3 часа по полудни, из Иркутска выехал к Байкалу преосвященный Нил. 29 июля прибыл обратно в Иркутск.

13 августа, в 2 часа по полудни, из Иркутска выехал по Заморскому тракту преосвященный Нил, архиепископ Иркутский, для освящения храма в Култукском селении, на берегу Байкала, и второго храма в Гуджире. 6 сентября, в 3 часа дня прибыл обратно.

22 августа, в 4 часа по полудни, из Иркутска выехал по Московскому тракту Генерал-Губернатор Муравьев для обозрения края. 10 сентября, в 9 часов утра прибыл обратно в Иркутск.

17 сентября в Иркутск прибыл бригадный командир казачьих полков Иркутского и Енисейского, генерал-маиор Александрович с семейством; принят на квартиру в дом Дегтева.

12 октября, в Крестовской церкви, после переправок было освящение теплого храма во имя Живоносного Источника Божией Матери, которое совершал преосвященный Нил с благочинным протоиреем Александром Шергиным и с прочим духовенством.

19 октября в той же Крестовской теплой церкви, в боку, на правой стороне освящен престол во имя Святителя Николая Чудотворца благочинным протоиреем Алексе-

ем Шергиным со священниками той церкви Иннокентием Каноровским, Василием Миротворцевым и Валерианом Петуховым.

20 октября в церкви Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев было отпетие коллежского ассесора Федора Ивановича Писарева, скончавшегося 17 октября, имевшего участие в наследии умершего статского советника Иркутского первой гильдии купца Ефима Андревича Кузнецова. Сам преосвященный Нил совершал литургию и отпетие успошего со старшим духовенством.

21 октября, по распоряжению Генерал-Губернатора Вост.Сиб.Муравьева, отставной чиновник Фавст Петрович Занадворов, главный наследник умершего Ефима Андреевича Кузнецова, посажен в тюремный замок, за то, что будто бы подарил генеральскому чиновнику Молчанову двадцать тысяч рублей. Молчанов в получении означенных денег не сознался.

26 октября, по распоряжению преосвященного Нила, архиепископа Иркутского, при архиерейском доме, в прежней семинарии, открыта школа для причетников - пения и устава церковного.

На 29 октября, в 2 часа ночи, по 1 части города, подле дома купца Василия Гольцова, у мещанина Золотарева сгорел флигель при большом ветре и снеге.

10, 11 и 12 ноября в общественном доме, прежде бывшем Забелинского, были общественные выборы на трехлетнее служение; избраны: градским главою Алексей Прокопьевич Медведников, а кандидатом по нем Петр Осипович Катышевцев, в городовой суд судьею Николай Лаврентьевич Зубов, кандидатом по нем Василий Яковлевич Донской; избраны были во все общественные службы и прочие лица.

10 декабря, в 9 часов вечера, в дом почетного гражданина Павла Петровича Баснина, занимаемого казначейством, сгорели амбары, в коих помещался архив казначейства.

31 декабря ночью н новый год р.Ангара покрылась льдом при 25 градусах холода и при очень малом возвышении воды.

В течение 1852 г. в Иркутске выстроены каменные здания вчерне: казенный каменный дом для казначейства, подле губернского правления, против публичного сада; дом каменный Иркутского купца Александра Петровича Траулинского, по 1 части города, через один дом от католической церкви, в Спасском приходе, в линию общего губернского управления и бывшего дома гражданского губернатора; выстроен и покрыт железом вчерне; дом каменный Иркутского купца Якова Степановича Малкова, по 1 части города, в Троицком приходе, по улице к церкви Архангельской; выстроен вчерне, но не покрыт..

1853 г. 1 января, в новый год в кафедральном соборе после литургии принимали присягу граждане, избранные на трехлетние и годовые общественные службы: градской глава Алексей Прокопьевич Медведников с гласными, городовой судья Николай Лаврентьевич

Зубов с заседателями, в банк Медведниковой старший попечитель Иван Степанович Хаминов и все прочие, избранные на службу.

2 января, в 5 часов утра, по 2 части города, в Знаменском монастыре, у государственного преступника Трубецкого сгорела оранжерея.

18 января, в воскресенье, из кафедрального собора в Знаменский монастырь перенесли икону Успения Божией Матери, привезенную из Киева чиновницей Вешниковой, бывшей в Киеве для поклонения святым мощам; там снят снимок с чудотворной иконы Успения Божией Матери, который обещала она доставить в Иркутск, в приклад к церкви в Знаменский монастырь; икона величиною в высоту 6 вершк. и в ширину 9 вер.; вставлена в небольшой резной с позолотой икностасец; риза на иконе серебряная белая. По прибытии в Иркутск доставила она икону высокопреосвященному Нилу, архиепископу Иркутскому; по приказанию преосвященного принесли икону в собор, где изволил сам преосвященный с духовенством отправлять молебствие, потом понесли к месту назначения - в Знаменский монастыь, в сопровождении того монастыря духовенства при колокольном звоне и при стечении собравшегося народа всех сословий. По принесении в Знаменский монастырь первоначально поставлена была в теплой церкви у правого клироса, служили молебствие; многие жители просили приносить к себе в дом и служить молебствие.

20 января, по распоряжению ген.-губ. Вост. Сибири Муравьева, в Крестовской церкви было отпетие костей, закупоренных в ящик, доставленных китайским правительством и переданных на китайской границе в Кяхте, найденных в китайских владениях и принадлежащих убитому разбойниками подпоручику Ваганову, бывшему в Китае, по распоряжению начальства, для снятия по р.Амуру видов и местности.

Отпетие совершал сам преосвященный Нил со старшим градским духовенством; надгробную речь произнес протоиерей Спасской церкви Прокопий Громов. При всей процессии присутствовал ген.-губ. Муравьев со всем своим военным штабом, военный губернатор Венцель и гражданские чиновники; были отданы военные почести; сопровождала полковая музыка и солдаты палили из ружей; погребен у Крестовской церкви в ограде.

15 февраля, в 3 часа по полудни, из Иркутска выехал в С.-Петербург ген.-губ.Вост.Сибири Н.Н.Муравьев с супругою; по выезде из дома провожаем был с колокольным звоном тех церквей, мимо коих лежал путь по городу.

18 марта, в 11 часов утра, по 2 части города, по Преображенской улице, у урядника Иркутского полка Адриана Полуэктова сгорел до основания двух-этажный деревянный дом, новый, не более, как три года построенный.

29 марта, р.Ангара против города раскрылась ото льда, быв покрытою 87 дней.

21 апреля, в 12 часу ночи в Иркутске чувствуемо было землетрясение.

На 14 мая, в 4 часа по полуночи, по 1 части города, по Почтамтской улице, недалеко от церквей Харлампия, был пожар у вдовы генерала Красавиной, бывшего коменданта супруги; сгорел дом со всеми службами. Пожар начался в сарае генеральши, подле ее дома; у Данилогорского при этом пожаре сгорел амбар, баня и разломана крыша на сарае; дом был в большой опасности, и едва его отстояли; а у Красавиной дом и службы истреблены пожаром.

3 июня, в 9 часов вечера, в палатке кафедрального Богоявленского собора, что в паперти на правой стороне, занимаемой сторожами, по неосторожности их начался пожар: загорелись деревянные лари; прибегали из всех частей пожарные машины и на каланче били тревогу, однако еще до прибытия пожарных инструментов успели погасить без большого повреждения.

11 июня преосвященный Нил в келиях своих возложил орден Св.Анны 3 степени на протоирея Прокопьевской церкви Алексея Шергина, присланный по представлению преосвященного Нила из капитула орденов.

21 июня, в исходе 9 часов вечера, скончался Иркутский 2-й гильдии купец Петр Андреевич Нефедьев, на 77 году от рождения; 24 числа происходило отпетие тела в Благовещенской церкви; погребен на общем кладбище.

27 июня, в 5 часов утра, из тюремного замка, где содержался по распоряжению Генерал-Губернатора Муравьева с 21 октября 1852 года отставной чиновник Фавст Петрович Занадворов, главный наследник Ефима Кузнецова, по получении с почтою предписания, с Высочайшего разрешения, он увезен в сопровождении двух жандармов в Омск, для предания там суду военно-судной комиссии.

5 июля, в 3 часа по полудни, из Иркутска выехал в Балаганск преосвященный Нил для обозрения своей епархии; 12 числа прибыл обратно.

С 10 августа в Иркутске было видима на северо-западе звезда с хвостом (комета).

18 августа, в половине первого часа дня было чувствуемо землятресение, очень легкое.

В августе месяце получено предписание начальства, коим уничтожается Иркутский ремесленный дом и суконная фабрика при нем; состоящих при них рабочих из несчастных (ссыльных), которые еще не дожили законом определенного срока, велено рассылать по казенным заводам. Этот ремесленный дом учрежден и открыт в 1799 года Генерал-Губернатором Леццано.

20 августа в Иркутск прибыли из Красноярска 150 человек кантонистов.

30 августа в Иркутске рукоположен преосвященным Нилом во священника в Ниловскую пустынь вдовый диакон Николай Казанцев, бывший прежде Тихвинской церкви диаконом, а ныне состоящий заштатом; со времени

преосвященного Михаила, архиепископа Иркутского, такого рукоположения вдового диакона в сан священника в Иркутске не бывало, и то было по уважению отдаленности места: был рукоположен вдовый диакон Харлампиевской церкви Ерженин во священника в Камчатку.

10 сентября в Иркутск прибыли из Омска члены комиссии, назначенной по Высочайшему повелению, по делу чиновника Фавста Занадворова: обер-аудитор, флигель-адьютант полковник Огарев, еще с ним третий подполковник для спроса некоторых лиц; квартировали в доме купца Иннокентия Пономарева, по 1 части города, на берегу реки Ангары, в Троицком приходе; по окончании спросов 22 сентября из Иркутска выехали обратно по Московскому тракту в Омск.

31 октября, в 1 часу дня, по 2 части города, по близости базара, у чиновницы Лахтиной сгорели зимовейка и баня.

8 ноября, по получении с почтою известия, отправляемо было торжество по случаю рождения у Наследника Престола Цесаревича Александра Николаевича дочери, нареченной Мариею, родившейся в С.-Петерубрге, 5 октября 1853 года; во весь день был кокольный звон.

9 ноября при фронте солдат объявлена сентенция военного суда состоящему при Иркутской провиантской комиссии, числящемуся по армии штабс-капитану Якову Ивановичу Хилковскому: за подложные действыия лишается чинов, знака отличия беспорочной службы, дворянского достоинства и записывается в рядовые. Суд начался над ним с 1848 года и он содержался под стражей почти пять лет.

26 ноября, в кафедральном соборе читали Манифест о начатии войны с Турцией; отправляли молебствие.

27 ноября в кафедральном соборе отправляли торжество с целодневным звоном по случаю крещения Высоконоворожденной Княжны Марии Александровны, совершенного в Царско-Сельском Большом дворце 25 октября 1853 г.

(Продолжение следует).

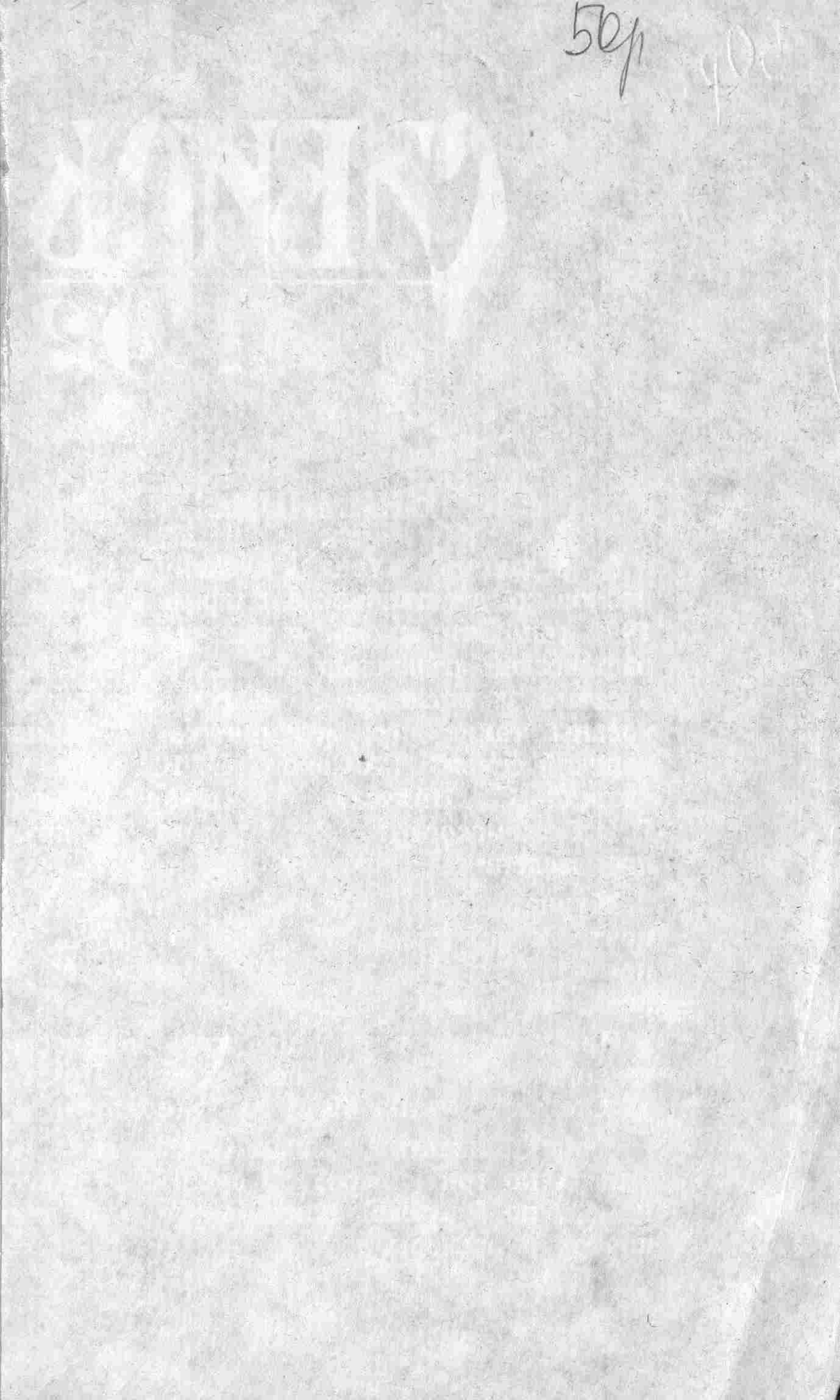
Журнал "СИБИРЬ"

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции :
664000, г. Иркутск, ул, Степана Разина, 40.
Союз писателей, тел. 24-56-76.

ИБ № 1758
Сдано в набор 14.04.92
Подписано в печать 28.08.92
Формат бумаги 84 × 108 1/32
Бумага газетная . Усл. печ. л. 10,92
Усл. кр.- отт. 11,18. Уч,- изд. л. 12,74
Тираж 10000 экз. Заказ 580.
Изд № 6431

Набрано и отпечатано
в Восточно - Сибирском
аэрогеодезическом предприятии.
664026, г. Иркутск,
ул. Декабрьских событий, 3

50p

50р.

СИБИРЬ

1'92

Внимание!

В редакции журнала "Сибирь" имеется несколько десятков экземпляров журнала за 1991 год. Эти журналы уже стали библиографической редкостью та[illegible] в них были впервые за последние [illegible] лет опубликованы такие пр[illegible] "Убийство царской семьи" [illegible]з есть при дверех" С[illegible]летопись" П.И.П[illegible] другие пр[illegible]

[illegible]я по [illegible]стой [illegible]роз-[illegible]

[illegible]л непосред-[illegible]ресу: Иркутск, у[illegible]ом литератора.

[illegible]вердом переплете (в двух кни[illegible]омера) 50 рублей, отдельные номер[illegible] рублей, плюс (для иногородних) почтов[illegible] расходы.